

**АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ
ОКУ «ГОСАРХИВ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ»**

**«РЕФОРМЫ В ИСТОРИИ РОССИИ»
(К 160-ЛЕТИЮ ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО
ПРАВА В РОССИИ)**

*Материалы
Всероссийской заочной научной конференции,
Курск, 12 марта 2021 г.*

Курск
2021

УДК 94(470+571)«17/21»
ББК 63.3(2)
Р 45

Р 45 «Реформы в истории России» (к 160-летию отмены крепостного права в России) : материалы Всероссийской заочной научной конференции. Курск, 12 марта 2021 г. / под редакцией В. Л. Богданова. – Курск : ООО «Центр рекламы «Лоцман», 2021. – 171 с. – Текст: непосредственный.

Редакционная коллегия: В. Л. Богданов (гл. редактор) – начальник архивного управления Курской области; Л. Б. Карманова (зам. гл. редактора) – зам. начальника архивного управления Курской области; Н. А. Елагина – директор ОКУ «Госархив Курской области»; В. В. Раков – зам. директора по научно-исследовательской работе ОКУ «Госархив Курской области», канд. ист. наук; О. А. Черников – заведующий филиалом ОКУ «Госархив Курской области», канд. ист. наук.

Научный редактор: О. Н. Аргунов, канд. ист. наук.

Сборник содержит тексты докладов и сообщений ученых, сотрудников архивных учреждений, работников учреждений культуры, краеведов, представленных на конференцию. Публикуемые материалы в своем большинстве подготовлены на основе документальных источников, выявленных в центральных и местных архивах, впервые вводимых в научный оборот. Издание предназначено для самого широкого круга читателей, интересующихся историей. Материалы опубликованы в авторской редакции.

УДК 94(470+571)«17/21»
ББК 63.3(2)

© Архивное управление Курской области, 2021
© ОКУ «Госархив Курской области», 2021
© Авторы статей, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Ефремова И.С.	Первая городская реформа 1699 г. Учреждение Бурмистерской палаты и земских изб	5–12
Рянский Л.М., Рянский Р.Л., Рянская М.Л. Тимохов Е.И.	Экономическое развитие Курской губернии в первой половине XIX в.	13–23
	Незаконные действия помещиков Курской губернии в отношении временнообязанных крестьян в период реализации положений крестьянской реформы 1861 г.	23–29
Раков В.В.	Из истории подготовки и проведения реформы 1861 года в Курской губернии (историографические заметки)	29–34
Черников О.А.	Влияние отмены крепостного права на развитие кооперативного движения России	35–40
Холодова Е.В.	Архитектурные образы курских усадеб в пореформенный период 1860-х – 1870-х годов	41–50
Долженков И.А., Выскребенцев А.В.	Роль провинциального государственного аппарата в процессе формирования органов местного самоуправления Курской губернии во второй половине XIX – начале XX веков	51–54
Ласочко Л.С.	Из истории Курской № 22 поверочной палатки мер и весов	54–58
Суржик О.С.	Реформы второй половины XIX – начала XX вв. в наследии К. П. Победоносцева	58–66
Чаплыгин П.В.	Реформы конца XIX – начала XX вв. в зеркале европейской историографии ...	66–72
Чубаров А.И.	Военная благотворительность в Курской губернии в конце XIX – начале XX вв.	73–78
Чаплыгина Н.И.	Реформы и Революции в России: социокультурный аспект	79–90
Федулов С.В., Косаренко Д.А., Мизиркина Н.Н.	Реформирование системы военно- технического сотрудничества в первые годы советской власти	90–97

Овчинникова А.А.	«Женский вопрос» в социальной политике советской власти 1918–1923 годов (по материалам московского региона)	97–100
Капустин Д.А.	К вопросу о кризисе курского отделения РКП(б) накануне захвата территории губернии войсками Вооруженных сил Юга России	101–105
Панова Е.А., Щукина Е.П. Салтык Г.А.	У истоков НЭПа	105–112
Бочаров В.Ю.	Проблемы реформирования социально-экономических и политических отношений в России в программных документах неонародников 1920-х гг. ..	112–116
Суржик О.С.	Реформы допризывной подготовки в ряды РККА 1920-х – 1930-х годов в московском регионе по архивным документам МОАЦ	116–120
Аргунов О.Н.	Реформа сознания: антирелигиозная пропаганда 1920-х – 1930-х гг. как инструмент формирования «нового советского человека»	121–126
Пчелинов-Образумов А.А., Крылова Т.В. Сойников А.А.	Реализация «Великого Сталинского плана преобразования природы» в Курской области: первые попытки рефлексии	127–135
Шкаровский М.В.	Реформирование административно-территориального устройства Белгородской области в 1954–1965 гг. ..	135–143
Цыбенко Т.А. Чаплыгин В.П.	Реформирование средней специальной гуманитарной школы России (конец 1950-х – 1960-е гг.)	143–147
Кокоулин В.Г.	Влияние хрущевских реформ на религиозную жизнь СССР	148–153
	С Нового года – новый рубль	153–155
	Экономическая реформа 1965 г. в СССР и повышение культуры сельскохозяйственного производства (на материалах Центрального Черноземья)	156–162
	Отмена крепостного права в политике исторической памяти XX – начала XXI вв.	162–170

И. С. Ефремова,
Государственный архив Курской области

ПЕРВАЯ ГОРОДСКАЯ РЕФОРМА 1699 г. УЧРЕЖДЕНИЕ БУРМИСТЕРСКОЙ ПАЛАТЫ И ЗЕМСКИХ ИЗБ

Аннотация. Городская реформа 1699 г. стала одной из первых великих реформ, проведенных Петром I, и была направлена на улучшение «экономического климата» в городах, которые в конце XVII в. переживали достаточно интенсивный этап своего развития.

Ключевые слова: Петр I, город, реформа, Бурмистерская палата, земская изба.

Взяв курс на формирование единого внутреннего рынка, с середины XVII в. русские цари сосредоточили внимание на городах. В указанный период «город» в юридическом и территориальном смысле подразумевал посад, население которого занималось торговлей, ремеслом и художествами [1, с. 109]. Обострение интереса к горожанам было не случайным. Доходы от торгового оборота и тягла составляли весомую часть бюджета, а натуральные повинности в виде безвозмездной работы в госучреждениях, содержания квартирующихся в городе солдат и т. п., сокращали казенные издержки [25, с. 150].

К началу XVIII в. основной проблемой посадских была правовая незащищенность при осуществлении коммерческих сделок и вмешательстве воевод в дела городского самоуправления [1, с. 259; 30, с. 161]. Совмещая управленческие и судебные полномочия, местная администрация присваивала часть торговых пошлин и тягла, а также отягощала посад самопровозглашенными налогами [26, с. 527].

Первые попытки по ограничению воеводских компетенций были предприняты в Уложении 1649 г. Статьей 3 главы XIX уголовные дела над посадскими передавались губным избам [40, с. 110]. Полномочия этих учреждений распространялись на особый юридический округ – губу, территориально равную уезду. В состав избы входил губной староста, дьячки и тюремные сторожа. До 1669 г. контроль над ними осуществлял целовальник, затем эти функции передавались сыщикам [25, с. 345]. В 1627–1682 гг. на центральном уровне торговыми делами заведовал Приказ купецких дел. Однако за отсутствием реальной власти (городами одновременно управляли 13 приказов) его полномочия постепенно перешли к Приказу Большой казны [27, с. 98].

В январе 1699 г. деятельность по созданию специализированного купецкого ведомства возобновилась [2, с. 255]. 30 января 1699 г. Петр I подписал два именных указа, касавшихся учреждения Бурмистерской палаты в столице [4, с. 598–599] и земских изб в уездах [5, с. 600]. Идея будущей реформы зародилась в 1695 г. [18, с. 204]. Поскольку сословное

сплочение посада требовало юридических мер, было решено образовать высший судебный приказ по коммерческим делам – Бурмистерскую палату (позднее – Ратуша) [27, с. 86]. Ее целью стало избавление «посадских, купецких и промысловых людей» [28, с. 18] от убытка и разорения [4, с. 598]. Подведомственные ей избы заведовали экономическим судопроизводством на местах [1, с. 253–307]. Эта политика была направлена на минимизацию казнокрадства посредством ликвидации воеводского контроля над городскими судами [1, с. 253–307]. К марту 1699 г. полномочия Бурмистерской палаты были расширены за счет административной и налоговой сфер [11, с. 614]. Контроль за финансовой деятельностью Палаты поручался Приказу Большой казны, которая отчитывалась за ее работу перед монархом [11, с. 614].

В отличие от других приказов, состав которых формировался царем, служащие Палаты (с ноября 1699 г. – Ратуша) избирались коллегией выборщиков из «лучших» горожан [11, с. 598]. Закон определял таковыми граждан с хорошей репутацией и высоким достатком [11, с. 598]. Ратуша состояла из трех судей (бурмистров) и двенадцати канцеляристов. По социальному статусу чиновники делились на три группы, каждая из которых избиралась своими выборщиками. Гости, сотенное купечество и население слобод избирали по одному бурмистру и четырех подьячих. Должность президента замещалась бурмистрами поочередно в течение трех месяцев [6, с. 613]. Во избежание «к корыстям непристойной работы» [10, с. 611; 39, с. 614] судьи и канцеляристы получали жалованье [10, с. 611]. Для удобства корреспонденции к Палате приписывался отряд солдат-отставников численностью в 100 человек [10, с. 611].

По аналогии с Москвой в уездах учреждались земские избы [2, с. 104, 105]. Изначально их организация была добровольной. Однако выдвинутые условия – единовременный 2-процентный налог от общего оклада – затормозили ход реформы. По официальным данным, лишь 11 из 70 уездных центров выполнили предписание, а 26, исполнив приказ, соответствующей платы не внесли [27, с. 119–120]. Например, 5 мая 1699 г. курский посад, избрав к государевой службе купцов А. М. Бесходарного и М. М. Нифонова, положенных выплат не произвел [27, с. 302]. В связи с этим налог пришлось отменить, но учреждение изб становилось общеобязательным. Исключение составили пограничные и сибирские города. Из-за отсутствия посадов в разрядных центрах бурмистры избирались из числа дворян-коммерсантов [27, с. 306], а в Сибири сохранялся институт кабацких и таможенных голов, ответственных перед воеводами [22, с. 654].

В состав изб входило несколько категорий бурмистров: земские, таможенные, соляные, провиантные, кабацкие, – каждая из которых имела строго регламентированные полномочия. Сбор пошлин за содержание торговых мест, выдача иностранным и отечественным купцам свидетельств на право коммерческой деятельности подлежали ведомству

таможенных бурмистров. К ведению земских были отнесены судебнопроцессуальные обязанности [11, с. 614]. Подсудность дел определялась, исходя из предмета спора и сословного положения ответчика. В тех случаях, когда обвиняемый принадлежал к «иных чинов людям», дело решалось совместно с представителем от соответствующего приказа [37, с. 88–89]. Кроме того, земские бурмистры выписывали проездные и покормежные паспорта, собирали пошлины за гербовую бумагу, оформляли крепости на лавки и выплачивали подорожные [14, с. 25]. В приморских городах их власть распространялась и на казенных крестьян [17, с. 667]. Под контроль кабацких, соляных, провиантных выборных попали дела, касаемые функционирования кружечных и питейных дворов, винокурен, соляных и хлебных магазинов [10, с. 611, 612]. Между бурмистрами существовала иерархия. Согласно приговору Ратуши от 12 августа 1701 г. главными среди них объявлялись земские, без подписи которых отчеты других служащих считались недействительными [32, с. 172].

Главными обязанностями бурмистров были судебные [23, с. 439–440]. Источниками права для них служили Уложение, царские указы и Новоторговый устав [10, с. 611–613]. Под их юрисдикцию попадали дела, ответчиками по которым выступали обыватели посадов. В июле 1700 г. круг лиц, подведомственных бурмистерскому суду расширялся за счет казенных крестьян и беломестцев [15, с. 74]. На вмешательство воевод избам разрешалось подавать жалобы в Ратушу, где дело решалось совместным рассмотрением с территориальным судебным приказом [15, с. 613]. За рассмотрение прошения с заявителей взималась фиксированная плата, заносившаяся в приходо-расходные ведомости. При сумме иска менее 100 руб. приговор подписывал только земской бурмистр, выше – все заседатели (2 или 4) [7, с. 642].

В налоговой сфере земские избы отвечали за раскладку и сбор окладных и неокладных повинностей. Также в их обязанности входило пресечение беспошлинного торга и наложение штрафов на нарушителей и должников [38, с. 88]. Перед открытием ярмарки отечественные и иноземные купцы обязывались оповестить бурмистра о количестве и составе привезенного товара для внесения в таможенную книгу. По окончании ярмарочного дня они сдавали отчеты о вырученных средствах, с которых взималась пошлина в 10 денег с рубля. На купцов, имевших в собственности лавки, налагалась плата за содержание торгового места. К концу 1705 г. были опубликованы статьи «О взимании с торговых людей пошлин». В соответствии с ними налоговые ставки по многим позициям заметно возрастали, что сильнее всего затронуло иностранцев и купцов, связанных с сырьевым и внешним рынком [37, с. 331–332]. В то же время, отмена пошлин на мелкий опт стимулировала предпринимательскую активность среди мелких лавочников [36, с. 34]. Помимо этого, бурмистры следили за ценовой политикой. Тарифы и прейскуранты заблаговременно

рассылались по таможням, на основании чего все товары клеймились. В случае нелегальной скупки продукции у уездных производителей или продажи по завышенным ценам купцы штрафовались с последующей конфискацией. Такая политика минимизировала потери от беспошлинной торговли и рыночных спекуляций [36, с. 89].

Во избежание убытков земские избы вели колоссальное количество реестров, учетных книг и ведомостей. Ежедневно пошлины фиксировались в приходной документации, затем по ним делались недельные сводки, которые обобщались в месячные, третные и годовые. Отчеты о сборе налогов и податей из земских изб поступали в Московскую ратушу, а оттуда в Приказ Большой казны. Помимо финансовой документации, эти учреждения вели ведомости по учету кадров и текущего делоборота, а также статистику судопроизводства (количество поступивших, решенных, нерешенных и апелляционных дел) [31, с. 203].

Работа в земской избе не считалась тяглом. Бурмистры состояли на балансе государства и считались государственными служащими. При этом ответственность за проступки выборного, помимо его самого, несла посадская община [25, с. 322]. Штрафы и долги, которые бурмистр не мог оплатить сам, раскладывались между горожанами [16, с. 13]. Поэтому в судьи избирали «людей известных, зажиточных и с благонадежными поручительствами» [24, с. 392–393]. Требования к служебному поведению и отбору кадров ежегодно ужесточались. За счет повышения образовательного, материального и имущественного цензов бурмистерские должности становились элитарными [12, с. 167].

Главным методом контроля за бурмистрами были санкции. Так, за несвоевременную подачу ведомостей в Ратушу или недостачу по сборам налагался штраф. В 1699 г. его сумма составляла 15 % от оклада, позднее ее сократили до 10 [33, с. 450]. Помимо денежного взыскания, лихоимство угрожало конфискацией имущества и лишением предпринимательского права [33, с. 450]. Не приветствовалось и намеренное отягощения налогоплательщиков [20, с. 289]. За самовольное завышение тарифов бурмистров ссылали на каторгу [20, с. 289] «...на Азов или еще куда на житье вечное» [21, с. 319], а за мошенничество при составлении крепостей отправляли на принудительные работы. Нарушение дисциплины, в частности, злоупотребление спиртным на рабочем месте, грозило инспекторской проверкой с последующим увольнением и наложением штрафа. При этом суд над бурмистрами осуществляла только Ратуша [33, с. 451].

Помимо внутриорганизационного контроля, за работой бурмистров существовал внешний. Именным указом от 9 февраля 1705 г. учреждалась должность старшего инспектора, который непосредственно подчинялся Царю и доносил о злоупотреблениях местного чиновничества [29, с. 287–288]. Назначенному на этот пост А. Курбатову в кратчайшие сроки предстояло проверить избы и вручить бурмистрам подробные расписания

недочетов. Изрядно проворовавшиеся чиновники незамедлительно увольнялись. Это поставило Ратушу под жесткий контроль государя. Кроме того, Петр I поощрял доноительство, обещав за него денежное вознаграждение в четверть дохода «проворовавшегося» и право на участок земли. Холопам за проявление подобной бдительности даровалась личная свобода [29, с. 287–288]. Из-за учащения лжесвидетельствования 3 ноября 1699 г. был принят закон, угрожавший ябедникам публичной поркой [3, с. 667].

Укрепление позиций Ратуши привело к ослаблению власти воевод в посадах. Недаром Д. О. Серов именовал ее уникальным органом, «не имевшим ни отечественных, ни зарубежных аналогов» [34, с. 68]. Несмотря на скромный набор административных компетенций и территориальную ограниченность масштабами посада, Ратуша являлась первым органом самоуправления, срощенного не с общинным, а с государственным началом [35, с. 8].

Городская реформа 1699 г. была первым шагом по созданию в России торгово-промышленного класса. К 1701 г. общий объем налоговых поступлений от уровня 1680 г. увеличился в 2 раза. Из них только кабацкие и таможенные сборы, переданные бурмистрам, дали 1 250 тыс. руб. прибыли [27, с. 118]. Экономии принесла и переброска 80 % военных расходов на содержание Ратуши. В 1701 г. она снабжала 12 157 из 13 340 солдат, ранее подведомственных Разрядному приказу, а к 1710 г. на ее попечении состояло уже 30 полков. Эта мера не только уменьшила казнокрадство, но и позволила реорганизовать 13 лишних приказов [27, с. 136]. За счет усиления контроля за промыслами и торговыми офертами минимизировались случаи беспошлинной и контрабандной торговли. Все рынки и торжки подвергались аккредитованию, а без регистрации посадского состояния заниматься коммерческой деятельностью запрещалось. Посредством ратушского правления ужесточался надзор за качеством выпускаемой продукции, особенно в отношении винной, табачной и соляной продажи. В 1705 г. эти промыслы были изъяты из частного откупа в пользу государства, обеспечив доход в 300 тыс. руб. До 1708 г. надзор за порядком исполнения указанных предписаний возлагался на бурмистров, затем его вернули таможенным головам [27, с. 142].

Вместе с тем, введение новых учреждений было неподготовленным и непоследовательным. Земские избы сосуществовали со съезжими, что приводило к двойному отягощению посадков, что подтверждают отчеты инспектора Скуратова [25, с. 609]. На центральном уровне власть Ратуши дискредитировалась смежными приказами, что нарушало единство управления. Например, в 1705 г. сбор с кружечных дворов единовременно взимался кабацкими бурмистрами и воеводскими мытарями, отправляясь и в Ратушу, и в Ингерманландскую канцелярию [8, с. 285]. А третий рекрутский набор среди горожан в 1707 г. бывшая Палата проводила совместно с семью приказами [13, с. 390]. В феврале 1710 г. эта

обязанность снова перешла к воеводам, контролируемым губернаторами [19, с. 477–478].

Перелом в ходе Северной войны стоил немалых финансовых и людских ресурсов. Внутренняя нестабильность в корне противоречила желанию сохранить тактическое преимущество. Выход виделся в губернской реформе 1708 г.

Источники и литература

1. Богословский М.М. Городская реформа 1699 г. // Институт выборов в истории России. Источники, свидетельства современников. Взгляды исследователей XIX – начала XX века / Авт.-сост. Ю. А. Веденьев, И. В. Зайцев, В. В. Луговой; под общей ред. канд. юрид. наук А. А. Вешнякова. М., 2001. С. 253–307.
2. Богословский М.М. Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–27 гг. М.: Унив. тип., 1902. 576 с.
3. Именной Высочайший указ от 3 ноября 1699 г. № 1715 «О принятии у откупщиков денег по расчету, об отдаче государственных крестьян в ведомство бурмистрам, и о наказании за несправедливую жалобу на бурмистров» // ПСЗРИ. Собрание первое: в 45-ти т. СПб., 1830. Т. III. С. 667
4. Именной Высочайший указ от 30 января 1699 г. № 1674 «Об учреждении Бурмистерской Палаты для ведомства всяких расправных дел между гостями и посадским людьми, для управления казенными сборами и градскими повинностями и об исключении гостей и посадских людей из ведомства воевод и приказов» // Полное собрание законов Российской Империи (далее – ПСЗРИ). Собрание первое: в 45-ти т. СПб., 1830. Т. III. Ст. 1674. С. 598–599.
5. Именной Высочайший указ от 30 января 1699 г. № 1675 «Об учреждении земских изб для ведомства всяких расправных дел между гостями и посадским людьми, для управления казенными сборами и градскими повинностями и об исключении гостей и посадских людей из ведомства воевод и приказов» // Полное собрание законов Российской Империи (далее – ПСЗРИ). Собрание первое: в 45-ти т. СПб., 1830. Т. III. Ст. 1675. С. 600.
6. Именной указ от 1 апреля 1699 г. № 1685 «О выборе гостям и гостиным сотням бурмистров из всех слобод по одному» // ПСЗРИ. Собрание первое: в 45-ти т. СПб., 1830. Т. III. С. 613–614.
7. Именной указ от 1 сентября 1699 г. № 1696 «О даче бурмистрам для печатания памятей, печати с изображением весов и о помете вершених дел во 100 рублей и меньше одному, а больше 100 рублей всем бурмистрам» // ПСЗРИ. Собрание первое: в 45-ти т. СПб., 1830. Т. III. С. 642.
8. Именной указ от 1 февраля 1705 г. № 2024 «О взимании на кружечных дворах медового сбора с винной продажи с покупателей поведерной пошлины» // ПСЗРИ. Собрание первое: в 45-ти т. СПб., 1830 Т. IV. С. 285–286.
9. Именной указ от 15 сентября 1705 г. № 2074 «О наказаниях и пенях за кормчество питьями и о награждении доносителей за открытие корчемников» // ПСЗРИ. Собрание первое: в 45-ти т. СПб., 1830 Т. IV. С. 317–322.
10. Именной указ от 16 марта 1699 г. № 1683 «О выборе бурмистров из всех сотен и слобод; о делах, подлежащих ведомству Бурмистерской палаты; о сообщении книг по сборам с торговых и слободских людей, и равно как всех узаконений по таможенным и питейным сборам» // ПСЗРИ. Собрание первое: в 45-ти т. СПб., 1830. Т. III. С. 611; Именной указ от 1 апреля 1699 г. № 1685 «О выборе гостям и гостиным сотням

- бурмистров из всех слобод по одному» // ПСЗРИ. Собрание первое: в 45-ти т. СПб., 1830. Т. III. С. 613–614.
11. Именной указ от 17 апреля 1699 г. № 1686 «О выборе бурмистров из всех сотен и слобод; о делах, подлежащих ведомству Бурмистерской палаты; о сообщении книг по сборам с торговых и слободских людей, и равно как всех узаконений по таможенным и питейным сборам» // ПСЗРИ. Собрание первое: в 45-ти т. СПб., 1830. Т. III. С. 614.
12. Именной указ от 2 мая 1701 г. № 1853 «Об отдаче на откуп сборов, состоящих в ведении Конюшенного приказа и бурмистров» // ПСЗРИ. Собрание первое: в 45-ти т. СПб., 1830 Т. IV. С. 167.
13. Именной указ от 22 октября 1707 г. № 2161 «О наборе рекрут с посадских людей, с домовых, патриарших, архиерейских и монастырских вотчин, с двадцати дворов по человеку» ПСЗРИ. Собрание первое: в 45-ти т. СПб., 1830 Т. IV. С. 390.
14. Именной указ от 24 мая 1700 г. № 1788 «О выдаче из Ратуши прогонов до Саратова по указу Казанского приказа, а не по воеводским памятям» // ПСЗРИ. Собрание первое: в 45-ти т. СПб., 1830. Т. IV. С. 25.
15. Именной указ от 26 июля 1700 № 1808 «О принесении жалоб купецким людям на беломесцов в Ратуше» а в побоях и других подобных обидах в том приказе, в ведомстве которого обидчик состоит» // ПСЗРИ. Собрание первое: в 45-ти т. СПб., 1830. Т. IV. С. 74.
16. Измайлов Б.И. Казанская татарская ратуша (1781–1855 гг.): автореф. ... канд. ист. н. Казань, 2009. 23 с.
17. Именной указ от 3 ноября 1699 г. № 1715 «О принятии у откупщиков денег по расчету, об отдаче государственных крестьян в ведомство бурмистров, и о наказании за несправедливую жалобу на бурмистров» // ПСЗРИ. Собрание первое: в 45-ти т. СПб., 1830 Т. III. С. 667; Именной указ от 15 сентября 1705 г. № 2074 «О наказании и пенях за кормчество пиями, и о награждении доносителей за открытие корчемников» // ПСЗРИ. Собрание первое: в 45-ти т. СПб., 1830 Т. III. С. 319.
18. Именной указ от 6 июня 1695 г. № 1513 «О сочинении во всех приказах проектов для пополнения Уложения и новоуказных статей» // ПСЗРИ. Собрание первое: в 45-ти т. Т. I. СПб., 1830. С. 204.
19. Именной указ от 9 февраля 1710 г. № 2251 «О сборе рекрут по губерниям губернаторам, о ведении соляного сбора головам и целовальникам» // ПСЗРИ. Собрание первое: в 45-ти т. СПб., 1830 Т. IV. С. 477–478.
20. Именной указ, объявленный из Ратуши, от 15 февраля 1705 г. № 2033 «О сборе пошлины с продажи товаров и в то же время с первой закупки оных, если они были скуплены в уездах у первых производителей беспошлинно» // ПСЗРИ. Собрание первое: в 45-ти т. СПб., 1830 Т. IV. С. 289–290.
21. Именной указ, объявленный из Ратуши, от 15 февраля 1705 г., № 2033 «О сбор пошлины с продажи товаров, в то же время с первой закупки оных, если они были скуплены в уездах, у первых производителей» // ПСЗРИ. Собрание первое: в 45-ти т. СПб., 1830 Т. IV. С. 289–290; Именной указ от 15 сентября 1705 г. № 2074 «О наказании и пенях за кормчество пиями, и о награждении доносителей за открытие корчемников» // ПСЗРИ. Собрание первое: в 45-ти т. СПб., 1830 Т. IV. С. 319.
22. Именной указ, объявленный из Сибирского приказа Бурмистресской палате, от 27 октября 1699 г. № 1708 «О невыборе в сибирских городах бурмистров; о поручении сбора пошлин головам и целовальникам из русских и из сибирских городов и о надзирании над ними воеводам // ПСЗРИ. Собрание первое: в 45-ти т. СПб., 1830. Т. III. С. 654.
23. Именной указ, состоявшийся в Преображенском приказе, за подписанием Царевича Алексея Петровича о последовавший на основании оногo приговор Ратуши, от 4 января 1708 г. № 2220 «О не дозволении купецким людям выходить в другие звания и разные казенные должности, о приписке беломесцов торговых людей к посадам, с

обязанностью платить подати по торговому званию и о ведении посадских и торговых людей в одной ратуше» // ПСЗРИ. Собрание первое: в 45-ти т. СПб., 1830. Т. IV. С. 439–440.

24. Именной указ, состоявшийся в Ратуше, от 29 октября 1707 г. № 2165 «О неотдаче таможенных и питейных сборов на откуп дворцовым, архиерейским и монастырским и прочих вотчин крестьянам и об отдаче оных людям известным, зажиточным и с благонадежными поручительствами // ПСЗРИ. Собрание первое: в 45-ти т. СПб., 1830. Т. IV. С. 392–393.

25. Кизеветтер А.А. Посадская община в России XVIII ст. М.: Унив. тип., 1903. VI, 810 с.

26. Любавский М.К. Русская история XVII–XVIII веков. СПб.: Лань, 2002. 576 с.

27. Милюков П.Н. Государственное хозяйство в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб.: Изд-во М.В. Пирожкова. Тип. М. М. Стасюлевича, 1905. 688 с.

28. Мрочек-Дроздовский П.Н. Областное управление России XVIII века до Учреждения о губерниях ноября 1775 года. Ч. 1: Областное управление эпохи первого учреждения губерний (1708–1719). М.: Унив. тип. Н. В. Каткова, 1876. 386 с.

29. Наказные статьи инспекторам ратушского правления от 9 февраля 1705 г. № 2028 // ПСЗРИ. Собрание первое: в 45-ти т. СПб., 1830. Т. IV. С. 287–288.

30. Плошинский А.О. Городское, или среднее состояние русского народа, в его историческом развитии, от начала Руси до новейших времен. СПб.: Тип. Э. Веймара, 1852. 286 с.

31. Приговор Ратуши от 1 января 1703 г. № 1922 «О заведении шнуровых книг и о выдаче оных за скрепою земских бурмистров таможенным и кабацким целовальникам для повседневной записки поступающих пошлин и по питейной части употреблённых припасов на курение вина и денег, вырученных от продажи оногo // ПСЗРИ. Собрание первое: в 45-ти т. СПб., 1830. Т. IV. С. 203.

32. Приговор Ратуши от 12 августа 1701 г. «О неприводе таможенным и кабацким бурмистрам поступивших в приход денег в Москву без письменных донесений от земских бурмистров, и о присылке оных денег с целовальниками, в запечатанных мешках таможенною печатью» // ПСЗРИ. Собрание первое: в 45-ти т. СПб., 1830. Т. IV. С. 172.

33. Приговор Ратуши, объявленный Приказу крепостных дел, от 16 марта 1709 г. № 2228 «О бытии выбранным писцам у крепостных дел по-прежнему, о наблюдении законного в писании крепостей и о вычете у писцов из жалованья за прогульные дни по гривне на день» // ПСЗРИ. Собрание первое: в 45-ти т. СПб., 1830 Т. IV. С. 450–451.

34. Серов Д.О. Ратушские и магистратские суды в судебной системе России первой трети XVIII века // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. Вып. 4: в 2-х ч. Ч. 1. Курск: КГУ, 2012. С. 68.

35. Серов Д.О. Судебная реформа Петра I. Историко-правовое исследование. М.: Зерцало-М, 2009. 488 с.

36. Спиридонова Е.В. Экономическая политика и экономические взгляды Петра I. М.: Политиздат, 1952. 288 с.

37. Статьи № 2084 «О взимании с торговых людей пошлин» // ПСЗРИ. Собрание первое: в 45-ти т. СПб., 1830. Т. IV. С. 331–332.

38. Статьи от 22 декабря 1700 г. № 1819 «О таможенном и питейном сборе посланные для памяти из Ратуши» // ПСЗРИ. Т. IV. С. 88–89.

39. Статьи, присланные в Разряд, от 30 мая 1699 г. № 1686 «О выборе бурмистров и о правилах управления делами, подлежащими их ведомству» // ПСЗРИ. Собрание первое: в 45-ти т. СПб., 1830. Т. III. С. 614.

Л. М. Рянский,
доктор исторических наук,
Курский государственный университет

Р. Л. Рянский,
доктор исторических наук,
Курский государственный университет

М. Л. Рянская,
кандидат исторических наук,
Средняя общеобразовательная школа № 51 (г. Курск)

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Аннотация: В статье показано, что в первой половине XIX в. происходил экономический рост во всех отраслях хозяйства Курской губернии. Более медленно, в основном за счет введения в хозяйственный оборот новых земельных угодий, развивалось сельское хозяйство. В области промышленности были достигнуты внушительные успехи. При этом развитие производительных сил продолжалось в хозяйствах и предприятиях, основанных как на вольнонаемном и семейном, так и на крепостническом труде.

Ключевые слова: помещики, крестьяне, промыслы, земледелие, животноводство, крепостной труд.

Отмена крепостного права в России была обусловлена целым комплексом причин, в том числе и экономических. Развитие хозяйства Курской губернии в целом и его отдельных отраслей уже неоднократно становилось предметом изучения, однако обобщающего исследования, охватывающего основные отрасли экономики в обозначенных хронологических рамках, пока еще не создано. Авторы данной относительно небольшой статьи усматривают свою задачу главным образом в том, чтобы суммировать уже введенные в научный оборот данные различных источников и на этой основе попытаться установить ведущие тенденции в экономическом развитии Курской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в.

К числу основных источников исследования относятся губернаторские отчеты, хозяйственная документация из личных фондов помещиков и дел об опеке дворянских имений, уставные грамоты, отчеты губернской палаты государственных имуществ, материалы комиссии народного продовольствия, издания губернского статистического комитета, дореволюционная периодика.

В изучаемый период главной отраслью экономики Курской губернии оставалось сельское хозяйство, которое, как и в предшествующее время, развивалось экстенсивным путем, о чем свидетельствуют данные таблицы № 1.

Таблица № 1. Динамика посевов озимых и яровых культур в Курской губернии в первой половине XIX в. (тыс. четвертей)

Годы	Озимые	Яровые	Всего
1804–1811	825,5	913,2	1738,7
1841–1850	862,0	1284,0	2146,0
1851–1860	881,0	1340,0	2220,9

Источники: Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 281. Оп. 4–6.

Таким образом, за полвека, по данным губернаторских отчетов, посевы хлебов возросли в губернии более чем на четверть (на 27,7 %).

На протяжении всего рассматриваемого периода в губернии преобладали «серые хлеба»: основной озимой культурой была рожь, а главными яровыми культурами – овес и гречиха. Так, по сведениям комиссии народного продовольствия, в 1853 г. структура посевов с учетом норм высева на 1 десятину (ржи, пшеницы, гречихи 1 четверть, овса и ячменя 1,5 четверти, проса 0,2 четверти) была следующей. Посевы ржи составляли 46,6 %, пшеницы – 5,3 %, ячменя – 2,4 %, овса – 28,9 %, гречихи – 16,3 %, проса – 0,5 % [1]. Больше всего пшеницы высевалось в помещичьих хозяйствах (51,7 %), а ржи – в хозяйствах помещичьих и государственных крестьян (75,5 %).

Рассмотрим официальные данные губернаторских отчетов о посевах и урожаях хлебов (таблица № 2).

Таблица № 2. Посевы и сборы (в тыс. четвертей) и урожайность зерновых культур (в «самах») в Курской губернии в первой половине XIX в.

Годы	Озимые			Яровые			Всего		
	посев	сбор	урожаиНОСТЬ	посев	сбор	урожаиНОСТЬ	посев	сбор	урожаиНОСТЬ
1804	758,2	3693,1	4,9	832,1	2918,4	3,5	1590,3	6511,6	4,1
– 1805									
1806	827,7	3964,2	4,7	959,5	3618,3	3,8	1787,2	7093,5	4,0
– 1810									
1811	825,3	3253,9	3,9	889,4	2424,4	2,7	1714,7	5678,3	3,3
– 1815									
1841	871,0	4095,8	4,7	1293,	4992,6	3,9	2164,6	9088,4	4,2

Годы	Озимые			Яровые			Всего		
	посев	сбор	урожаи ность	посев	сбор	урожаи ность	посев	сбор	урожаи ность
– 1845				6					
1846	852,0	2916,6	3,4	1280, 3	3892,0	3,0	2132,3	6808,6	3,2
– 1850									
1851	873,9	2746,2	3,1	1318, 5	4065,1	3,1	2192,4	6811,3	3,1
– 1855									
1856	888,1	2843,8	3,2	1361, 3	3919,0	2,9	2249,4	6762,8	3,0
– 1860									

Источники: РГИА. Ф. 281. Оп. 4–6.

Как видим, до середины 1840-х гг. сборы хлебов увеличивались, однако в последние 15 лет перед крестьянской реформой произошло их уменьшение, что было обусловлено снижением урожайности. Последнее объясняется отчасти тем, что в течение первой половины XIX в. все больше вводились в хозяйственный оборот менее плодородные земли, которые раньше не распахивались, и одновременно уменьшались площади перелогов, способствовавших восстановлению плодородия почвы. Вторая причина снижения урожаев заключалась в ухудшении метеорологических условий. Если в первой половине 1840-х гг. неурожайным был только один 1841 г., то с 1846 по 1860 год недород (урожайность менее сам-3) как озимых, так и яровых наблюдался 7 раз. Не следует также сбрасывать со счетов негативное влияние Крымской войны 1853–1856 гг. и ее последствий. Наконец, определенную дезорганизацию в сельское хозяйство вносил процесс подготовки отмены крепостного права.

Однако при этом стоит акцентировать внимание на том, что приведенные в таблице № 2 данные официальной урожайной статистики, несомненно, являются заниженными, на что указывали современники и свидетельствовали результаты специальных исследований. Так, согласно данным обследования посевов государственных крестьян, проведенного в конце 1850-х гг., урожайность ржи (в переводе с четвертей на самы) колебалась в интервале от сам-3 до сам-8,5 при среднем значении сам-6,4 [2, с. 250]. В Суджанском уезде в среднем за 10 лет урожайность пшеницы составляла сам-20 и более, ржи и овса – сам-8, гречихи, гороха и ячменя – сам-6 [3, с. 98]. По выборке численностью 50 помещичьих имений Курской губернии за 1840–1850-е гг., среднее значение урожайности озимых составляло сам-6,7 (минимальное сам-6,4), а яровых в 48 имениях – сам-5,3 и сам-4,9 соответственно [4, с. 158–159].

Важной отраслью крестьянского и в меньшей степени помещичьего хозяйства являлось животноводство, находившееся в тесной взаимосвязи с

земледелием. К сожалению, надежных источников, содержащих сведения о поголовье скота в губернии в изучаемый период, не существует. Ситуация осложняется тем, что данный показатель сильно зависел от размеров урожаев и потому был подвержен колебаниям. В урожайные годы поголовье скота, особенно мелкого, скороспелого (свиней) возрастало и, напротив, при недородах – сокращалось. Но, несмотря на несовершенство источников, уловить ведущую тенденцию в динамике поголовья скота все же удастся. Это был понижительный тренд, обусловленный неуклонным расширением площади пашни за счет сокращения площадей лесов, пастбищ, сенокосов, даже неудобий, а значит, и уменьшением кормовой базы для скотоводства. Данные таблицы № 3 красноречиво свидетельствуют об этом.

Таблица № 3. Динамика поголовья скота в Курской губернии в конце 40-х – начале 60-х гг. XIX в. (голов)

Годы	1847	1859	1862
Лошадей	1 033 000	635 000	624 000
Крупного рогатого скота	702 000	441 000	383 000
Овец	1 132 000	858 000	804 000
Свиней	545 000	450 000	398 000

Источник: Географо-статистический словарь Российской империи / сост. П. Семенов. Т. I. СПб., 1863. С. 868.

Основными производителями материальных благ в губернии были помещичьи и государственные крестьяне и, соответственно, основой всей экономической системы являлись их хозяйства. Полнокровное крестьянское хозяйство должно было иметь достаточное количество земли и скота, в первую очередь тяглого, использовавшегося для обработки пашни и транспортировки различных грузов. По данным Курской губернской палаты государственных имуществ, в 1860 г. в земельном наделе государственных крестьян насчитывалось в среднем 4 десятины пашни, усадебной земли, сенокосов, выгонов, неудобий на одну ревизскую душу [5, л. 126 об. – 127]. Однако распределение земли по разным причинам было неравномерным, вследствие чего многие крестьяне страдали от малоземелья. Наделы помещичьих крестьян были меньшими, чем у государственных. По наиболее точным данным уставных грамот, накануне реформы 1861 г. средний надел барщинных крестьян составлял 2,8 десятины всех угодий, оброчных – 2,2 десятины, состоявших на смешенной повинности – 2,5 десятины и вотчинных (приписанных к Глушковской суконной фабрике) – 3,1 десятины [6, с. 77, 89].

В целом же средний надел большинства не только государственных, но и помещичьих крестьян был достаточным для обеспечения крестьянских семей жизненными средствами и исполнения повинностей: «в факте преобладающего надела выразилось долголетним опытом

дознанное соотношение между крестьянскими нуждами и местными средствами, служащими к их удовлетворению» [7, с. 1378]. Эта оценка касается помещичьих крестьян, среди которых лишь 14,9 % (в основном оброчных) имели от 1 до 2 десятин, а остальные больше [6, с. 81].

Что касается скотоводства у помещичьих крестьян, то весьма точные данные содержатся в подворных описях. По данным выявленных нами описей 65 имений за 40-е – 50-е гг. XIX в., в хозяйствах земледельческих крестьян насчитывалось в среднем 4,9 души мужского пола (в том числе 2,7 работника), 4,1 головы рабочих и молодых лошадей, 2,3 головы крупного рогатого скота. Важно подчеркнуть, что на каждого работника мужского пола приходилось в среднем 1,1 рабочей лошади. При этом, как известно, не все сельскохозяйственные работы требовали обязательного привлечения лошадей [8, с. 22–24]. Следовательно, большинство крестьян в достаточной мере были обеспечены рабочим скотом – этим важнейшим, наряду с землей, средством производства.

Часть крестьян совмещали занятия земледелием с различными промыслами, а иногда занимались почти исключительно одними промыслами, в том числе ремеслами. Последние в большей мере были распространены в помещичьих имениях у крестьян, состоявших на оброчной или смешанной повинности. Государственные крестьяне в большей мере занимались, наряду с земледелием, отхожими промыслами.

Местные промыслы развивались по восходящей линии и к середине XIX в. стали уже заметным явлением: «в губернии встречаются околотки, где население целых слобод и деревень занято преимущественно каким-либо промыслом. С первого взгляда нередко подобные занятия представляются маловажными, даже ничтожными, но в действительности они иногда служат прочной основой благосостояния жителей, образуют обширную промышленность, произведения которой оказываются весьма значительною статьею в торговле» [9, с. IX]. В источниках зарегистрировано несколько десятков различных промыслов, но к числу наиболее развитых как по масштабам производства, так и по уровню своей экономической организации относилось сапожное ремесло. В начале 1860-х гг. в юго-восточном районе Курской губернии производилось кож и сапог на сумму 1,5 млн руб. Крупнейшими центрами этого ремесла стали Михайловка, Ольшанка, Халань, Слоновка Новооскольского уезда [10, с. 58]. Например, в слободе Ольшанке князя Трубецкого в середине 1850-х гг. производилось ежегодно до 150 тыс. пар сапог. Промысел эволюционировал в направлении рассеянной капиталистической мануфактуры. Организаторами производства выступали скупщики с капиталом до 30 тыс. руб. серебром. Они снабжали крестьян сырыми кожами, а те перестали быть самостоятельными производителями и превратились в надомных рабочих, которые «доставляют последним пользу и сами живут единственно от них, ибо такой швец, продавая вперед за год сотни пар сапог, у себя на то не имеет никаких средств» [11, с. 186].

Что касается отхода крестьян на заработки, то его масштабы тоже возрастали. В конце XVIII в. общегубернский отход достигал 13 тыс. человек [12, с. 310]. В 1858 г. только из государственной деревни отправлялось на заработки главным образом на уборку хлеба в южные районы страны 78 965 чел. [13, с. 354].

К сожалению, мы не располагаем агрегатными данными о числе отходников из помещичьих имений. Отдельные сведения показывают, что уровень отхода оброчных крестьян не уступал аналогичному показателю у государственных крестьян. Так, крестьяне слободы Рыбинские Буды Обоянского уезда Юсуповых «по случаю оброчного их состояния... большей частью находятся в заработках», тогда как в их же Ракитянском имении Грайворонского уезда на «заработки крестьяне отпускаются... немногие по усмотрению вотчинного начальства» [14, л. 57, 112]. Из громадной Борисовской вотчины Шереметевых (Грайворонский уезд) перед отменой крепостного права уходило на заработки около 27 % взрослого мужского населения [15]. Барщинные крестьяне тоже занимались отхожими промыслами, но, по понятным причинам, в гораздо меньших масштабах. К примеру, в селах Нижнее Гуторово, Веденском, сельцах Александровке и Семеновке, деревнях Обуховке и Новопоселенной и др. Курского уезда жители занимались извозами и заработками на шоссе [16].

Курская губерния была аграрной, но тем не менее в первой половине XIX в. произошли значительные сдвиги и в развитии промышленности. Промышленные заведения строились как в городах, так и в сельской местности. Создателями крупных для того времени предприятий были помещики, «которые, не щадя ни трудов, ни капиталов, основали оныя и старались приводить их в лучшее состояние введением новых машин и успешнейшим производством работ» [17, с. 3].

В конце XVIII в. в губернии насчитывалось более 280 «заводов» и «фабрик», но неизвестно, все ли они функционировали. В 1829 г. одних только действующих предприятий было 199 и большое количество недействующих (точная цифра не указана). Например, не работали 28 селитерных и более 40 салотопенных заведений. В последующие годы регистрировались только действующие предприятия. В 1847 г. их насчитывалось 319, а в 1859 г. – 555 [18, с. 1006–1030; 17, с. 3; 20, с. 3–104, 252–255].

Таким образом, наиболее быстро курская промышленность развивалась в казалось бы кризисные предреформенные годы. Самыми распространенными были предприятия, перерабатывавшие сельскохозяйственное сырье и производившие строительные материалы. Большинство из них принадлежали купцам и частично мещанам. Как правило, они представляли собой небольшие мастерские, в которых насчитывалось по несколько работников.

Крупная промышленность была представлена основанными на крепостном труде, принадлежавшими помещикам, так называемыми вотчинными мануфактурами. Они монопольно господствовали в суконной, винокуренной, писчебумажной и свеклосахарной отраслях промышленности. Суконная промышленность по существу деградировала. В 1828 г. действовало 9 предприятий, а в 1859 г. – 4. Другие отрасли развивались вполне успешно. В конце XVIII в. числилось 89 винокуренных «заводов», но все они были мелкими (самый крупный производил в год 20 тыс. ведер хлебного вина). В 1859 г. их число сократилось до 21, но они производили 100 000 и даже 200 000 ведер алкоголя.

Бурно прогрессировала свеклосахарная промышленность, в которой широко использовались достижения науки и техники. В 1828 г. в губернии действовало всего два сахарных завода, но в 1830-х годах начинается их стремительный рост. В 1839 г. работало 15 предприятий, в 1859 г. – 26. Быстро совершенствовалась технология производства свекольного сахара. Венцом технического прогресса стало строительство паровых заводов. С 1853 по 1860 г. вступили в строй 4 огневых и 7 паровых заводов. Это привело к резкому возрастанию объема производства готовой продукции. Если в 1848 г. все заводы выпустили 27 310 пудов сахара, то в 1861 г. – 146 012 пудов [20, с. 7].

Таким образом, в первой половине XIX в. в Курской губернии сформировалась крупная по тем временам промышленность. Главная заслуга в ее создании по праву принадлежала курскому дворянству, не чуждому использованию на своих промышленных предприятиях технических и технологических достижений. Хотя часть предприятий функционировали не долго или работали не ритмично, большинство из них были стабильными. При этом среди них встречались заведения, основанные как на вольнонаемном, так и на крепостном труде. Взамен прекратившим свою деятельность предприятий, принадлежавших помещикам, купцам и другим владельцам, строились новые – вполне эффективные в экономическом отношении.

В связи с ростом промышленности, сельского хозяйства, углублением разделения труда постепенно развивался местный рынок как составная часть формирующегося всероссийского рынка. Возрастало количество ярмарок. Коренная ярмарка имела всероссийское значение. В 1830 г. в Курской губернии собралось 237 ярмарок, а в 1860 – уже 356, не считая Коренной. В 1830 г. на них было привезено товаров на сумму 1 407 839 руб., а продано – на 567 277 руб. В 1860 г. соответствующие показатели составили 2 050 641 и 1 029 470 руб. серебром [21, л. 119–133]. В неизмеримо больших масштабах торговля велась на Коренной ярмарке. В 1857 г. на нее было привезено товаров на сумму 7 730 100 руб. и продано на 4 573 200 руб. [22, с. 123]. Однако определить долю сбывавшейся на ней местной продукции невозможно.

Важнейшим в губернии товарным продуктом являлся хлеб, а самыми крупными поставщиками зерна на рынок были помещичьи хозяйства. Так, например, по оценке губернской комиссии народного продовольствия, в 1851 г. товарный остаток должен составить у государственных крестьян 246 397 четвертей зерна (12 % валового сбора), тогда как у помещиков и их крестьян – 1 371 805 четвертей (30 %). Причем в помещичьих имениях посевы были всего в 1,4 раза больше, чем у государственных крестьян, в то время как товарный остаток в 2,5 раза [23, л. 127, 130]. И тем не менее крестьяне тоже вносили свой вклад в формирование товарного рынка, в том числе хлебного. Сама жизнь вынуждала каждого крестьянина продавать хлеб и другие продукты.

Приведем для иллюстрации годовой денежный расход среднего крестьянского двора, в котором проживало 10 душ обоего пола, включая трех работников-мужчин. Речь идет о государственных крестьянах.

Итак, подати с трех ревизских душ составляли 2 руб. 85 коп. серебром, общественный сбор – 1 руб. 69 1/2 коп., земский сбор – 1 руб. 77 1/4 коп., поземельный оброк – 22 руб. 22 7/8 коп., капитал для обеспечения продовольствия – 18 коп., рекрутский сбор – от 20 до 30 коп. с ревизской души, 6 пудов соли – 2 руб. 80 коп., покупка инструментов, серпов, трех кос – 1 руб. 20 коп., приобретение саней и колес – 2 руб., покупка конской сбруи – 1 руб. 60 коп., подковка лошадей – 65 коп., расходы на транспортировку хлеба для продажи – 30 коп., приобретение двух сох и двух борон – 68 коп., покупка трех пар мужских сапог – 3 руб. 60 коп., трех пар рукавиц – 75 коп., трех шапок и трех поясов – 95 коп., лаптей – 4 руб. 50 коп., шитье и починка верхней одежды – 1 руб. 50 коп., покупка посуды – 1 руб., пут для лошадей – 16 коп., замков – 25 коп., кадок, ведер, решетов, корыт – 1 руб., починка окон, печей и т.п. – 40 коп. Итого 53 руб. 51 коп. Нерегулярные расходы: похороны в богатых домах 10 руб., крестины – 2 руб., свадьбы – от 15 до 40 руб. Женщины добывали деньги сами (продажа холста и др. изделий), девицы – «своим веретенком» [24, с. 117–119].

По наблюдению современников, «часто для уплаты податей, недоимок и тому подобных надобностей поселянин спешит продать и тот хлеб, который необходим для прокормления собственной семьи» [25, с. 87]. Поскольку впоследствии таким крестьянам приходилось приобретать зерно для продовольствия или посева, то подобные продажи были примерами товарного обращения без товарного производства. Но тем не менее они способствовали функционированию хлебного рынка. Продажи же прибавочного продукта носили характер товарного производства в хозяйствах зажиточных крестьян.

Более товарной культурой, чем зерновые, была конопля. В 1840-х – 1850-х гг. XIX в. из Курской губернии ежегодно вывозилось до 420 тыс. пудов пеньки и 235 тыс. пудов конопляного масла. Разумеется, немало таких продуктов продавалось и внутри губернии [26, с. 795].

В пригородных селениях и некоторых имениях зародилось торговое огородничество. К примеру, крестьяне села Разумного снабжали овощами «весь Обоянский уезд». В Нижнем Солотине, Афанасьевке, Горяйнове того же уезда выращивалось много аниса, который скупали рыльские купцы для отправки его за границу [9, с. LIV]. Крестьяне Борисовской вотчины Шереметевых Грайворонского уезда вывозили большие партии лука на Дон, в Одессу и Новороссию [9, с. LIV]. С появлением в губернии свеклосахарных заводов окрестные крестьяне стали выращивать сахарную свеклу на продажу. В периодике описана заведенная на арендованной земле крестьянская свекловичная плантация площадью 7 десятин, с которой было получено 237 руб. серебра чистого дохода [27, с. 783]. В южных уездах губернии крестьяне заводили свои бахчи. Например, в Бессоновском имении Озеровых Белгородского уезда пять крепостных арендовали у своих владельцев 31 десятин «нови» (перелога или целины) под бахчу [28, с. 96].

Формирование рынка свободной рабочей силы происходило крайне медленно. Абсолютно преобладающими в губернии оставались крепостной и семейный труд. В очагах торгового земледелия использовалась работа поденщиков. К примеру, на упомянутую выше свекловичную плантацию нанималось для ее вспашки 7 работников, для посева – 28, для прополки – 168. Для осенней и весенней обработки бахчи площадью 10 десятин нанималось 250 поденных работников [29, с. 792].

Наемный труд применялся и на некоторых промышленных предприятиях. Так, в слободе Михайловке Дмитриевского уезда, принадлежавшей Шереметевым, действовали пенькотрепальные заведения с 30–50 наемными работниками. Часть из них принадлежала крепостным крестьянам. Также михайловские крестьяне заводили канатно-веревочные мастерские, в которых трудились по 8–12 наемных работников [30, с. 135].

Гораздо большим рыночным потенциалом обладали хозяйства земледельчески-промысловых и промысловых крестьян. Произведенная ими продукция направлялась на продажу. Одновременно им приходилось покупать сырье, предметы домашнего обихода, орудия труда и даже продукты питания. Например, у крестьян слободы Ольшанки Новооскольского уезда «нет одежды домашнего приготовления, не бывает мясных харчей или домашней птицы; все это приобретается ими покупкою». Их расходы во многом носили производственное назначение: направлялись на закупку кож, извести, дубовой коры, инструментов, необходимых для изготовления обуви [11, с. 184–202].

Значительный вклад в формирование рынка свободной рабочей силы вносили крестьяне-отходники, но в основном за пределами губернии, хотя встречались и исключения: «Нередко случается, что крестьянин, возвратившись по окончании лета из заработков, нанимается на осень или зиму в работники на фабрику или завод...» [25, с. 99].

Подводя итоги исследования, нельзя обойтись без обращения к историографическим аспектам изучаемых проблем. В свое время академик Н. М. Дружинин в докладе «Генезис капитализма в России» высказал, с нашей точки зрения, плодотворную идею о том, что в стране «на протяжении значительного времени происходило одновременное развитие старых и новых производственных отношений» (имелись в виду крепостнические и капиталистические отношения) [31, с. 219]. Этот процесс автор доводил примерно до второй половины XVIII в. Однако, по нашему мнению, в Курской губернии его следовало бы продлить вплоть до реформы 1861 года. По мнению другого крупнейшего советского и российского историка-аграрника академика И. Д. Ковальченко, «последние предреформенные десятилетия были временем наиболее интенсивного производственного и социально-экономического прогресса за всю эпоху феодализма» [32, с. 380], правда на основе капиталистических и мелкотоварных отношений. В Курской губернии в первой половине XIX в. вполне ощутимо развивался крепостнический сектор экономики, а элементы капитализма находились по существу в зачаточном состоянии и их вклад в экономический рост был пока еще незначительным.

В. И. Ленин в статье «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция», перечисляя причины отмены крепостного права, на первое место поставил «силу экономического развития», что действительно было важным фактором. Однако названная им другая причина о «старых, рушившихся формах хозяйства» не находит подтверждения в источниках, касающихся Курского края первой половины XIX в. [33, с. 173].

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 56. Оп. 4. Д. 205.
2. Материалы для статистики России, собираемые по ведомству государственных имуществ. Вып. II. СПб., 1859.
3. Николаев А. Промышленность Суджанского уезда Курской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. Ч. XLIII. Отд. III. № 13.
4. Рянский Л.М., Рянский Р.Л. Очерки социально-экономической истории крепостной деревни Курской губернии первой половины XIX века. 2-е изд., исп. и доп. Курск: Курск. гос. ун-т, 2017.
5. ГАКО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 675.
6. Литвак Б.Г. Русская деревня в реформе 1861 года. Черноземный центр 1861–1895 гг. М.: Наука, 1972.
7. Скребицкий А. Крестьянское дело в царствование императора Александра II. Т. II. Бонн на Рейне. 1865/66.
8. Рянский Л.М. Состояние хозяйства помещичьих крестьян Курской губернии в середине XIX в. (По данным выборочного исследования подворных описей крепостной эпохи) // Научные ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. 2008. № 1 (41). Вып. 5.
9. Курская губерния. Список населенных мест по сведениям 1862 года. СПб., 1868. Т. XX.

10. Кустарные промыслы Курской губернии / сост. Н. А. Добротворский. Курск, 1886.
11. Левитский Д. Описание выделки кож, шитья сапогов и торговли ими крестьян слободы Ольшанки Новооскольского уезда // Труды ВЭО. 1860. Т. I.
12. Рубинштейн Н.Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957.
13. Географо-статистический словарь Российской империи / сост. П. Семенов. СПб., 1865.
14. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 1826.
15. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1088. Оп. 6. Д. 1296, 1297.
16. ГАКО. Ф. 68. (Уставные грамоты).
17. Журнал мануфактур и торговли. 1829. №10.
18. Словарь географический Российского государства. Ч. III. М., 1804.
19. Памятная книжка Курской губернии на 1860 год. Курск, 1860.
20. Бочаров А.Н., Травина А.С. Курский сахар. (Из истории возникновения и развития свеклосахарной промышленности Курского края 1816–1890 гг.) / под ред. Л. М. Рянского. – Курск, 1991.
21. РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 70; Оп. 6. Д. 47.
22. Самсонов В.И. Курская Коренная ярмарка // Ученые записки Курского государственного педагогического института. Курск, 1949.
23. ГАКО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 134.
24. Машкин. Быт крестьян Курской губернии Обоянского уезда // Этнографический сборник Русского географического общества. Вып. V. СПб., 1862.
25. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. VIII. Ч. 3. Курская губерния. СПб., 1850.
26. Земледельческая газета. 1851. № 100.
27. Земледельческая газета. 1853. № 98.
28. Журнал Министерства государственных имуществ. 1852. № 44.
29. Земледельческая газета. 1859. № 99.
30. Промыслы и вземземледельческие занятия крестьян центрального района Курской губернии. Курск, 1885.
31. Дружинин Н.М. Избранные труды: социально-экономическая история России. М.: Наука, 1987.
32. Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967.
33. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 20.

Е. И. Тимохов,
Государственный архив Курской области

НЕЗАКОННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПОМЕЩИКОВ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В ОТНОШЕНИИ ВРЕМЕННООБЯЗАННЫХ КРЕСТЬЯН В ПЕРИОД РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛОЖЕНИЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ 1861 г.

Аннотация. Великая крестьянская реформа 1861 г. была одним из главных поворотных моментов в истории нашей страны. Безусловно, ее итоги имели противоречивый характер, но не стоит забывать, что миллионы людей получили личную свободу. Во многом противоречивость

итога обусловлена различными эксцессами, допускавшимися местными властями и помещиками в ходе реализации этой реформы.

Ключевые слова: Курская губерния, Великая крестьянская реформа, помещики, временнообязанные крестьяне, помещичьи крестьяне, дворовые люди.

Отмена крепостного права в Российской империи, провозглашенная Манифестом императора Александра II от 19 февраля (3 марта) 1861 г., является одной из наиболее значимых реформ, как в период правления «царя-освободителя», так и в истории России в целом.

Основные положения крестьянской реформы были изложены в «Общем положении о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» и заключались в следующем: крестьяне получали полную гражданскую правоспособность; движимое имущество крестьян признавалось их личной собственностью; крестьянство было наделено институтами выборного самоуправления, посредством организации сельских обществ; помещики обязывались предоставлять сельскому обществу придомовые участки и полевые наделы в пользование крестьянам; за пользование наделной землей крестьяне должны были отрабатывать барщину или уплачивать оброк в пользу помещиков; размеры полевого надела и повинностей фиксировались в уставных грамотах; крестьяне имели право бесплатно получить надел от помещика в размере четвертой части от выкупного участка.

При всем прогрессивном характере Великой крестьянской реформы 1861 г. она не могла полностью удовлетворить потребности самого многочисленного сословия России ввиду отсутствия исторического опыта решения крестьянского вопроса. Уже в ходе реализации «великой реформы» были выявлены противоречия между ожиданиями крестьянства и стремлением помещиков сохранить свой статус привилегированного сословия по отношению к ним.

Как отмечают историки-краеведы, это выражалось в следующем: в наделении крестьян наделами, меньшими по размеру, чем до реформы 1861 г.; в выкупных платежах, превышающих стоимость земли; в увеличении размера оброка в Курской губернии; в качестве наделной крестьянам земли. Согласно их исследованиям, опираясь на местное Положение, курские помещики отрезали у крестьян 22 % земли, оставив им в пользование худшие по качеству наделы. Многие помещики переводили своих крестьян на положение дворовых в связи с тем, что они получали личную свободу только спустя два года после реформы 1861 г. без обязательного права наделения землей. Земельные наделы предоставлялись крестьянам не в частную собственность, а в «постоянное пользование», за которые они должны были нести повинности как перед помещиками, так и перед государством до тех пор, пока не выкупят свою землю [1].

Определить степень преступных действий помещиков в отношении временнообязанных крестьян в период отмены крепостного права 1861 г. и является целью данной статьи. В имеющихся на хранении в Государственном архиве Курской области документах архивного фонда «Курское губернское по крестьянским делам присутствие» были выявлены материалы, освещающие указанные случаи.

Прошение временнообязанных крестьян сл. Безсоновки Белгородского уезда помещика Н. А. Альбини, адресованное к государыне императрице Марии Александровне, свидетельствует об их бедственном положении. В своем обращении крестьяне сообщали о притеснении их помещиком, которое заключалось в том, что, вопреки «Монаршей Воли», они заставляли их отрабатывать барщину по старому положению (вместо трех дней в неделю – четыре), и притом всем семейством [2, л. 12 об.].

В качестве основных притеснений временнообязанные крестьяне помещика Н. А. Альбини отмечают следующие: предоставление срока для обработки личной земли только в праздничные или непогодные дни; запрет в использовании помещичьих колодцев для водопоя скота в барщину; понесенные убытки в связи с поздней уборкой гречихи из-за обязательных господских работ; возложение непомерной работы на крестьянских женщин. В своем прошении крестьяне сообщают, что они ни в чем невиноваты, исполняют свои обязанности прилежно, и просят от помещика компенсации в качестве возмещения убытков за понесенный ущерб от позднего сбора гречихи [2, л. 12–14].

Беззакония помещиков и безразличие местных властей к решению проблем временнообязанных крестьян и дворовых людей приводили последних к тому, что им ничего не оставалось делать, кроме как обратиться с прошением к императору. Одним из таких примеров является прошение временнообязанного крестьянина с. Гуторово Курского уезда М. Т. Волгина к Александру II.

В своем прошении М. Т. Волгин свидетельствовал о том, что, являясь крестьянином помещицы В. Г. Зориной, выполнял все повинности «как в поле, так и в других местах на равных с прочими ее крестьянами» [3, л. 5. Его жалоба состояла в следующем: один из управителей имения В. Г. Зориной мещанин И. А. Киселев отдал родительскую избу М. Т. Волгина другому крестьянину. Второй же нанятый помещицей управитель А. Е. Артамонов предоставил временнообязанному крестьянину выкупленную хату на жительство. Третий управитель отнял и эту хату у крестьянина. Таким образом, М. Т. Волгин остался без места жительства с обязательством несения повинностей как господских, так и других.

Потерпевший крестьянин отметил, что он просил местное начальство о возвращении ему родительского дома. М. Т. Волгин по этому поводу писал следующее: «<от> Курского предводителя дворянства по прошению моим не получил никакого удовлетворения и не имея приюта принужден я с семейством своим скитаться по чужим углам и приведен до

такой бедности и нищеты, что не имею даже куска насущного хлеба» [3, л. 5 об.].

В связи с этими обстоятельствами М. Т. Волгин решил просить защиты у императора, чтобы он, оказав свою «Монаршую милость и данную от бога власть повелеть возвратить мне родительский дом или на место оного устроить другой, чтобы я мог иметь пристанище с семейством моим и нести повинности как казенные, так и господские» [3, л. 5 об.].

Стоит отметить, что просьба временнообязанного крестьянина М. Т. Волгина была исполнена. Доказательство тому можно обнаружить в обращении мирового посредника Курского уезда 3-го участка от 1 февраля 1862 г., адресованном к курскому губернатору. В данном документе мировой посредник уведомил губернатора в том, что «крестьянин Волгин в жалобе своей по добровольному соглашению, надлежаще засвидетельствованному, совершенно удовлетворен» [3, л. 4].

В прошении крестьянина д. Чапель Львовского уезда Е. П. Паршутина, адресованном к курскому губернатору В. И. Дену, сообщается, что его бывший помещик М. Н. Бабарикин разорил его хозяйство, пока он был на заработках в Харьковской губернии.

Преступление, по мнению Е. П. Паршутина, заключалось в том, что в его отсутствие управляющая имением М. Н. Бабарикина О. Курсова «без всякой на то причины, со стороны моей, забрала <хозяйство> от меня и распорядилась всем тем как ей угодно было» [4, л. 1]. В качестве изъятого личного имущества крестьянин перечислил следующее: лошадь, четыре овцы, четыре свиньи, собранные рожь, овес, пенька, сено.

В дополнении ко всему изложенному Е. П. Паршутин сообщил, что у него изъяли землю как усадебную, так и пахотную. Дабы убедить Курского губернатора в своей тяжелой ситуации крестьянин заявил, что его жена Мария «милостыню снискивает себе пропитание потому случаю, что с давнего времени страдает, сам же я постоянно, по приказанию ... г. Бабарикина ... исправлял все работы ... а также занимался топорную работою около трех месяцев бесплатно ... и в праздники ...» [4, л. 1 об.]. При выполнении своих работ крестьянин отметил, что «харчи были скудны и недостаточны» [4, л. 1 об.]. По окончанию их Е. П. Паршутин, вместо вознаграждения, получил от помещика М. Н. Бабарикина бесчеловечные побои палкой. Как сообщил бывший крепостной крестьянин, подати с него отправлялись и «по настоящее время» [на момент составления прошения. – *Е.Т.*].

В своей жалобе временнообязанный крестьянин помещика М. Н. Бабарикина просил курского губернатора возвратить отобранное у него имущество, поступить по закону с безвинно нанесшим побои г. Бабарикиным, а также выделить ему землю, на которую он имеет законное право. В своем прошении Е. П. Паршутин обратил внимание на то, что побои наносились не только ему, но и другим крестьянам и

дворовым людям. Свои показания он был готов засвидетельствовать [4, л. 1–2].

Конфликты между помещиками и дворовыми людьми возникали и на почве земельного вопроса, несмотря на реализацию крестьянской реформы 1861 г. Одним из таких случаев можно считать распри между опекуной малолетней дворянки Суджанского уезда О. Квиткиной А. И. Денисовой [по второму мужу. – *Е.Т.*] и дворовыми людьми, принадлежащими ее имени. В рапорте Суджанской дворянской опеки, адресованном к курскому губернатору, было доложено, что из имения малолетней дворянки О. Квиткиной являлись к мировому посреднику Суджанского уезда 5-го участка И. Давыдову люди с многочисленными просьбами на опеку А. И. Денисову и ее мужа. Жалобы дворовых людей сводились к тому, что им недостаточно выдавались «предметы продовольствия».

Как отметил мировой посредник в своем отчете: «жалобы эти во всех отношениях оказались справедливыми, и люди находятся в стеснительном положении» [5, л. 14–14 об.]. Несмотря на все его просьбы и письменные предложения разрешить данную проблему, к нему не перестают поступать претензии. По мнению И. Давыдова, управители имения не обращали внимание на все его предложения, ссылаясь на 15 статью Положения, которая неприменима к данному делу. В своем докладе он указал, что опекуны Денисовы не сочли возможным поступить, согласно 18 статье того же Положения, «ибо все люди занимаются обработкою пахотных полей и подлежат наделу» [5, л. 14 об.].

Разрешение данного спора было связано с составлением мировым посредником Суджанского уезда 5-го участка И. Давыдовым двух приговоров о выделении увольнительных актов временнообязанным дворовым людям с. Малой Рыбицы помещицы малолетней дворянки О. Квиткиной и ее опекуны А. И. Денисовой ранее обязательного срока. Свою позицию И. Давыдов аргументировал в протоколе от 24 октября 1862 г., адресованном курскому губернатору, где сообщил о том, что все его предложения, направленные к Денисовой, об улучшении быта дворовых людей оказались проигнорированы. Мировой посредник полагал, что если дворянской опека была осведомлена о данной ситуации, то возникла соответствующая необходимость в устранении от опекуна А. И. Денисовой [5, л. 20–21].

Как отметил И. Давыдов в своем протоколе к Курскому губернатору, «прождав до мая месяца следующего [1862-го. – *Е.Т.*] года и, не видя подобного распоряжения, а между тем, вместо улучшения, усматривая, что быт дворовых день ото дня ухудшается, я поступил на точном основании 18 ст. Высочайшего Положения об устройстве дворовых» [5, л. 22]. Мировой посредник подчеркнул, что, согласно Высочайшему Положению, обязательные отношения дворовых людей зависят от своевременной

выдачи владельцами необходимого содержания. С прекращением же содержания дворовых, обязательные отношения должны прекратиться.

Отдельно И. Давыдов в своем протоколе указал, что через злоупотребления властью А.И. Денисовой интересам малолетней помещицы О. Квиткиной был нанесен ущерб. Между тем, по словам мирового посредника, опекунша желала свою вину возложить на других. Именно по этим причинам И. Давыдов просил курского губернатора о следующем: «для поддержания авторитета мирового учреждения, предписать кому следует, недобор какой показан по отчетам, взыскать с имущества Ее Г-жи Денисовой: ибо она и ее муж, через свое обращение и невыдачу содержания и одежды, вынудили дворовых людей разойтись и через то оставили на время хозяйство без присмотра» [5, л. 23].

При частых встречах мирового посредника с опекуншей А. И. Денисовой и ее мужем он убедился в том, что скудное содержание дворовых людей было произведено с целью заставить их отказаться от земельных наделов. В заключение своего протокола мировой посредник обратился к следующим словам: «Этой цели они достигли, но не вполне, ибо худая молва далеко разнеслась, и при найме сторонних людей [Денисовы] встречают большие затруднения» [5, л. 23].

Весьма показательным примером беззакония помещиков можно увидеть, обратившись к прошению крестьянина с. Подгородища Тимского уезда И. К. Захарова, адресованному курскому губернатору В. И. Дену. В своей жалобе потерпевший сообщил об инциденте, связанным с его лошадью, которая случайным образом сошла на посев господина помещика М. И. Платонова. За неумышленную порчу посева своей лошадью, как говорил И. К. Захаров, был готов заплатить. Однако Тимский помещик проигнорировал предложение крестьянина мирно урегулировать конфликт, отправив лошадь к становому приставу в с. Рагозцы.

Для разрешения данной ситуации, крестьянин И. К. Захаров собрал посторонних окольных людей с целью освидетельствования нанесенного ущерба хлебным угодьям помещика М. И. Платонова. В связи с показаниями собранных людей, было установлено, что порчи хлеба не найдено. Таким образом, не было признано понесенного помещиком убытка. Как сообщил временнообязанный крестьянин, обратившись в канцелярию станового пристава для возвращения личной лошади, он получил от письмоводителя побои, а затем был посажен под арест, в котором содержался 12 суток.

За время своего заключения И. К. Захаров заметил следующее: «[Я. – Е.Т.] претерпевал голод суток подвое к ряду, и в это время была самая работа посева ярового хлеба, то брат мой отбывал барщину за меня и за себя» [6, л. 1 об.]. Временнообязанный крестьянин обратился к курскому губернатору с просьбой подтвердить его невиновность, а также

провести разбирательство над письмоводителем станового пристава за причинение побоев и незаконное содержание под арестом [6, л. 1–2].

Общепризнано, что отмена крепостного права в 1861 г. является великим историческим событием. Зависимые сословия – помещичье крестьянство и дворовые люди – приобрели гражданские права, а также могли претендовать на личный земельный надел. Однако архивные документы позволяют нам говорить о том, что на практике, отношения между помещиками и ранее зависимыми людьми оставались напряженными. Зачастую, привилегированное сословие отказывалось мириться даже с частичной утратой своих позиций. Это проявилось как в компромиссном характере самой крестьянской реформы 1861 г., так и в случаях беззакония помещиков по отношению к уже правоспособным временнообязанным крестьянам и бывшим дворовым людям. История пореформенной России убеждает нас в продолжительном конфликте между ними, решение которого было отложено на долгое время.

Источники и литература

1. Полнер Л.С. Курский край в истории отечества. Курск: Курский государственный технический университет, 1996 [Электронный ресурс] // URL: <http://old-kursk.ru/book/kk/kk012.html> (дата обращения: 20.03.2021).
2. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 68. Оп. 1. Д. 139.
3. ГАКО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 140.
4. ГАКО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 142.
5. ГАКО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 143.
6. ГАКО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 144а.

В. В. Раков,

кандидат исторических наук,
Государственный архив Курской области

ИЗ ИСТОРИИ ПОДГОТОВКИ И ПРОВЕДЕНИЯ РЕФОРМЫ 1861 ГОДА В КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ)

Аннотация. Анализируется совокупность работ курского краеведа А. А. Танкова, посвященных различным аспектам подготовки и проведению реформы 1861 г. в Курской губернии, источниковая база, постановка проблемы и основные направления исследования.

Ключевые слова: крепостное право, А. А. Танков, Курская губерния, историография, Манифест 19 февраля 1861 г.

Как это не покажется странным, но эпохальная реформа 1861 г. в применении к курскому региону практически не нашла отражение ни в

дореволюционной, ни в советской, ни в современной российской историографии. Отдельные упоминания в контексте общих реформ 1860-х – 1870-х гг. или фрагментарное использование некоторых сюжетов, связанных, главным образом, с экономическими и социальными последствиями отмены крепостного права в России, не в счет.

Единственным исключением является цикл публикаций курского историка-краеведа А. А. Танкова, достаточно обстоятельно и многопланово изложившего основные этапы организации и проведения реформы в Курской губернии. В свою очередь, к сожалению, это отрадное явление до сих пор не стало предметом специального историографического исследования.

Публикации А. А. Танкова по реформской тематике хронологически укладываются в период 1886–1902 гг. Нижний рубеж был определен тем обстоятельством, что в 1886 г. исполнилось 25 лет со времени освобождения крестьян, что подтолкнула историка к обращению к данной теме, тем более, что достаточно большой срок позволял оценить не только сделанное, но и попытаться дать ответы на новые вызовы, прямо или косвенно сопряженные с реформой 1861 г. А выход самой большой по объему работы «Из истории освобождения крепостных в Курском крае», имевший подзаголовок «Очерки крестьянской эмансипации» в 1902 г., по сути не являясь обобщающим трудом, все же завершал цикл статей данной тематики и в этом смысле был итоговым. Эта работа, на наш взгляд, тоже была приурочена к очередной юбилейной дате крестьянской реформы (40-летию отмены крепостного права), но поскольку она была опубликована в «Курском сборнике», который предполагался как серийное ежегодное издание и первый выпуск увидел свет в 1901 г., то ее формальный выход совпал с печатанием этой книги годом спустя, то есть в 1902 г.

Источниковой базой работ А. А. Танкова стали архивные документы Курского губернского правления, канцелярии губернатора, Курского губернского по крестьянским делам присутствия, Курской палаты государственных имуществ, Курского дворянского депутатского собрания и Курской духовной консистории. В период работы историка с этими документами последние являлись самостоятельными архивными комплексами губернских учреждений. К сожалению, в процессе создания единого губернского архивного фонда в 1918 – первой половине 1920-х гг. значительная часть из них была утрачена, что придает публикациям А. А. Танкова дополнительную научную ценность.

Историографическую ценность своих публикаций достаточно точно определил сам автор. В обобщающей работе «Из истории крепостного права в Курском крае (Очерки крестьянской эмансипации)» А. А. Танков пишет: «В прошлом году, когда исполнилось сорокалетие со времени незабвенного в истории России 1861 года, во многих местах нашего отечества, так или иначе, была упомянута знаменательная годовщина освобождения крепостных, вызвавшая, между прочим, несколько

исторических трудов, посвященных великому государственному акту – крестьянской эмансипации и вышедших в свет в тех или других местностях Русского царства. Некоторые из этих трудов более или менее подробно захватывают события освободительной эпохи, другие же дают только эпизодические сведения и некоторые данные относительно проведения в жизнь Положения 19-го февраля. Но и эти последние, по нашему мнению, не лишены своего значения: они могут служить весьма необходимыми материалами для будущей истории освобождения крестьян как в отдельных местностях России, так и во всем государстве» [1, с. 14].

Результатом многолетней работы А. А. Танкова стал ряд публикаций (сам автор называет их «очерками», «этюдами и заметками») в местных и столичных периодических изданиях. Начало было положено опубликованием в 1886–1887 гг. ряда очерков по истории освобождения крестьян в Курской губернии в «Курском листке». Некоторые из них затем были перепечатаны в журнале «Северный вестник».

В «Курских губернских ведомостях» была помещена обширная, в 20 глав, статья А. А. Танкова (печатавшаяся в течение 1889 – начале 1890 гг.), посвященная деятельности (у автора – «о трудах») курского дворянского комитета для улучшения быта помещичьих крестьян. Работа курского дворянского комитета изложена в хронологическом порядке. Отправной точкой в деятельности комитета стал август 1858 г. В местных, петербургских и московских губернских ведомостях было напечатано следующее объявление: «Курский губернский предводитель дворянства имеет честь известить гг. дворян Курской губернии, что, по соглашению с г. Начальником губернии, назначены им 20 августа сего года чрезвычайные собрания дворянства по уездам для избрания членов и им кандидатов в учреждаемый в Курске губернский комитет об устройстве быта помещичьих крестьян» [2, 1889. 6 июня. № 41]. А. А. Танков указывает: «Пока в Курске не был открыт губернский комитет, то даже представители дворянства, уездные представители, как они не раз заявляли сами, плохо понимали многие стороны и подробности предстоящей реформы... Дворянство было застигнуто объявлением об эмансипации врасплох, на что оно многократно указывало» [2, 1889. 6 июня. № 41].

Изучение архивных источников привело А. А. Танкова к неожиданному для него выводу: «<...> Представители курского дворянства, в своих суждениях и проектах, не только не восставали против освобождения, но, не говоря уже о проекте меньшинства, и большинством своих представителей выразили желание освобождения крепостных с наделением их участками земли, именно в духе правительственных предположений» [3].

Ряд позиций будущей реформы вызывали острые и бурные дискуссии. Одним из таких непростых вопросов стал вопрос о продолжительности пребывания крестьян в срочно-обязанном состоянии: 6, 9 или 12 лет. Голосование состоялось 12 мая 1859 г. Голоса разделились

поровну: по 11 человек за первый и второй варианты [2, 1889. 22 авг. № 63].

Некоторые аспекты предстоящей реформы вообще казались дворянству совершенно невыносимыми, например, уравнение в поземельных правах помещиков и крестьян. Составляя проект Положения курское дворянство даже и не предполагало, что с освобождением крестьян они в своих имениях потеряют всякую власть над последними.

После прений по вопросу о наделении крестьян усадебной землей большинством голосов было принято решение установить норму крестьянской усадьбы в 840 кв. саж. [2, 1889. 12 сент. № 69], причем крестьянские усадьбы и усадебные земли должны были выкупаться не семьями или отдельными дворами, а крестьянским обществом с круговой порукой [2, 1889. 10 окт. № 77].

В итоге дворянского единства не сложилось. Для отправки в конце 1859 г. в Петербург было подготовлено три Проекта: от большинства, от группы 11-ти и от меньшинства. По мнению А. А. Танкова в последнем была выражена «замечательная мысль»: «Непритворно желая облегчить участь крестьянского сословия, мы заходим далее ожидаемых от нас правительством пожертвований и принимаем на себя уплату всех денежных земских сборов, чем в половину уменьшить сумму податей, ныне нашими крестьянами ежегодно вносимых» [1, с. 15].

12 июня 1861 г. 35 членов бывшего губернского комитета об устройстве быта бывших помещичьих крестьян были награждены серебряными медалями на александровской ленте «за труды по освобождению крестьян» [2, 1890. 3 февр. № 10].

В 1890 г. в журнале «Исторический вестник» вышла заметка А. А. Танкова о волнениях крестьян в Курской губернии. На основе архивных источников автор рассказывает о нескольких характерных случаях крестьянских волнений в Курской губернии в 1862 г. Особое историографическое значение эта статья приобретает в связи с тем, что в ней впервые, кроме действий губернской администрации, рассматривается вопрос о ментальности крестьянского мира: их оценки, желания, взгляды и суждения о сущности дарованной им свободы и нового поземельного устройства [4].

К числу наиболее информационно значимых работ А. А. Танкова по рассматриваемой теме, несомненно, относится публикация «Из истории освобождения крепостных в Курском крае (Очерки крестьянской эмансипации)», которая увидела свет в 1902 г. и была приурочена сорокалетию со времени отмены крепостного права. О том, что данная работа имеет особое значение, не скрывает и сам автор, который в предисловии пишет о своем желании поделиться с читателями некоторыми интересными данными эпохи реформ: «Имея ввиду эту цель, мы считаем долгом сделать небольшую оговорку, необходимую для понимания характера нашего труда. Нужно сказать, что мы давно уже (с 1886 года,

когда исполнилось двадцатилетие со времени освобождения крестьян), заинтересовавшись освобождением крестьян в Курской губернии, старались изучить разнородные материалы, относящиеся к эпохе эмансипаторной реформы в нашем крае. Результатом этой многолетней работы явилось несколько этюдов и заметок, помещенных в периодических изданиях, в которых рассмотрены те или иные моменты в период эмансипации в Курской губернии. <...> В новой нашей статье по затронутому нами предмету они найдут изложение только некоторых фактов из истории введения в нашей губернии Положения 19 февраля 1861 года, потому что те данные, которые уже прежде сообщены нами в печати, повторены не будут <...>. Таким образом, определяется характер нового нашего этюда. Он даст читателям ряд новых, не бывших ещё в печати, фактов из истории местной эмансипации, более или менее объединённых в одно целое, во-первых, целью предпринятого нами труда и, во-вторых, характером его изложения» [1, с. 14–15].

Анализ всех работ А. А. Танкова по проблематике отмены крепостного права в Курской губернии позволяет нам несколько откорректировать это заявление краеведа. Повторы были. Например, в феврале 1900 г. в «Курских губернских ведомостях» вышла статья «Освобождение крестьян в Курском крае (Историческая справка)», в которой, хоть и в краткой форме изложен, как пишет автор, «самый интересный момент из эпохи освобождения крестьян» – обнародование в Курской губернии Манифеста 19 февраля 1861 г. В завершении статьи приведено стихотворение, написанное курским помещиком, прапорщиком Руденко, по поводу освобождения крестьян. Оно было предназначено для размещения на страницах «Курских губернских ведомостей», но по каким-то обстоятельствам неопубликованное в то время. В этих незамысловатых стихах царь-освободитель сравнивается с древнегреческим мифологическим образом Прометея:

«Веселись, Монарх великий,
Посреди своих детей.
Да гремят повсюду клики:
Здравствуй, русский Прометей!

Творец главой тебя поставил
Над славной русскою землей,
Чтоб ты достойно ею правил
И просветил свой край родной <...>» [3, 26 февр. № 44].

К сорокалетию юбилею реформы А. А. Танков публикует еще одну работу, которая в расширенном варианте войдет в итоговое исследование 1902 г. На это раз он изложит основные направления деятельности губернской временной комиссии для подготовительных работ по

крестьянскому делу, курского губернского по крестьянским делам присутствия и мировых посредников [5].

Вернемся к итоговой работе 1902 г., напечатанной в «Курском сборнике». «Этюд» или статья в объеме 100 страниц составила существенную часть сборника Курского губернского статистического комитета и состояла из шести тематических разделов: обнародование Манифеста 19 февраля 1861 г. в Курской губернии; учреждение и деятельность губернского по крестьянским делам присутствия; создание института мировых посредников и их деятельность; введение уставных грамот; деятельность мировых съездов; крестьянские протесты и выступления, связанные с реформой. Теперь, даже те позиции, которые уже нашли отражение в предыдущих публикациях, даны более развернуто и обстоятельно. Этот факт еще раз подтверждает, что в течение сорока лет А. А. Танков не только постоянно обращался к избранной тематике, но и продолжал насыщать свои публикации новыми фактами, выявленными в ходе не прекращающегося архивного поиска.

В соответствии с методологическими принципами современной науки любое историческое исследование должно иметь три структурных элемента: постановка проблемы, анализ исторического контента и выводы по проведенному исследованию. С этой точки зрения А. А. Танков «грешит» зачастую полным отсутствием в своих работах третьего элемента – аналитических выводов. В этом отношении цикл его исследований по истории подготовки и проведения реформы по отмене крепостного права не составляет исключения: автор ограничивается лишь констатацией исторических фактов. Но он этого и не скрывает. В примечании, в определенной степени, обобщающей работы «Из истории освобождения крепостных в Курском крае (Очерки крестьянской эмансипации)» А. А. Танков пишет: «Считаем своим долгом предварить читателей, что мы намеренно старались излагать свой очерк большей частью словами действующих в нём лиц и приводить факты, воздерживаясь от личных суждений и умозаключений» [1, с. 15].

Источники и литература

1. Танков А.А. Из истории освобождения крестьян в Курском крае (Очерки крестьянской эмансипации) // Курский сборник: Издание Курского губернского статистического комитета / под ред. Н. Н. Златоверховникова. Вып. II. Курск: Типография губернского правления, 1902. С. 14–114.
2. Танков А. Освобождение крестьян в Курской губернии // Курские губернские ведомости (далее – КГВ). 1889–1890. Часть неофиц.
3. Танков А. Освобождение крестьян в Курском крае (Историческая справка) // КГВ. 1900. № 39–44. Часть неофиц.
4. Танков А.А. Крестьянские волнения в Курской губернии в 1862 г. // Исторический вестник. Т. XLI. 1890. С. 343–379.
5. Танков А. Освобождение крестьян в Курском крае (Историческая заметка) // КГВ. 1901. 18–21 февр. № 38–40. Часть неофиц.

О. А. Черников,
кандидат исторических наук,
Государственный архив Курской области

ВЛИЯНИЕ ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА НА РАЗВИТИЕ КООПЕРАТИВНОГО ДВИЖЕНИЯ РОССИИ

Аннотация. В статье освещается ход развития отечественного кооперативного движения в первые пореформенные годы. Отражены события как общероссийского плана, так и происходившее в рамках Курской губернии. Раскрыты особенности возникновения и деятельности первых потребительских и кредитных учреждений. Выявлена причины неудач их функционирования и значение для последующего роста движения.

Ключевые слова: Кооперативное движение, потребительские общества, кредитные кооперативы, ссудо-сберегательные товарищества, земство

Сегодня бесспорной является связь зарождения отечественного кооперативного движения с реформами Александра II. Именно в 60-х годах XIX века, вошедших в историю страны как период великих реформ, кооперативное движение начинает свое непрерывное поступательное, но в то же время пока трудное и очень медленное развитие.

Отмена крепостного права, создание органов местного самоуправления, реформирование народного образования и остальные реформы подтолкнули, в первую очередь наиболее активных и образованных людей того времени, а это, как правило, были представители привилегированных слоев, к желанию участвовать в общественной деятельности. Они и стали инициаторами создания первых кооперативных обществ. Кооперация рассматривалась ими в качестве социально-экономического феномена, способного стать средством как включения населения в рыночную экономику, так и развития новых социальных отношений.

Отечественное кооперативное движение складывалось и росло на общем фоне экономической и политической жизни, культурной отсталости населения, большинство которого составляли крестьяне.

Официальное начало отечественной кооперации было положено 22 октября 1865 г., когда состоялось первое официальное утверждение устава подлинно кооперативного учреждения – Рождественского ссудного товарищества. Этот кредитный кооператив открылся в с. Дороватово (оно же Рождественское) Рождественской волости Ветлужского уезда Костромской губернии. Организаторами товарищества стали либеральные помещики братья Святослав и Владимир Лугинины. 23 октября 1865 г. было зарегистрировано «Первое Рижское потребительное общество»,

которое учредили его немецкие организаторы, проживавшие в Риге. В обоих случаях указанные организации строились на идеях немецкого кооператора Г. Шульце-Делича. Все уставы первых отечественных кредитных и потребительских кооперативов содержали основы теоретических и практических разработок отца немецкого кооперативного движения.

С данных кооперативных организаций сегодня общепринято начинать историю отечественного движения. В то же время многие специалисты начинают его с 1864 г., то есть с возникновения идеи кооперативной торговли на Кыновском заводе Пермской губернии, а некоторые (в том числе руководящие органы современной потребкооперации страны) считают первым потребительским обществом в России «Большую артель», которую организовали в 1831 г. ссыльные декабристы на Петровском заводе в Забайкалье [1, 2]. Но с тем же успехом мы можем говорить и о более раннем времени, если будем выдавать за кооперативные принципы организации работы принципы деятельности артелей, существовавших в России в более ранние периоды истории.

На наш взгляд бесспорным является и с теоретической, и с юридической точек зрения, что за отправную точку следует брать события 1865 г.

Что же касается Курской губернии, то такой точкой является 1867 г. Именно тогда появился первый курский кооператив. Им стало товарищество потребителей г. Курска, устав которого был утвержден 3 мая 1867 г. [3, л.12.]. В 1869 г. право на функционирование получили еще два учреждения: 9 января – Корочанское общество потребителей [4, л. 9] и 10 июня – Рыльское общество потребителей [5, л. 10].

Следует обратить внимание, что первые общества носили характер городских. Да и это вполне объяснимо. Ведь все эти общества ставили перед собой в качестве цели «доставлять своим членам возможность к сбережению при покупке необходимых предметов потребления». Данная же цель была и будет важной во все времена в первую очередь для городского жителя.

Названные учреждения, будучи по уставам всеобщими, на практике ими стать не смогли. Сведения о социальном положении их членов не сохранились, но о социальном статусе, например, их создателей говорят предложенные ими размеры пая, вносимого при вступлении в члены кооперативов. Как правило, он колебался от 30 до 50 рублей, что было огромной суммой для большинства жителей курских (и не только) городов и сел. И хотя предусматривались различные рассрочки при уплате, указанные суммы сказывались на составе участников. В результате, значительного распространения деятельность этих и подобных им обществ в первые пореформенные десятилетия не получила. Все попытки наладить работу оказались нежизнеспособными и в начале 70-х гг. XIX в. общества прекратили свое функционирование.

Исключением являлось только Курское товарищество, которое просуществовало до середины 90-х гг. XIX в. Но документы выявленные в фондах Российского государственного исторического архива и Государственного архива Курской области свидетельствуют, что хотя Курское товарищество потребителей и просуществовало более 25 лет, но в основной период деятельности за кооперативной по уставу формой скрывалась организация, члены которой стремились к получению прибыли через осуществление продажи товаров из лавки общества посторонним покупателям, то есть простое акционерное торговое предприятие.

В целом же причины неудач первых потребительских обществ были вызваны, в первую очередь, тем, что они создавались, а затем объединяли социальные слои, которые не очень нуждались в кооперации. Значительная часть членов вошла в них под воздействием существовавшей в то время моды на общественную деятельность. Было среди них и немало лиц, вступивших из-за желаний получить коммерческие выгоды. Но очень быстро этот интерес прошел. Наступила апатия. Это и привело, наряду с другими причинами (полным отсутствием опыта кооперативной работы, введением нерасчетливых операций, нехваткой оборотных средств и т.д.), к гибели товариществ.

Происходило данное не только в Курской губернии, но и в целом в России. По данным С. Н. Прокоповича, в России с 1865 по 1870 гг. был утвержден 71 устав потребительских обществ. Но очень быстро их значительная часть закрылась. К началу 1871 г. из всех открывшихся за 6 лет кооперативов действовало только 10 [6, с. 78].

Очень схожая ситуация имела место и в сфере кредитной кооперации. Но следует сказать, что ее развитие во многом связано не только с крестьянской, но и с земской реформами. Зачинателями местной кредитной кооперации во многом и были земские органы власти. С момента их возникновения перед членами земств встал вопрос о крестьянском землевладении. Его земства хотели решить с помощью покупки крестьянами земель, улучшения ее свойств, усовершенствования хозяйственной деятельности и т. д. Но для этого крестьянам нужны были средства. Именно здесь на повестку дня встал вопрос о кооперативном кредите.

Возникновение первых обществ мелкого кредита в Курской губернии обычно связывают с началом 70-х гг. XIX в. В это время данный вопрос появился на повестке дня местных земств. Впервые это произошло вследствие получения Губернской управой циркуляра Управляющего Министерства финансов от 9 июля 1871 г. о составлении проектов уставов ссудо-сберегательных товариществ [7, л. 74].

Но активные мероприятия развернулись только в 1873 г., когда очередному губернскому земскому собранию был представлен доклад губернской управы о ссудо-сберегательных товариществах и предложение гласного А. И. Рошток о необходимости учреждения таких товариществ.

Обсудив доклад, собрание приняло постановление, в котором содержалось ряд организационных и финансовых мер, направленных на возникновение инициативы «с низу» о создании обществ [8, с. 202–203].

Для нас же интерес тот факт, что накануне проведения губернского земского собрания губернская земская управа обратилась с запросом к уездным управам о наличии ссудо-сберегательных товариществ и об отношении крестьян к их созданию. В результате было получено сообщение, что в Рыльском уезде 3 декабря 1872 г. открылось Теткинское ссудо-сберегательное товарищество. В его состав вошли 96 членов с общим паевым взносом в 719 руб. 13 коп. и при наличии вклада в размере 420 руб. [7, л. 74 об]. Таким образом, данное товарищество стало первым кредитным кооперативом в истории Курской губернии.

Примечательно, что все остальные управы сообщили, что в их уездах не только нет товариществ, но и «крестьяне таковых открывать не желают, за исключением Михельпольской волости Тимского уезда, на сходах которой составлен приговор о том, что учреждение ссудо-сберегательных товариществ оно признает для себя необходимым». Сама же Тимская управа высказала мнение, что создание товариществ считает «преждевременным» [7, л. 74 об].

Не на много изменилась ситуация и после инициативы Курского губернского земства.

Уездные земские управы в целом поддержали идею создания обществ мелкого кредита, но их обращения к крестьянам оказались неэффективными. Так, волостные правления Льговского уезда, кроме одного, донесли, что ни один из волостных сходов не изъявил согласие на организацию кооператива. Кроме того, волостные правления указывали на отсутствие на местах достаточно грамотных и способных к ведению дел людей [8, с. 203].

Ряд же уездных земств на словах поддержав идею создания ссудо-сберегательных товариществ попытались уклониться от активной работы и от ответственности за их деятельность. Например, та же Льговская управа в 1874 г. высказала свое мнение, что было бы полезно открыть хотя бы одно товарищество в уезде, если найдется волость, где имеются способные люди, но при этом предложила снять с себя ответственность за рекомендацию «способных для ведения дел в товариществе лиц» [8, с. 204].

В последующем курское земство регулярно обращалось к кооперативной тематике, но результаты не оправдывали начинаний.

Так, к началу 1880-х гг. в Курской губернии при поддержке губернского земства (реально при поддержке уездных земств, в первую очередь Суджанского) действовало только 5 обществ (Гоптаровское с декабря 1873 г, Михайловское с января 1875 г., Марьинское с февраля 1876 г., Суджанское с марта 1876 г., Толстолугское с августа 1876 г.). [8, с. 342].

По нашему мнению, главной причиной того, что ссудо-сберегательные товарищества не получили широкого распространения, являлось обстоятельство, которое было уже указано в отношении потребительских обществ. Для начала их деятельности требовались значительные капиталы, основную часть которых должны были внести сами члены. Установленные же суммы паев были очень высоки для большинства жителей как городов, так и сел. Например, сумма полного пая в Миропольском товариществе составляла 50 руб. [9, л. 6], в Суджанском – 75 руб. [10, л. 3]. В результате в кооперативы могли вступить лишь достаточно состоятельные лица, но которых, в свою очередь, не устраивали суммы разрешенных кредитов. Именно это и привело к тому, что наиболее стабильно действовавшее Суджанское ссудо-сберегательное товарищество решением общего собрания в 1900 г. было преобразовано в общество взаимного кредита [10, л. 120].

Курская губернская управа позднее в своем докладе «Об организации мелкого кредита» 38 очередному Курскому губернскому земскому собранию 1902 г. назвала и ряд других причин: «1) отсутствие на местах людей, которые могли бы вполне толково и честно вести дело; 2) отсутствие контроля за деятельностью товариществ; 3) затруднения при взыскании долгов с неисправных заемщиков; 4) отсутствие средств необходимых для ведения операций» [11, с. 861].

Схожая ситуация имела место и по всей стране. Известный публицист, статистик и экономист Е. Д. Максимов, публиковавшийся под псевдонимом М. Слобожанин, писал: «<...> Распространявшаяся в то время идея сельских ссудо-сберегательных товариществ встретила поддержку передовых земцев, тем более, что в значительной мере соответствовала общей тенденции о невмешательстве в экономическую жизнь населения. Все дело в них предоставлялось самодеятельности населения, которое само собирало средства, само вело дело и само за все отвечало. От земства требовалась только инициатива, да некоторое наблюдение, а иногда и небольшая денежная поддержка. При таких условиях, ссудо-сберегательные товарищества действительно получили относительное распространение и несомненно, благодаря земству, послужили проводниками кооперативных начал в массу населения. Но несомненно также, что земства по отношению к ним стали на неправильную точку зрения. Ими были переоценены силы населения для устройства и ведения этих сложных, на нерусской почве возросших, кредитных кооперативов. Неграмотная и почти лишенная денежных средств масса крестьянства не могла собрать для ссудо-сберегательных товариществ необходимых сумм и выставить достаточное число деятелей их. Земства же не приняли в требуемом размере мер, чтобы снабдить товарищества средствами и техническим персоналом. Поэтому, через какой-нибудь десяток лет после открытия главной массы ссудо-сберегательных товариществ, в некоторых местах началось уже

разочарование ими, закрытие и упадок интереса к ним со стороны земских учреждений. Много способствовало этому и общее усиление реакции с самого начала восьмидесятых годов и отрицательное отношение власти и привилегированных сословий к кооперативной и всякой другой самодеятельности населения» [12, с. 386–387].

Таким образом, следует признать, что «великие реформы», включая отмену крепостного права, дали толчок к началу активного проникновения кооперативных идей. Но первые начинания оказались не столь успешны. Среди основных причин этого: искусственный характер большинства кооперативов, неподготовленность и незаинтересованность основной массы населения, отсутствие опыта по организации кооперативной работы у земств, неразвитость правовой базы и т. д. Тем не менее «брошенные семена» в полной мере начали прорасти в 90-е гг. XIX в. и в результате уже в начале XX в. отечественное кооперативное движение и по размаху, и по качеству вышло на лидирующие позиции в мире.

Источники и литература

1. Днепровский С.П. Кооператоры. М.: Экономика, 1968. 383с.
2. Кооперация: страницы истории. В 3 т. Т.1. Кн.1 / отв. ред. – сост. Н. К. Фигуровская. М: Наука, 1998. 768 с.
3. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1287. Оп. 8. Д. 1551.
4. РГИА. Ф.1287. Оп. 9. Д. 1.
5. РГИА. Ф.1287. Оп. 9. Д. 62.
6. Кистанов Я.А. Потребительская кооперация СССР (исторический очерк). М.: Издательство Центросоюза, 1951. 420 с.
7. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2104.
8. Соколовский П.А. Деятельность земства по устройству ссудо-сберегательных товариществ. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1890. 351 с.
9. РГИА. Ф. 583. Оп. 7. Д. 219.
10. РГИА. Ф. 583. Оп. 7. Д. 221.
11. Об организации мелкого кредита // Журнал заседаний XXXVIII очередного Курского губернского земского собрания 1902 г. с приложениями. Курск: Типография Курского губернского земства, 1903. С. 86 –874.
12. Слобожанин М. Из истории и опыта земских учреждений в России. СПб.: Издание журнала «Жизнь для всех», 1913. 551 с.

Е. В. Холодова,

кандидат архитектуры,

Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства (НИИТИАГ) Филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» (г. Москва), член Союза архитекторов России; советник РААСН

АРХИТЕКТУРНЫЕ ОБРАЗЫ КУРСКИХ УСАДЕБ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД 1860-х – 1870-х ГОДОВ¹

Аннотация: Исследование основано на выявленных архивных и печатных источниках, натуральных исследованиях автора, которые позволяют более обоснованно реконструировать архитектуру утраченных и сохранившихся фрагментов загородных дворянских и купеческих усадеб на территории порубежного региона России в пореформенный период 1860-х – 1870-х годов

Особая значимость выполненной комплексной исследовательской работы обусловлена возможностью заполнить лакуны в изучении важных страниц истории общенациональной и региональной русской культуры, отразившихся на формировании региональных особенностей строительных приёмов и образности архитектурных ансамблей усадеб Курской губернии.

Ключевые слова: Курская губерния, архитектура, стилизация, композиция, планировка, усадебные дома, дворцы, строительство, реконструкция.

Вторая половина XIX века в русской архитектуре определяется миропониманием историзма, который во многом стал мировоззренческой базой архитектурной эклектики, широко проявив себя в новых жанрах архитектурного творчества: в общественных и жилых зданиях, сооружениях, связанных с развитием транспорта и промышленности. Прогресс строительной техники обусловил тогда появление небывалых конструкций, новых строительных материалов (железа, стекла, керамики и других). Рассматриваемый период совпал с возрождением идей народности в архитектуре, с появлением новых, ориентированных на массовые потребности зданий и сооружений. С середины XIX века эклектика охватила все направления архитектурного творчества не только в столицах, но и в провинции.

Архитектурные образы загородных усадеб Курской губернии пореформенного периода дают представление об основных стилистических тенденциях усадебного строительства на территории порубежного региона России в период 1860-х – 1870-х.

---

¹ Исследование выполнено за счет средств Государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» в рамках Плана фундаментальных научных исследований Минстроя России и РААСН, тема 1.2.2.

Одним из выдающихся памятников усадебного строительства ранней эклектики в Курской губернии, был дворец Клейнмихелей в селе Ивне, сооруженный в середине 1860-х гг. и уничтоженный осенью 1922 г. [1, л. 29]. Сегодня говорить о прошлом великолепии и размахе дворца в Ивне можно лишь по воспоминаниям современников и дореволюционным фотографиям [2, с. 330–334]. Часть сохранившегося северного крыла здания в советский период был приспособлен под главный корпус детского санатория.

Объемно-композиционное решение и декоративное убранство усадебного дома, воспроизводящего монументальные формы русского барокко, напоминали крупные дворцы столичных вельмож середины XVIII века – в частности, дворцы Бартоломео Растрелли в Анненгофе, Рундале, Аничков дворец в Петербурге и другие. Здание отличалось симметричной композицией, состоящей из трех двухэтажных объемов – возвышающейся главной частью с ризалитами по сторонам, акцентированной со стороны курдонера двухмаршевой открытой лестницей, ведущей в парадные апартаменты второго этажа. Архитектура дворца Клейнмихелей выдает руку маститого архитектора. Предположительным автором загородного особняка в Ивне мог быть выдающийся архитектор Андрей Иванович Штакеншнейдер (1802–1865) [3], автор столичного дворцового строительства в необорочных стилизациях середины XIX в., однако, отсутствие картографического материала и других архивных источников скрывает от нас строительную историю выдающегося сооружения.

Значительным памятником эпохи историзма, безусловно, является дворец в знаменитой усадьбе Барятинских Марьино. В 1869–1873 гг. ампирный главный дом-дворец первой четверти XIX в. был кардинально реконструирован по проекту известного петербургского архитектора Ипполита Антоновича Монигетти (1819–1878) [4]. Перестройку здания производил архитектор Карл Густавович Шольц (1837–1907) [5]. Проект был выполнен в соответствии с новыми художественными вкусами второй половины XIX в. – строгие ордерные формы русского ампира были обогащены декоративными элементами, заимствованными из зодчества позднего Возрождения.

Прежде всего, классицистический дворец изменил силуэт — световой барабан над круглым залом и венчающий его купол были разобраны и заменены пирамидальным фонарем. Стены центральной части главного корпуса надстроили, таким образом, увеличилась высота третьего этажа и образовались невысокие четвертый и пятый. Сильно развитый венчающий карниз был поднят, над ним устроили высокий парапет и балюстраду. В боковых крыльях центральной части заложили оконные проемы – в третьем этаже и в первом. Изменилось обрамление окон второго этажа, исчезли скульптуры, находившиеся прежде в нишах. Огромные световые проемы центральной части паркового фасада были

заложены. Вместо арок и колонн в плоскости стены появились обычные окна и балконные двери, между которыми разместились пилястры. Была сооружена сложной конфигурации лестница, ведущая к террасе второго этажа паркового фасада, и произведена небольшая внутренняя перепланировка помещений.

В итоге перестройки, дворец в Марьино стал более вместительным и удобным, существенно изменился и его архитектурно-художественный образ. Сравнивая прежний дом с новым, можно прийти к выводу, что композиция здания приобрела большую цельность, хотя декоративная обработка стен стала более сложной и насыщенной. В начале 1900-х гг. все дворцовые помещения были оборудованы центральным отоплением, водопроводом, канализацией и электрическим освещением, а в главном корпусе был устроен лифт. (Сооружение хорошо сохранилось до наших дней и используется как главный корпус санатория). Перестройка дворца в Марьино – редкий случай в многочисленном ряду реконструкции зданий, когда итог заслуживает положительной оценки и еще раз подчеркивает профессиональное мастерство зодчих И. А. Монигетти и К. Г. Шольца.

Стилизацию форм позднего Возрождения демонстрирует и архитектура кирпичного особняка крупного сахарозаводчика П. И. Харитоненко (ныне цент детского творчества), построенного в 1870-х – 1880-х гг. в его курском имении Красная Яруга, одновременно с заводскими и хозяйственными зданиями. Интересно, что этот дом по композиционным и стилевым характеристикам подобен городским особнякам Харитоненко в Сумах (ул. Дзержинского, быв. Троицкой) и Москве (на Софийской Набережной), где внешние формы также стилизуют ренессансные мотивы. Кроме того, все особняки Харитоненко симметричны, декоративно насыщены, подчеркнуто представительны, чем немного напоминают итальянские палаццо эпохи маньеризма. Наиболее интересные и современные проекты в архитектуре усадебных зданий могли позволить себе только крупные владельцы, знакомившиеся с новыми веяниями искусства в столицах и заграничных путешествиях. Предположительным автором особняка в Красной Яруге мог быть архитектор Карл Густавович Шольц (1837–1907) [5].

Однако статистика и документы XVIII – начала XX вв. показывают, что основное количество усадеб Курской губернии были мелкопоместными, чьи владельцы постоянно жили в своих усадьбах. Потому примеры дворцов в Ивне, Марьино, Красной Яруге единичны. Большинство же средних и мелких усадебовладельцев в перестройках и новом строительстве могли позволить себе лишь скромное жилище, нередко становясь его автором.

Главный дом Арцыбушевых в селе Покровском (предположительно конца 1860-х гг.) – характерный пример провинциальной усадьбы владельца средней руки. Это довольно вместительный кирпичный двухэтажный дом на высоких сводчатых подвалах. Его объемная

композиция образована прямоугольным в плане корпусом с двумя примыкающими с запада ризалитами, между которыми, в уровне второго этажа, размещалась просторная лоджия. Крыльцо главного фасада акцентировано четырехколонным портиком на квадратных простых колоннах, поддерживающих выступающий треугольный фронтон. Первый этаж дома, имеет довольно приземистые пропорции. Второй – более парадный, высокий, с полуциркульными окнами (в отличие от прямоугольных – первого этажа). Здесь размещались покои хозяев имения, комнаты для приема гостей. Фасады здания не оштукатурены и отличаются скромным декором в виде гладких наличников окон, полочек и карнизов. Дом в Покровском прост, даже аскетичен, а его отделка может быть отнесена к направлению классицизированной эклектики [6, с. 455–462].

Для курской загородной усадьбы более характерна была практичность, функциональная продуманность и утилитарный подход, нежели дворцовая парадность и новомодный шик. Подобные характеристики применимы к большинству мелких и средних усадеб пореформенного времени. Так, известный русский поэт А. А. Фет, обосновавшись в своем курском имении Воробьевке в 1870-х – 1880-х гг., коренным образом перестраивает усадьбу, парк и все хозяйство имения в соответствии со своими вкусами. Сохранившиеся документы, воспоминания современников и самого владельца позволяют подробнее остановиться на важном этапе преобразования этой старинной усадьбы, как характерном примере трансформации имений средней руки пореформенного времени.

К приобретаемому имению Фет предъявлял следующие требования: «Имение должно было быть в черноземной полосе, с лесом, рекою, каменной усадьбой и в возможной близости от железной дороги». Воробьевка отвечала всем требованиям нового владельца. От бывшей усадьбы Ртищевых к 1877 г. оставалось больше шести построек: «Оказалось, с открытием весны следует перекрыть более полдюжины крыш железом на место сгнивших тесовых и соломенных...» [7, с. 338]. Господский дом при прежних владельцах представлял собой одноэтажное здание с антресолями, часть которых была занята мезонином, а часть – чердаком без окон «высотой три аршина». Жилых комнат в доме было очень мало. Фет утверждал, что барский дом был построен в конце XVIII в.: «Строивший усадьбу за сто лет помещик Ртищев не любил, чтоб у него ходили над головой, и поэтому занял верх над парадными комнатами чердаком...» [7, с. 334].

На парковом, южном, фасаде здания существовал балкон, который был восстановлен новым хозяином. «Всюду предстояли безотлагательные поправки, начиная с каменной террасы под балконом, чугунные плиты которой были покрыты грудой развалившихся каменных столбов... Очищенный от обломков балкон получил прежний вид с новыми тумбами

и прежними решётками» [7, с. 340]. В своих воспоминаниях и письмах поэт ничего не говорил о перепланировке первого этажа ртищевского дома. Поэтому будем считать, что она не менялась, и господский дом сохранил анфиладный принцип расположения комнат, унаследованный от XVIII в.

На первом этаже главного дома времени Фета располагались: парадные комнаты – гостиная, столовая; жилые – кабинет поэта, спальня, комната жены поэта; а также сени и коридор, деливший здание на две половины – парадную и жилую. В гостиной, против выхода на террасу, помещался большой камин с зеркалом и бюстом бывшего владельца усадьбы Ртищева.

Верхняя часть здания, которая при Ртищевых представляла собой мезонин и чердак, была полностью реконструирована, увеличена высота этажа, в результате чего появились три новые комнаты. В южной части второго этажа, над гостиной, располагалась бильярдная, рядом с ней «верхний» кабинет поэта и ряд комнат для гостей [7, с. 330]. Обстановка для дома – мебель, посуда, кактусы – была привезена из орловского имения Фета Степановки. Отделочные материалы заказывались в Москве. Во втором этаже были использованы полы парадных комнат старого дома. С наступлением весны в дом переносили растения из оранжереи. «Расчистили снег в парке по дорожке, к теплице, откуда нанесли олеандров в цвету, кипарисов, филодендронов и множество цветов», — вспоминает Фет [8].

Фасады воробьевского дома были выкрашены в желтый цвет. Их украшали междуэтажные тяги, сандрики над окнами и простые карнизы. Над главным входом, с северной стороны, находился балкон, к которому вела дверь с лучковым завершением. Из описаний складывается образ дома, построенного помещиком средней руки. При перестройке здания Фет воспользовался сложившимся до него рациональным распределением комнат по назначению. Как правило, планировка всех господских домов в усадьбе основывалась на той разумной схеме, по которой жилые комнаты с кабинетом хозяина были обращены во двор, а парадные – для отдыха и приема гостей открывались в парк, дабы, отрешившись от хозяйственных забот, можно было отдыхать и любоваться красотами природы. Среди прочих построек, доставшихся Фету от усадьбы Ртищевых, был каменный флигель, с восточной стороны от главного дома, который неоднократно ремонтировался, а к весне 1889 г. был окончательно приведен в порядок и использовался для приема гостей. На одном из этюдов Якова Полонского изображен флигель, выкрашенный в желтый цвет, к которому примыкает увитая зеленью беседка. Она не сохранилась, а флигель можно увидеть и сейчас в перестроенном виде. К западу от господского дома размещалась кухня, которая была разрушена в 1996 г. С северной стороны господский дом замыкали каретный сарай (с востока) и конюшня (с запада), объединенные каменной оградой [9].

К 1879 г. усадьба значительно преобразилась, о чем свидетельствует ее описание, сделанное Фетом в письме к Н. Н. Страхову: «Если Вы хоть мало-мальски наблюдательны, то Воробьевка при въезде в нее сделает на Вас совершенно другое впечатление. Уже ни одной соломенной крыши не существует. Все крашеное железо и штукатурные стены. Я нашел, что вещь тогда хороша, когда она не носит своего типа. Город хорош, когда зеленью, парками напоминает деревню, а деревня, когда постройками напоминает чистый город» [10].

В настоящее время в бывшей фетовской усадьбе действует историко-краеведческий комплекс (открыт в марте 2017 г.).

Одним из основных направлений эклектики в России был русский стиль, своеобразное выражение народности в архитектуре, восходящий к началу XIX в. и получивший своё основное воплощение в храмовом зодчестве. Творчество зодчих русского стиля основано на обращении к яркой национальной и самобытной монументальной архитектуре русского средневековья. В гражданской и церковной архитектуре российской провинции, русский стиль получил наибольшее распространение во второй половине XIX – начале XX вв. (загородные особняки, парковые павильоны, малые архитектурные формы). Наряду с культовой архитектурой в духе русского средневековья появляется так называемая крестьянская разновидность русского стиля – ориентация на народное искусство, крестьянскую избу.

В порубежной с Малороссией Курской губернии фольклорный вариант русского стиля проявляет черты русско-украинских традиций народного зодчества – это относится, в основном, к жилым и хозяйственным постройкам мелкопоместных усадеб, благотворительным зданиям (больницы, школы, приюты и др.). Большинство мелкопоместных и средних усадеб представляли собой довольно простые деревянные или кирпичные, часто одноэтажные здания, с ассиметричной композицией объемно-планировочного решения и элементами народной архитектуры. Художественное оформление домовых фасадов в Курской губернии, в сравнении с северными губерниями, было развито слабо. Декор как деревянных, так и кирпичных зданий, обычно был представлен в виде несложной плоской (позднее пропиленной) резьбы и довольно скромных резных деревянных подзорах, наличниках окон и дверей, ставнях, отделке веранд, ограждений террас и лестниц. Кронштейны, поддерживавшие свесы крыши, кое-где обрабатывались скульптурно в виде завитков и других украшений (Малеевка, Уютное).

В период эклектики формируется и направление «кирпичного стиля», так называемой «бесстилевой» архитектуры, в основе которой лежали утилитарные факторы – материала и конструкций.

«Кирпичный» стиль получил широкое распространение в 1870-е гг. и позднее (до конца XIX в.) в строительстве сооружений из облицовочного кирпича. Подчеркнем, что это понятие не относится к зданиям с

неоштукатуренными фасадами, но спроектированными с использованием исторических форм. Постройки «кирпичного стиля» имели довольно выразительный характер благодаря полихромии кирпичной кладки – фактуры и цвета облицовочного кирпича, всевозможной узорно-рельефной кладки, имитирующей фольклорные варианты вышивки крестом, мотивов русско-украинского прикладного искусства (бегунец, елка, сетка, городки, поребрик и др.) В «кирпичном стиле» выстроена большая часть хозяйственных и промышленных построек и сооружений загородных имений (Яцыно, Ржава, Семеново, Иштутино, Семеновка и др.). Примером целостного комплекса построек в этом стиле могут служить хозяйственные и жилые сооружения в Михайловке Шереметевых (экипажный сарай, коровник, прачечная, службы), выстроенные по проекту архитектора Серебрякова в 1875–1876 гг. [11].

Большинство мелкопоместных усадеб мало отличалось от крестьянских однодворческих построек, что было характерно для всего Курского края. В документах находим следующие примеры: «В XIX в. деревня Сухоробрик была разделена на 28 участков. Наиболее богатыми владельцами среди дворян Горяиновых в Сухоробрике был губернский секретарь Н. И. Горяинов, владелец 99 десятин, тогда как другие Горяиновы имели в Сухоробрике по 20 дес. Н. И. Горяинову принадлежала усадьба с деревянным господским домом и фруктовым садом на 6 дес. Усадьба находилась в южной части деревни и представляла собой следующее: господский дом деревянный крыт соломой, длиною 12 арш. а шириною 9 арш.; людская изба, два амбара пластовых рубленых. Огорожен плетневым сараем. Двор крытый весь соломой» [12, л. 107 об.].

До настоящего времени в некоторых селах бывшей Курской губернии (Курская, Белгородская, часть Сумской областей) сохранились некоторые типы кирпичных хозяйственных и жилых построек, а так же рубленые и плетневые хозяйственные строения – амбары, пуньки, повалени (реже жилые хаты) под соломенными крышами, отражающие облик застройки прошлых столетий.

На выбор строительных материалов влиял региональный природно-географический фактор и возможности владельцев. Вплоть до середины XIX в. преобладали деревянные срубные владельческие постройки [13, с. 72–73]. В XIX – начале XX вв. в исследуемой лесостепной зоне, преимущественно широколиственных лесов, на строительстве использовали: дуб, осину, вербу, липу, ольху [13, 72–73]. Лесные площади значительно сократились уже к концу XVIII в., что и отразилось на характере сельского строительства. Так, к 1914 г. лесные угодья в Воронежской и Курской губерниях уменьшились почти в два раза, а в Харьковской губернии по сравнению с концом XVII в. – в три [14, с. 128–129].

В связи с оскудением лесов и удорожанием лесоматериалов срубная техника строительства стала сочетаться со строительными приемами,

требующими меньшего количества дерева. В столбовой технике строили также амбары, гумна, иногда сараи. Недостатки местного лесоматериала повлияли на формирование традиции обмазывать сруб снаружи и внутри глиной и белить. В середине XIX в. в Курской губернии обмазка сруба с последующей побелкой была более характерной для южных уездов с преобладающим украинским населением.

В исследуемой зоне сравнительно много (по отношению к другим русским губерниям) строилось домов из естественного камня – мела, плитняка (разновидности известняка), песчаника, что объясняется наличием мощных выходов горных пород, пригодных для строительства, в бассейнах Дона, Северского Донца, Оскола и Псла. Мел и песчаник уже широко применялись для строительства погребов, амбаров в южных и юго-западных уездах Курской губернии [13, с. 78]. Крыша традиционного жилища на всей территории губернии была четырехскатной [13, с. 91].

Наиболее распространенным кровельным материалом была солома, что связано с развитием зернового пашенного земледелия и постепенной вырубкой леса [13, с. 92]. Встречаются примеры покрытия крыш камышом. «Делали с большим искусством под гребенку, толщиной около трех вершков, и до того прочны, что бывают совершенно непромокаемы», – утверждал современник [15, с. 13–14]. У богатых владельцев главные усадебные дома (реже – хозяйственные постройки и службы) обычно имели железное и черепичное покрытие. Тесовые крыши в связи с недостатком лесоматериалов использовали довольно редко.

Интересно, что в середине XIX в. в Курской губернии появились новые кровельные строительные материалы и покрытия полов, которые с успехом применялись в пореформенный период. В литературе находим упоминание о производстве войлочно-картонных кровельных материалов в имении Миленина Александровское. «Крыша эта выкрашена зеленою краскою и по виду ни чем не отличается от железной. В три года она нисколько не испортилась. О протекании же не может быть и речи. Г-н Миленин принимает заказы на приготовление войлочных картонов. 1 кв. аршин этих картонов стоит у него 20 коп. По цене этот род крыш должен быть поставлен между соломенною и из драни; по легкости войлочно-картонные крыши превосходят все роды крыш, исключая бумажных, квадратная сажень которых весит не более полпуда. Относительно воспламеняемости он приближается к металлическим крышам» [16, с. 85]. В усадьбе барона Розена Толоконном «полы жилого дома сделаны из картона. С первого раза можно счесть за паркет. И дешево и мило!» [16, с. 99].

Архитектура хозяйственных зданий, как подтверждает современник, была очень разнообразна: «У землевладельцев встречаются весьма различного типа помещения для скота начиная от весьма роскошных, светлых каменных, прекрасно вентилированных с отдельными стойлами для животных и оканчивая самыми незатейливыми варками (плетёный

навес для скота открытый с одной стороны) о которых некоторые землевладельцы говорят, что они «более чем холодны». Один из землевладельцев Курского уезда, выстроил даже какую-то хоромину вместо скотного двора, снабженную стеклянным куполом и манежем для выводки животных <...> Несмотря на все разнообразие скотных дворов, преобладающим типом все же является варок по крайней мере для гулевого скота и волов; для телят обыкновенно имеются теплые помещения снабженные потолками, а иногда печками или согреваемые трубами, проходящими от печей, поставленных в избах для прислуги, ухаживающей за скотом... Полы устраивают деревянные, кирпичные или каменные (из булыжного камня) <...> Вода редко проводится трубами в скотные дворы, обыкновенно же скот гоняется для водопоя к колодцам, прудам или рекам <...> В немногих лишь из тех хозяйств, где существуют теплые скотные дворы, приходилось встречать приспособления для вентиляции в виде вытяжных труб, обыкновенно они отсутствуют и все дело ограничивается естественной вентиляцией, не всегда достаточной при значительных размерах скотных дворов и содержания животных на пласте...» [17, с. 79А – 80А].

Простейшие, сходные с крестьянскими, хозяйственные постройки были даже в известных образцовых хозяйствах. Так в имении Архангельское И. Н. Терещенко «помещением для коров служили самые незатейливые постройки – деревянные, крытые соломой» [18, с. 459–461]. В имении Реутец А. Е. Мороховца «зимою и летом овцы содержатся в плетневых мазаных глиною сараях, без потолков, куда им закладывается под ноги на ночь ржаная солома...» [19, с. 132–142]. Приводится так же пример: «В имении Гридасово у Климова возводятся достойные замечания постройки: мазанковые строения с двойными стенами (плетнями глиною обмазанные в расстоянии 2 арш.) промеж которых набивается земля. Такого рода постройки похожи на Герардовские с тою только разницей, что вместо кирпичных стен воздвигаются плетни, и вместо золы набивается земля такого рода постройки должны быть очень теплы и сухи» [16, с. 88].

Таким образом, в архитектуре пореформенного усадебного строительства Курской губернии развивались различные направления эклектики. Однако, новейшие течения архитектуры в пореформенный период были возможно лишь для владельцев средних и крупных имений. Большинство мелкопоместных усадеб носили черты крестьянской архитектуры со строительными приемами характерными для данного региона. Декоративные формы барокко, Ренессанса и классицизированной эклектики применяли обычно в богатых усадьбах. Русский стиль проявился не только в церковной архитектуре, но и жилой и хозяйственной, с региональным оттенком русско-украинские народного зодчества. По совокупности признаков, характеризующих различные особенности жилых и хозяйственных построек мелкопоместных усадеб

второй половины XIX – начала XX вв., на исследуемой территории проявляются два крупных комплекса жилища: южно-русский для южных уездов восточно-украинский (или «харьковский»).

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-3139. Оп. 1. Д. 25.
2. Воронова О.К. Путешествие в Ивню (публикация Е. В. Холодовой) // *Дворянские гнёзда России: История, культура, архитектура: Очерки* / под ред. М. В. Нащокиной. М., 2000.
3. Штакеншнейдер Андрей Иванович // *Большая советская энциклопедия: [в 30 т.]* / под ред. А. М. Прохорова. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1969.
4. Листов В. Н. Ипполит Монигетти. СПб.: Стройиздат, 1976. 144 с.
5. Карл Густавович Шольц (1837–1907) [Электронный ресурс] // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 28.02.2021).
6. Холодова Е. В. Покровское // *Русская усадьба: Сборник ОИРУ*. Вып. 8(24). М., 2002.
7. Фет А. Воспоминания / предисл. Д. Благого. сост. и прим. А. Тархова. М.: Правда, 1983. 496 с.
8. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф. 328. К. 1. № 25.
9. Литературный музей Пушкинского дома в Санкт-Петербурге. Оп. 1. № 59.
10. ОР РГБ. Ф. 328. К. 1. № 26.
11. Российский государственный исторический архив. Ф. 1088. Оп. 6. Д. 1813.
12. ГАКО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 8236.
13. Чижилова Л.Н. Русско-украинское пограничье. История и судьбы традиционно-бытовой культуры (XIX–XX века). М., 1988.
14. Цветков М.А. Изменение лесостепи Европейской России с конца XVII столетия по 1914 г. М., 1957.
15. Нежданов И. Описание хозяйства слободы Чернянки имения тайного советника М. П. Щербинина Курской губернии Новооскольского уезда // *Труды Императорского Вольного экономического общества*. СПб., 1865. Т. 3.
16. Юрович П. Агрономические путешествия по России. Сельскохозяйственные наблюдения по дороге из Коренной в Харьков // *Журнал Министерства Государственных Имуществ*. 1852. № 7.
17. Исследование современного состояния скотоводства в России. Рогатый скот. Вып. 2. М., 1885.
18. Грабовский К. Молочное хозяйство, как доходная статья // *Хозяин*. 1896. № 26.
19. Каракульское овцеводство в Реутчанской экономии А. Е. Мороховца (с-цо Николаевка при селе Вышний Реутец Обоянского уезда Курской губернии) // *Журнал Полтавского Сельскохозяйственного Общества*, Полтава. 1891. Вып. 1. (январь).

И. А. Долженков,
кандидат исторических наук,
Курская государственная сельскохозяйственная академия

А. В. Выскребенцев,
Курская государственная сельскохозяйственная академия

РОЛЬ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ОРГАНОВ ЗЕМСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Аннотация. В статье освещены проблемы взаимодействия местной государственной власти и земского самоуправления Курской губернии в пореформенный период. Делается вывод, что государственная власть играла важнейшую роль в процессе формирования земского самоуправления.

Ключевые слова: Земства, самоуправление, государственная власть, земские собрания, гласные, губернатор.

Практически сразу же после отмены крепостного права согласно «Положению о земских учреждениях», изданному в 1864 г., в Российской империи начала формироваться новая система местного управления. В историографии оно именуется земским самоуправлением. Стоит отметить важную роль местного государственного управления, в первую очередь губернаторов, в процессе формирования органов земского самоуправления.

Нарушения в ходе выборов были отмечены уже на первом заседании Курского губернского земского собрания 27 августа 1865 г. Так, в частности, было принято решение губернского собрания включить в состав гласных Курского уездного собрания коллежского секретаря Степана Алексеевича Богданова вместо волостного головы Чаплыгинской волости Агибалова [1, л. 2–15].

На этом собрании была рассмотрена жалоба гласных Обоянского уездного собрания Жекулина и Давыдова о том, что губернский гласный государственный крестьянин Головенков не имеет права участвовать в собрании, так как он неправильно избран (будучи волостным писарем, он не был включен в состав выборщиков). Но, так как Обоянское земское собрание отклонило данную жалобу на основании того, что она была подана слишком поздно, губернское собрание решило не отменять решение уездного собрания, хотя оно и было очевидно неправильным.

При этом центральная власть зачастую возлагала на местные государственные органы тяжкое бремя рассмотрения конфликтов и злоупотреблений возникавших в ходе выборов в местное самоуправление.

В частности, 21 июля 1874 г. МВД отправило Курскому губернатору прошение мелких землевладельцев Суджанского уезда, жалующихся на местного предводителя дворянства, отказавшегося допустить их к голосованию при избрании уполномоченных на предварительном съезде мелких землевладельцев. В том же году, 5 ноября МВД поручило Курскому губернатору рассмотреть докладную записку надворного советника Савицкого, сообщившего о злоупотреблениях, допущенных на избирательных съездах Корочанского уезда [2, л. 264].

В то же время на заседании губернского земского собрания 9 декабря того же года, при проверке прав его гласных, представитель от Щигровского уезда Е. А. Марков заявил о неправильности в порядке выборов земских гласных вообще, следовательно и губернских земских гласных Курской губернии в частности. Он аргументировал это тем, что большинство уездных гласных от крестьян составляют волостные старшины и писари, которые приобрели это звание, пользуясь своим влиянием на крестьянские общества.

Причиной опасений стало то, что волостные старшины находились в свою очередь в непосредственной зависимости от личных распоряжений местных исправников, которым, согласно «Положению о крестьянском управлении» от 27 июня 1874 г., было предоставлено право подвергать волостных старшин взысканиям и даже снимать их с занимаемой должности. При этом было указано также, что и Правительствующий Сенат, по поводу избрания в почетные мировые судьи волостных старшин, разъяснял в своем указе от 31 декабря 1870 г. что должность почетного мирового судьи не может заниматься одновременно с должностью волостного старшины, так как старшина по закону исполнял некоторые полицейские обязанности.

Следовательно, волостные старшины признавались принадлежащими к государственным служащим, а потому, к ним должна была применяться ст. 36 «Положения о земских учреждениях», запрещавшая допускать к участию в земских выборах представителей полиции. Однако Сенат, разъяснил, что на основании ст. 116 общего положения «о крестьянах...» 19 февраля 1861 г. с должностью волостного старшины запрещалось лишь совмещение постоянных должностей, в тоже время как обязанности земского гласного не требовали постоянной занятости и не отвлекали от основной работы [3, с. 5].

Вообще в источниках фиксируются многочисленные случаи жалоб на результаты земских выборов. В этих случаях губернаторы играли роль высшей инстанции (на региональном уровне), утверждая или отменяя результаты выборов. Так было, к примеру, с жалобой гласного Льговской уездной земской управы П. Е. Безобразова, поступившей 5 января 1884 г. в Курскую губернскую земскую управу. В ней говорилось о незаконности избрания гласных И. А. Жбанкова и М. П. Крыгина в Льговское уездное земское собрание.

Причиной тому послужили неправильные действия Льговской оценочной комиссии, которая, по словам жалобщика, составила совершенно произвольно две оценки вместо одной. Одну – для взимания городских налогов, по которой вся городская недвижимая собственность оценивалась в 143 тыс. руб. И другую – для взимания государственных и земских налогов, по которой та же самая недвижимость оценивалась только в 78 тыс. руб.

И на основании этой второй, совершенно произвольной, затем были составлены избирательные списки для избрания гласных в местное уездное земское собрание. Как следствие, получилось так, что избирательные права неожиданно получили некоторые лица, (в том числе, указанные в жалобе) не отвечающие по закону имущественному цензу, и наоборот, многие отвечающие последнему, оказались не внесенными в избирательный список. Губернатор справедливо принял решение признать подобные выборы недействительными [4, с. 54].

В конце XIX века особенно возросло число конфликтов между органами общественного управления и местной бюрократией. Курская губерния не стала исключением в этом смысле. К примеру, в 1884 г. губернское земское собрание приняло решение обжаловать в Правительствующем Сенате незаконное, по ее мнению, решение губернатора о признании недействительными результатов избирательного съезда Суджанского уезда.

В свою очередь, 11 ноября 1896 г. уже сам Курский губернатор опротестовал постановление Дмитриевского уездного земского собрания, относительно исключения действительного статского советника В. И. Левковича из списка гласных. Протест свой он обосновал тем, что хотя Левкович и потерял земельный надел, дающий право голоса, но приобрел новый, имеющий равнозначное значение. Однако Дмитриевское уездное земское собрание отклонило протест губернатора на том основании, что Левкович приобрел право голоса уже после утверждения избирательных списков. Данный инцидент интересен тем, что когда губернатор передал дело на рассмотрение Сената, последний принял сторону земства [5, л. 2–14].

В завершение отметим, что по Положению 1864 г. губернаторы вообще имели право обязательного утверждения председателей уездных земских управ. По словам И. Блинова «губернаторы довольно широко пользовались данным им правом неутверждения» [6, с. 264]. При этом выговоры и замечания (без внесения в послужной список) объявлялись членам уездных земских управ губернским по земским и городским делам Присутствием. Служебный персонал, находившийся в ведении земских управ, привлекался к ответственности на тех же основаниях, что и члены упомянутых управ.

Таким образом, государственная власть играла важнейшую роль в процессе формирования земского самоуправления. Положительная

сторона этого вмешательства заключалась в защите рядовых граждан от злоупотреблений должностных лиц земского управления, в контроле над деятельностью земских органов и фиксации нарушений с их стороны.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 39. Оп. 1. Д. 1(а).
2. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2127.
3. Журналы заседаний Курского губернского земского собрания 1874 г. Курск, 1875.
4. Журналы заседаний Льговского уездного земского собрания 1884 г. Курск, 1885.
5. Журналы заседаний Дмитриевского уездного земского собрания 1888 г. Курск, 1889.
6. Блинов И. Губернаторы: историко-юридический очерк. СПб., 1905. 376 с.

Л. С. Ласочко,
Почетный архивист Российской Федерации,
Государственный архив Курской области

ИЗ ИСТОРИИ КУРСКОЙ № 22 ПОВЕРОЧНОЙ ПАЛАТКИ МЕР И ВЕСОВ

Аннотация. В настоящей работе впервые в краеведческой литературе, основываясь преимущественно на документальных архивных материалах, рассматривается история учреждения, становления и работы Курской № 22 поверочной палатки мер и весов.

Ключевые слова: Курская поверочная палатка мер и весов, Курская губерния, русская система, метрическая система.

В 1880-е – 1890 гг. с ростом промышленности и товарооборота, развитием техники все острее становилась потребность в точных измерениях, в усовершенствовании организации поверочного дела в стране. Созданное в 1842 г. в Санкт-Петербурге Депо образцовых мер и весов, в обязанности которого входило хранение эталонных мер и организация их поверки, уже не отвечало современным требованиям. В 1893 г. по инициативе Д. И. Менделеева, который в это время был хранителем Депо мер и весов, эта организация была реорганизована в Главную палату мер и весов. Менделеев стал ее первым Главным управляющим. Задачи, которые он поставил перед собой, должны были коренным образом изменить положение дел в области мер и весов. В первую очередь необходимо было изготовить точные копии с эталонных образцов. С этой целью необходимо было создать центральное метрологическое учреждение с хорошо оборудованными лабораториями. Во-вторых, организовать поверку этих копий и измерительных приборов; в-третьих, восстановить сравнительные таблицы русских и иностранных мер длины и массы. Необходимо было разработать положения,

инструкции, определяющие правила производства поверки приборов мер и весов в местных поверочных учреждениях [1, с. 190; 13, с. 792].

Закон от 4 июня 1899 г. «Об утверждении Положения о мерах и весах» предусматривал создание специальных поверочных учреждений – «поверочных палаток» [2]. В их обязанности входила поверка и клеймение мер и весов, подлежащих поверке и клеймению. Поверителями назначались лица, «выдержавшие особые испытания в знании метрологических приемов». За два месяца до срока проведения поверок в местных губернских ведомостях необходимо было опубликовать объявление о предстоящей поверке; местные полицейские управления размещали подобные объявления во многочисленных местах.

Периодичность поверок составляла 3 года. При проведении поверок поверители должны были обращать внимание на то, чтобы все весы и меры, применяемые в торговле, промышленности, должны быть снабжены установленным поверительным клеймом. Клеймо было в виде государственного герба, цифра внутри орла обозначала номер поверочной палатки, а под ним – год поверки. Клеймо ставилось только на исправные приборы.

Не позднее 15 января поверочные палатки должны были предоставлять в Главную палату мер и весов отчеты о числе предоставленных к выверке заклеянных и забракованных мер и весов, а также о количестве сборов, поступивших казну.

Поверочные палатки и их временные отделения находились в подчинении Главной палаты мер и весов. К 1910 г. на территории России было открыто 25 поверочных палаток [3, л. 96].

Губернский город Курск не стал исключением: 1 марта 1906 г. была организована Курская № 22 поверочная палатка мер и весов, деятельность которой распространялась на Курскую, Орловскую, а впоследствии и на Тамбовскую губернии. Палатка разместились на ул. Садовой в доме № 32, о чем сразу же были уведомлены городские и уездные земские управы и городские старосты [4, л. 14].

Работу поверочных палаток контролировал сам Д. И. Менделеев. 10 марта 1906 года в Курск был направлен циркуляр, в котором сообщалось, что на должность заведующего-старшего поверителя Курской № 22 поверочной палатки назначен коллежский советник Мараховский Дмитрий Григорьевич. Он должен был организовать «выверку торговых мер и весов», а также ознакомить население с законом 1899 г. о мерах и весах [3, л. 17, 19].

Помощником Д. Г. Мараховского назначался младший поверитель А. И. Дубинин, сын губернского секретаря, состоявший прежде на службе младшим поверителем в Павловской поверочной палатке.

Кроме них в штате состояли: младший поверитель Клавдия Николаевна Князева, дочь священника, окончившая Житомирскую женскую гимназию, состоявшая с 1903 г. на службе в Екатеринбургской

поверочной палатке, письмоводитель – коллежский советник Екатерина Леонидовна Мараховская; служитель – Павел Евдокимов, с декабря 1906 г. эту должность занял Викентий Фомич Ромель [5, л. 15].

На 1906 г. была утверждена смета расходов палатки на сумму 7 500 руб., из которых на содержание личного состава выделялось 4 350 руб., на хозяйственные и канцелярские расходы – 1500 руб., на разъезды поверителей – 350 руб., на наем помещения, отопление, освещение – 1 300 руб. [3, л. 19].

Для оборудования палатки были получены разновесы, гири, весы.

Первые сведения о результатах деятельности были направлены в Главную палату мер и весов уже в июле месяце: Д. Г. Мараховский информировал о проведенной внезапной проверке в четырех организациях на территории г. Белгорода. Следует отметить, что целью внезапных проверок было удостоверение, что весы и меры, находящиеся в обращении на рынках, базарах, магазинах, на ярмарках и других местах, содержат только надлежащие клейма. В ходе проверки выяснилось, что на всех проверенных железнодорожных станциях использовались неклеимые весы, что отразилось в актах проверки, направленных в Главную палату мер и весов.

В 1908 г. был проведен ряд внезапных ревизий мер и весов в Тамбовской губернии: в отделениях Госбанка, казначействах, почтово-телеграфных конторах городов Тамбова, Козлова, Борисоглебска, на ст. «Козлов» Рязано-Украинской железной дороги [6, л. 35]. В результате проверки во всех торгово-промышленных заведениях перечисленных городов подавляющее большинство весов и гирь было найдено «в незаконном состоянии». Была выявлена масса весов с подвесками в виде гвоздей, камней, с отломанными стрелками-указателями. Погрешности во многих гирях, использовавшихся на мельницах и крупорушках, превосходили законную в 5–10 раз.

В аптеках, ювелирных магазинах весы и гири в большинстве случаев были без правительственных клейм, для взвешивания употреблялись вместо гирь для точного взвешивания обыкновенные торговые гири с погрешностями в несколько раз превосходящими законную. Для устранения выявленных недостатков в организациях устраивались совещания с разбором причин выявленных недостатков.

При проведении проверок, в особенности внезапных, нередко возникали трудности. Так, на ст. «Коренная пустынь» без разрешения своего начальства поверители не были допущены к ревизии. Конфликтная ситуация возникла на ст. «Солнцево», где дежурный помощник начальника станции «в довольно грубой форме заявил, что начальник станции не допускает никаких ревизий весов...» [3, л. 147 об., 148].

Во время поездок у поверителей случались кражи. Так, 4 марта 1913 г. в Главную палату мер и весов сообщалось о краже чемодана у поверителя на ст. «Конотоп». Дело благополучно разрешилось, вскоре

была получена опись с найденными вещами на ст. Глушково [7, л. 41, 41 об., 44].

А вот младшему поверителю А. И. Чижикову не повезло. При возвращении из командировки в г. Моршанске Тамбовской губернии на винокуренные заводы 22 июня 1913 г. у него был украден «ящик с 2 коромыслами и железным складным аршином» [7, л. 68, 106]. Несмотря на проведенное расследование, похищенные вещи не были найдены. О результатах расследования было сообщено в Главную палату мер и весов, откуда 16 октября 1913 г. было получено предписание: «...взыскать с поверителя А. И. Чижикова стоимость украденного у него ящика... в размере 59 руб. 05 коп». Дело этим не окончилось: заведующий Курской палаткой, направляя копию рапорта Чижикова в Главную палату мер и весов, подтверждал, что «украденный у него деревянный ящик действительно уже приходил в негодность и выдержал бы не более 2–3 поездок, после чего был бы выписан в расходе». В заключении заведующий писал: «...вообще удержание из жалованья младшего поверителя А. И. Чижикова более 15 рублей в месяц поставило бы его в очень тяжелое положение ввиду получаемого им небольшого содержания и дороговизны жизни в городе Курске» [7, л. 112 об.]. Дело завершилось тем, что Главная палата разрешила поверителю Чижикову заменить утерянное им коромысло тождественным, за ящик же он должен был заплатить 5 рублей 5 копеек. 14 декабря 1913 г. «младший поверитель Чижиков был переведен на такую же должность в Киев». На его место был назначен младший поверитель Тульской палатки Сергеев [7, л. 119, 124].

Деятельность Курской поверочной палатки характеризовалась следующими цифрами: за 1911 год в Курской № 22 поверочной палатке всего было поверено 63 422 шт. мер и весов; заклеено – 59 977, забраковано – 445, получено за выверку и клеймение – 11 356 руб. 39 коп., в т. ч. за экспертизу – 7 р. 30 коп. [7, л. 26].

Для ремонта измерительных приборов привлекались мастера-специалисты. В Курске и Орле имелись мастерские по подготовке мер и весов к клеймению. На Чикинской улице (ныне – ул. Ватутина) в доме Мальцева располагалась мастерская В. Хадукина. Была ремесленная учебная мастерская при 4-й пожарной части [8, л. 65]. В Орле были известны мастера М. Дегтярев, П. Фадеичев, И. Фриман [9, л. 48]. В Брянске ремонт и работы по подготовке к клеймению торговых мер и весов осуществлял крестьянин Нижегородской губернии Алексей Петрович Кириллов [9, л. 8].

За выверку мер и весов были установлены денежные сборы. Так, за пудовые гири взималась плата по 15 коп. с пуда; за гири в 20, 10 и 5 фунтов плата составляла по 10 коп. с гири; за каждую гирю меньше 1 фунта – по 3 коп. с гири [10].

В документах архива сохранились имена сотрудников Курской палатки, которые состояли на службе в 1914 году. Это заведующий

палаткой Берман Николай Александрович, младшие поверители: Степанов Александр Эрастович, Сергеев Петр Иванович, Шипахин Михаил Сергеевич; письмоводитель Скляренко Михаил Иванович; служитель Ромель Викентий Фомич [11, л. 64, 85].

В 1917 г., когда, согласно декрету Всероссийского съезда Советов от 28 октября 1917 г., был создан Народный комиссариат торговли и промышленности, Курская № 22 поверочная палатка мер и весов перешла в его ведение.

14 сентября 1918 г. был принят Декрет «О введении международной метрической системы мер и весов», согласно которому с 1 января 1919 г. все учреждения РСФСР обязаны были ввести метрическую систему, а с января 1922 г. прекратилось изготовление мер и гирь русской системы [12]. Открывалась новая страница в истории учреждений поверки мер и весов.

Источники и литература

1. Большой энциклопедический словарь. Т.1. М.,1991;
2. Полное Собрание Законов. Отд. III. Т. XIX. 1899. Ст. 17056. СПб., 1902.
3. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 41. Оп. 1. Д. 1.
4. ГАКО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 3.
5. ГАКО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 5.
6. ГАКО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 9.
7. ГАКО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 20.
8. ГАКО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 12.
9. ГАКО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 2.
10. Полное Собрание Законов. Отд. III. Т. XIX. 1899. Ст. 17056. СПб., 1902.
11. ГАКО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 23.
12. Собрание узаконений и распоряжений. 1918. № 66. Ст. 725.
13. Каменцев Е.И., Устюгов Н.В. Русская метрология. М., 1965.

О. С. Суржик,

кандидат исторических наук,
Московский областной архивный центр

РЕФОРМЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX вв. В НАСЛЕДИИ К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВА

Аннотация. В статье отражен характер участия К. П. Победоносцева в реформах второй половины XIX – начала XX вв., основные принципы его законотворческой работы.

Ключевые слова: К.П. Победоносцев, судебная реформа, крестьянская реформа, церковная реформа.

Константин Петрович Победоносцев (1827–1907) вошел в историю как государственный и церковный деятель, обер-прокурор святейшего синода, правовед, ученый, наставник и советник двух последних царей, распространитель церковно-приходского просвещения, благотворитель, защитник самодержавной монархии, православной веры и церковности.

В 1846 г., по окончании Императорского училища правоведения он поступил на службу в московские департаменты Сената. В 1865 г. К. П. Победоносцев был назначен членом консультации Министерства юстиции, в 1868 г. – сенатором, а в 1872 г. – членом Государственного Совета. При такой насыщенной государственной деятельности он участвовал в обсуждении многих законодательных инициатив. Однако особое участие он принял в разработке судебной реформы. Также огромный отклик в нем вызывала крестьянская реформа и все, что касалось церковных вопросов. В данной статье коснемся кратко вышеназванных проблем сквозь призму рефлексии К. П. Победоносцева.

Осмысливая результаты крестьянской реформы, К. П. Победоносцев утверждал, что охранение «хозяйственной целостности семьи» является предметом первейшей важности, главной опорой порядка и благосостояния в государстве. Он полагал, что необходимо оградить малые хозяйства от захвата при жизни и от раздела после смерти хозяина при помощи общины, запрета завещателей на продажу участка и законодательно закрепленного отсутствия возможности расплачиваться землей за долги. «Уничтожение этого типа, свойственное новейшей демократии, ведет к раздроблению общества на однообразные единицы, взаимно несвязанные и оторванные от земли, следовательно, бессильные и беспочвенные... Бывшие прежде производительными в руках у хозяев, <земли> попадают массами в руки капиталистов и становятся добычей хищнического хозяйства или местом фабричной промышленности» [1, с. 141–142].

К. П. Победоносцев ставил в пример российским законодателям американский закон о семейных участках Homestead Exemption, авторы которого не увлекались «отвлеченной идеей свободы». Этот закон способствовал сохранению «прочной, оседлой семьи, возделывающей свой участок личным трудом и способной охранять свое владение» [1, с. 146]. Такая семья не зависит от капиталистов. Благосостояние народа тем прочнее, чем больше распределено земли между мелкими хозяйствами. Если же «преобладающая сила в народной экономике принадлежит крупному капиталу», «привлекающему к себе и малые доли частных капиталов, и мелкие поземельные участки для хищнической эксплуатации земель» [1, с. 148], благосостояние народа рушится. Особенную важность он придавал вопросу неделимости и неотчуждаемости мелких участков в свете освобождения крепостных крестьян с землею. Не имея опыта распоряжения имуществом и деньгами, они подвергались опасности превратиться в бездомных батраков. Таким образом, по мнению правоведа,

могло истощиться сословие крестьян, «составляющее главную охранительную силу в государстве» [1, с. 148].

Мыслитель подчеркивал нравственное значение закона об ограничении процента при займе. Он утверждал, что взимание процента только тогда оправдано, когда заем производится с целью получения прибыли: «Нравственное мнение положительно возмущается против заемной сделки, в которой одна только сторона имеет в виду свою выгоду, наибольшую и исключительную, а другая сторона не для выгоды занимает, а для насущной потребности... Если снять эту черту вовсе и поставить закон в безразличное отношение к условию о росте, притязание заимодавца не найдет себе границы в собственном интересе при договоре с нуждою заемщика, и процент, вместо того, чтобы сыскать себе нормальную меру, станет возрастать лишь по мере притязания с одной стороны и по мере крайности с другой стороны... Какое удовлетворение правде от того, что законодательство удовлетворит отвлеченному началу мнимой экономической свободы, провозглашаемому известною лишь партией в экономической науке» [2, с. 81–84].

К. П. Победоносцев считал некорректным сравнение судебной и крестьянской реформы и утверждение, основанное на их отождествлении, о необходимости одновременного приведения в действие судебных преобразований. Реформа 1861 г. рушила порядок взаимоотношений двух сословий, судебная реформа лишь вносила изменения в существующую ранее систему. Трудности осуществления первой лежали, по мнению мыслителя, в нравственной и экономической сфере, второй – в технической части, поэтому механизмы осуществления их также должны быть различны.

В 1859 г. К. П. Победоносцев защитил магистерскую диссертацию, результаты которой были опубликованы в «Русском вестнике» под заглавием «О реформах в гражданском судопроизводстве». Автор высказал идею о необходимости тщательной проработки, осторожного и постепенного проведения реформы гражданского судопроизводства с учетом местных особенностей. По мнению автора, писанный закон должен быть отражением неписаного кодекса обычаев народа, его истинной конституции, а, разрушая ложь старого, надо опасаться заменить ее ложью новой. «Всякая форма, исторически образовавшаяся, выросла в истории из исторических условий, и есть логический вывод из прошедшего, вызванный необходимостью» [3, с. 254]. Закон для Победоносцева являлся способом ограничения проявлений несовершенства человеческой природы [4, с. 12].

В начале 1860-х гг. он принимал участие в подготовке проектов документов для судебной реформы. В июле 1906 г. К. П. Победоносцев, вспоминая этот период, писал С. Д. Шереметеву: «С 1856 г. видел, как сменялись ряды людей, правящих судьбами России, и как эти люди все более становились чужды своему отечеству и своему народу его истории,

его преданиям, и судьбам его; видел, как новые реформы, одна за другою, кроили Россию по живому телу по всем направлениям, спутывали жизнь народную со всех сторон узами, опутывали сетью новых, чуждых учреждений, подтачивали значение власти!.. Я не мог утерпеть и восстал всей душой против их плана» [5, с. 18].

В 1860 г. К. П. Победоносцев избран профессором Московского Университета по кафедре гражданского права, где он преподавал в 1862–1865 гг. С 1861 г. ученого пригласили преподавать правоведение наследнику Николаю Александровичу и другим великим князьям.

В декабре 1861 г. правовед представил в комиссию по составлению судебных уставов записку «О гражданском судопроизводстве», в которой критиковал некоторые предложения составителей проекта нового устава гражданского судопроизводства.

В качестве важного приобретения судебной реформы К. П. Победоносцев называл: 1) возвращение обязательности высказывания обеих спорящих сторон до вынесения приговоров; 2) независимость судов от общей административной власти; 3) определение общей судебной формы производства, вместо судебно-полицейской, порождавшей много путаницы; 4) установление общих начал судебного производства для казенных управлений, которые должны являться истцами или ответчиками перед судом, наравне с другой стороной; 5) установление правил и обрядов словесного суда, наряду с письменным; 6) определение механизма рассмотрения жалоб на судебных чиновников. Причем, новое в судебных уставах оказывалось хорошо забытым старым. По мнению К. П. Победоносцева, ранее истинные руководящие начала суда были заменены новыми формами производства, бездумно скопированными с чужих образцов [6, с. 39].

Правовед писал о необходимости введения судебных учреждений в общий строй государственных учреждений, «от коего ныне представляются они как бы отрезанными», в виде самостоятельной и независимой власти. Он высказывался против деморализующего влияния публичных заседаний, за ограничение адвокатского произвола и установление «крепкой ответственности» присяжных перед судом.

В 1864 г. вышла его статья «О жалобах на действия должностных лиц административного ведомства», где автор выступил против превышения пределов судебной власти в ущерб власти административной. В 1884 г. К. П. Победоносцев оппонировал [7, с. 1] П. Д. Анциферову, высказывавшемуся на заседании уголовного отделения Санкт-Петербургского юридического общества с докладом «О необходимости реформы современного порядка преследования за служебные преступления по уставу уголовного судопроизводства». Константин Петрович изложил свой взгляд на пределы и отношения властей. «Отделение административной власти от судебной, положенное в основу судебного преобразования, было признано необходимым не только в том

смысле, чтобы административные чины не вмешивались в дела судебные, но и для того, чтобы судебные чины, со своей стороны, не позволяли себе вмешательства в дела административные... Обоюдный контроль одного ведомства над другим не может иметь места и лишен всякого смысла и значения. Увеличение же пределов власти одного из органов правительства путем ограничения и умаления другого из них идет вразрез с общим государственным строем и неизбежно повлечет за собой совершенное дискредитирование того из этих органов, который будет поставлен под надзор другого» [8, с. 128].

В 1865 г. К. П. Победоносцев анонимно опубликовал статьи, посвященные судебной реформе, в газете «Московские ведомости», где также выступил против основания реформы на отвлеченных началах, за тщательную проработку деталей с учетом местных условий. Константин Петрович призвал не ограничиваться вопросом «что делать», но предложил сконцентрироваться на вопросе «как делать». Для него скептическое отношение к какой-либо правительственной мере или реформе не было достаточным основанием для отказа от деятельности по ее разработке, для отказа от борьбы за свои ценности, от исполнения своего долга. В декабре 1864 г. он писал А. Ф. Тютчевой: «Я по своему нраву никак не могу довольствоваться вопросом: что¹ у нас будет? Для меня всего важнее знать и представить себе как² это будет?» [9, л. 12 об.]. В отношении предлагаемых обществом реформ и новых законопроектов он пытался перенести акцент с теоретических вопросов на разработку способов и возможностей их практического осуществления. Правовед говорил о трудности соединения органов судебной власти со старыми учреждениями. Задача усложнялась еще и тем, что действие последних совершается на новых началах и по новым правилам.

В статье 1859 г. «О реформах в гражданском судопроизводстве» К. П. Победоносцев писал, что жизнь человека получает смысл не от материальной силы и благосостояния, а от идеи, которая ее одушевляет. Главной идеей власти он считал служение. Право для государства – идеал. Движение невозможно без свободы, а свобода без порядка. Право и суд для него – средство, а не цель. Правовед видел выход не в идеальном законодательстве, а в правильной организации его исполнения. То есть, важна не форма, не установление (конституция), а люди, воспитанные в определенной традиции. И, если Победоносцев произносил слова «свобода», «закон», «гласность», то важно понимать, какое значение он им придавал в контексте своего мировоззрения, воспитания и целеопределения. Свобода имеет границы, право влечет за собой ответственность. Право ограничивает свободу настолько, насколько и обеспечивает, поэтому необходимо чувство меры, постепенность, опыт,

---

¹ Подчеркнуто автором – О. С.

² Подчеркнуто автором – О. С.

проверка временем, приспособление к местным условиям, изучение отечественной и зарубежной судебной практики, преемственность и школа.

Цель судебной реформы К. П. Победоносцев видел не в перемещении прав, а в возрождении существующих, но недостаточно обеспеченных. Средства ее, по мнению автора, состояли в улучшении способов судопроизводства. Победоносцев говорил о законе как о возможности, тогда как либералы принимали закон за осуществление права, не замечая его декларативности. Под гласностью он понимал юридическую информированность населения о прецедентах судебных решений. В судебной деятельности, считал правовед, необходимо опираться на мнение профессионалов, а не на «общественное мнение». Константин Петрович говорил о трудности соединения органов судебной власти со старыми учреждениями. Задача, по его мнению, усложнялась еще тем, что действие последних совершается на новых началах и по новым правилам.

Реформы периода царствования Александра II привели не только к изменению внешних условий жизни, но и повлияли на сознание общества. В 1865 г. после проведения цензурной реформы общество подверглось серьезным испытаниям гласностью. Пьянство освобожденных слоев населения, закрытие церквей в результате церковной реформы, гласность судебных заседаний, ставших своего рода развлечением, суд присяжных, оправдывающий преступников, разочарование в результатах реформ, обсуждение данных проблем в прессе – все это нередко способствовало изменению представления о нравственных основах жизни, что не могло не волновать Победоносцева.

В мае 1874 г. К. П. Победоносцев писал Наследнику Александру Александровичу по поводу закрытия церквей, сокращения приходов по всей России и происходящем из-за этого народном ропоте: «Я свидетельствовал о нем в Госсовете, при обер-прокуроре Синода, но мой голос остался гласом вопиющего в пустыне» [10, с. 23].

В апреле 1880 г. К. П. Победоносцев был назначен обер-прокурором Святейшего Синода. После убийства Александра II в марте 1881 года, он оказал нравственную поддержку молодому государю Александру III, понесшему невосполнимую утрату и получившему в наследство страну с расшатанным управлением и «общество», чаявшее власти. Константин Петрович стал автором Высочайшего манифеста от 29 апреля 1881 г., которым провозглашалась неизменность православной самодержавной монархии, вопреки ожиданиям определенной части «общества», желавшей водворения «конституции» М. Т. Лорис-Меликова, либо иных ограничений монархии. С тех пор К. П. Победоносцева стали отождествлять с «реакцией» и приписывать ему почти безграничное влияние на царя в вопросах внутренней и внешней политики, а также попытку противостояния всему новому. Этот период принято

противопоставлять времени его участия в «либеральных» реформах Александра II [11, с. 167–173].

К. П. Победоносцеву принадлежит заслуга распространения церковно-приходских школ, проводивших не только светскую грамотность в народную среду, но и православное просвещение, нераздельное с церковной жизнью. Церковно-приходские школы возникли в начале XIX века, к концу царствования Александра II их насчитывалось около 300. Александром III в 1884 г. были утверждены «Правила о церковно-приходских школах». К 1884 г. их число от начальных школ в России составляло 10 %, всего более 4 000. В последующие годы царствования Александра III и Николая II их количество значительно увеличилось, так в 1903 г. существовала 44 421 школа с 1 909 700 учениками, в 1905 г. – 42 886 школ с 1 990 300 учениками [13]. Церковно-приходское образование способствовало не только ликвидации безграмотности среди народа, но помогало ему узнать собственную веру и противостоять сектантскому влиянию, разобщавшему народ, способствовало единению царя с народом, устраняло разобщение между догматическим изучением веры и практикой церковной жизни, которое было воспитано западно-схоластическими системами образования.

За период с 1905 по 1907 г. по религиозным вопросам было принято двадцать четыре закона и указа. Тринадцать из них – в 1905 г. Указ от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» и утвержденное под тем же названием Положение Комитета Министров (25 января, 1, 8 февраля и 15 марта) разрабатывались при активном участии С. Ю. Витте и митрополита Антония (Вадковского). В задачу реформаторов входил пересмотр законов, касающихся церковных вопросов, приведение их в соответствие с современными условиями жизни и требованием времени. 9 апреля 1905 г. К. П. Победоносцеву Государем был прислан проект указа о веротерпимости [14, с. 163–194].

19 марта 1905 г. Константин Петрович писал Николаю II о церковной реформе и созыве Всероссийского Собора: «Возбуждение этого вопроса крайне неблагоприятно в такую пору, когда по всему государству происходит смута, власти поколеблены и существующие учреждения колеблются» [14, с. 163–194]. Его возмущало, что церковное дело вносится «столь странным образом» на обсуждение гражданского правительства. Победоносцев, хотя не был согласен с самой сущностью предлагаемой меры, не отказался от конструктивного сотрудничества, сделав замечания по Указу. Он высказался против пункта об исключении из Православия лиц, формально принадлежащих к нему, смешивающего всех старообрядцев и сектантов, «без всякого соображения с существом раскола, с различием сект и всей историей раскола и церковных на него воздействий». Константин Петрович отверг пункт об установлении для религиозных обществ права на владение движимым и недвижимым имуществом. Победоносцева смущало привлечение членов причта в состав

учреждений, занимающихся исключительно мирскими делами. Неприятие мыслителя также вызывали инициативы изменения церковной службы, путем исключения ее частей и перевода на русский язык. Он не был принципиальным противником церковной реформы [15, с. 9], лишь выступал за серьезную и тщательную ее проработку, внимательный подбор людей и выжидание более удобного момента. В этом ему удалось убедить Государя.

В 1881 г. М. Н. Катков, критикуя механизм противопоставления охранительных тенденций «нормальному развитию общества», утверждал, что отсутствие реакции есть первый признак мертвого тела [12, с. 33]. Константин Петрович противостоял разрушительным компонентам нововведения, активно способствуя конструктивным изменениям. В общественном сознании со времен эпохи Просвещения закрепился штамп, всячески поддерживаемый в гуманитарных науках, что любая реформа есть улучшение. В связи с этим статус реформатора приобретал эмоционально окрашенный положительный смысловой оттенок. Однако такая оценка далеко не всегда соответствует действительности. Напротив, те, кто подвергал критическому анализу нововведения, вне зависимости от аргументации, получали ярлык «реакционера». К. П. Победоносцев критиковал те законодательные инициативы, которые несли в себе зерно дехристианизации и сепарационных тенденций, поддерживая преобразования, способствующие христианизации сознания и консолидирующие общество.

Многие законодательные инициативы вели не только к разделению, но и к разобщению властей, групп населения, областей государства. Разделенные, потерявшие логическую и органическую связь друг с другом, они в дальнейшем подвергались и подвергаются «оптимизации», сокращению и объединению под властью тоталитарного контроля.

Наследие К. П. Победоносцева не утратило своей остроты и по сей день, а, напротив, актуализировалось в эпоху постмодернизма, релятивизма, трансгуманизма, глобализации и поставленных на высокий профессиональный уровень технологий манипуляции массовым сознанием.

Источники и литература

1. Победоносцев К.П. Семейные участки // Сочинения. СПб.: Наука, 1996.
2. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. В 3 т. Т.3. СПб.: Синодальная типография, 1896.
3. Победоносцев К.П. Церковь // Великая ложь нашего времени. М.: Русская книга, 1993.
4. Победоносцев К.П. Ле-Пле. Издание К. П. Победоносцева. М.: Журнал «Русское обозрение», 1893.
5. «Мать мою, родимую Россию, уродуют». Письма К. П. Победоносцева С. Д. Шереметеву // Источник. 1996. № 6.

6. Победоносцев К.П. <Передовые статьи, посвященные судебной реформе> // Сочинения. СПб.: Наука, 1996.
7. [Победоносцев К.П.] <Передовая статья о необходимости участия административной власти в вопросах возбуждения административного преследования и предания суду в отношении подведомственных ей должностных лиц> // Санкт-Петербургские ведомости. СПб., 1884. 2 (14) февр.; № 33; 3 (15) февр. № 34.
8. Победоносцев К.П. <Передовая статья о необходимости участия административной власти в вопросах возбуждения административного преследования и предания суду в отношении подведомственных ей должностных лиц> // Сочинения. СПб.: Наука, 1996.
9. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 230. М 5273. Д. 2.
10. Победоносцев К.П. Письма К. П. Победоносцева Александру III. В 2 т. Т.1. М.: Новая Москва, 1925.
11. Суржик О.С. К. П. Победоносцев и памфлет на графа В. П. Панина // Новый исторический вестник. 2008. № 2 (18).
12. Катков М.Н. О самодержавии и конституции. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1905.
13. Смолич И.К. История русской церкви 1700–1917. В 2 ч. Ч. 1. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996.
14. Победоносцев К.П. Письма К. П. Победоносцева к Николаю II // Религии мира. История и современность. Ежегодник. М., 1983.
15. Победоносцев К.П. Предложения Святейшему Правительствующему Синоду по вопросу о переменах в церковном управлении. СПб.: Синодальная типография, 1905.

П. В. Чаплыгин,
кандидат исторических наук

РЕФОРМЫ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX вв. В ЗЕРКАЛЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация: В статье рассматривается взгляд западных историков на развития капитализма на рубеже XIX–XX вв. в Российской империи. Изучаются и анализируются позиции, в первую очередь, американских, английских и немецких историков о состоянии российской экономики, в общем, и предпринимательстве в частности. В работе рассматриваются выводы иностранных исследователей, которые зачастую не соответствуют выводам отечественных историков. Указанный период представляет особый интерес для исследователей, в связи с его неоднозначностью. Экономический рост был сопряжен с социальной напряженностью, приведшей впоследствии к Октябрьской революции. Обогащение отдельных групп населения, сочеталось одновременно с увеличением благотворительных пожертвований и расцветом меценатского движения.

Ключевые слова: реформы, модернизация, предпринимательство, буржуазия, историография, западная историография, купцы, С. В. Витте.

Актуальность темы исследования обусловлена возрастающим интересом к проблеме становление и развития предпринимательства на рубеже конца XIX – начале XX вв. В российской историографии этому

вопросу посвящено немалое количество работ, которые раскрывают не только общие тенденции развития капитализма в России, но и развитие предпринимательства в конкретных регионах страны. Зарубежные исследователи, так же проявляют интерес к указанной проблематике. Наибольшее количество работ о капитализме в Российской Империи мы можем наблюдать в США, Англии, чуть в меньшей степени в Германии. Взгляд западных ученых далеко не всегда совпадает с мнением их отечественных коллег по изучаемой проблеме, в связи с этим западная историография представляет особый интерес, так как – это «необычный» для нас взгляд по данному вопросу.

В течение десятилетий после Второй мировой войны, европейские и американские историки изучали экономическую историю Российской империи в попытке определить место и роль советской экономической системы. Причем, некоторые из них утверждали, что «социалистическое» планирование народного хозяйства в СССР и его государств-сателлитов представляло собой «рациональную» альтернативу капитализму. Поначалу историки исследовали административные средства, которыми царское правительство стремилось преодолеть экономическую отсталость в XIX в. и на рубеже XIX–XX вв. За последние десятилетия, они критически рассмотрели несколько институтов это – прежде всего крепостное право, которое, по их мнению, поддерживалось царским правительством по военным и фискальным причинам, несмотря на его отрицательные последствия для экономического развития в долгосрочной перспективе и нерациональные и ошибочные стимулы, которыми самодержцы, старались ускорить процесс индустриализации административными методами. Для того, чтобы понять социальный и политический контекст экономического поведения российской буржуазии, западные историки также обратили свое внимание на вопросы, которые были в значительной мере упущены (российской историографией) до 1917 г., такие как источники предпринимательства в российском обществе и уровень влияния политических и деловых организаций (известные как «торговые ассоциации» в Соединенных Штатах Америки) на экономическую политику самодержавного правительства. Недавние исследования в области определения специфики российских регионов и особенности развития отраслей промышленности показали гораздо более сложную картину в вышеуказанном контексте, нежели была раньше.

В известной статье «Экономическое отставание в исторической перспективе» (1952), историк экономики Александр Гершенкрон утверждал, что промышленное развитие происходило в конкретный исторический период в Европе и России с 1750 г. и далее. В результате отличительных институциональных катализаторов: небольшие коммерческие банки в Англии; утопизм Сен-Симона, который стимулировал грандиозные проекты инвестиционного банка *Crédit Mobilier* во Франции; крупные банки и картели в Германии; и непосредственно

само государство в царской России [1, р. 15, 16]. Это означает, что относительно небольшой процент населения, занятого в технически развитом сельском хозяйстве, промышленности, торговли и финансов, сочетался с относительно невысоким уровнем объемов выпускаемой продукции. Стандартами сравнения в случае с Россией в статье являются экономические институты относительно развитых стран Европы той или иной эпохи, будь то Швеция и Польша в восемнадцатом веке, Англия и Франция в XIX в., и в конечном итоге Германия и Соединенные Штаты за несколько десятилетий до Первой мировой войны.

После изучения дискуссии среди советских политических деятелей и ученых, с 1918 г. по 1970-е гг. об отношениях между капиталистами и царскими высокопоставленными лицами, в том числе и споров по поводу того произошло ли «сращивание» или подчинялась ли буржуазия царскому правительству. Немецкий ученый, Хайко Хауманн, пришел к выводу о том, что советское понятие «государственного монополистического капитализма» было очевидно недостаточным и требующим дальнейшего анализа [2, р. 68]. Англичанин Гатрелл однозначно утверждал, что «корпоративная элита не подчинила царское правительство крупному бизнесу». Скорее «своеобразное сочетание царской идеологической антипатии и административных преград по отношению к частному предприятию» превалировали в России накануне первой мировой войны [3, р. 190, 191].

Историк экономики Аркадиус Каган пришел к выводу о том, что хотя передовые технологии нашли применение на крупных предприятиях России, государство предоставляло большую часть инвестиционного капитала в форме грантов на землю и рабочую силу и, приобретая огромное количество военной техники, пользовалось (монопсонией) на рынке промышленных товаров. Самодержавное правительство оставалось выше закона. Грубые и жестокие методы, с помощью которых царское правительство, управляло экономикой, пресекло появление ряда особенностей капитализма, ранее перечисленных немецким социологом Вебером: легкость входа и выхода предпринимателей на рынок, корпоративные правовые нормы, свободный рынок труда, а также публичная продажа акции. [4, р. 241]

Ни один из эпизодов модернизационного рывка имперской истории России, в том числе тот, который произошел в 1890–1914, нельзя квалифицировать как подлинный «взлет», утверждает известный американский ученый Уолт У. Ростоу. [5, р. 38] В 1960 г. Гатрелл убедительно доказывал, что хотя объем промышленного производства постепенно возрастал на протяжении последней трети XIX в. и? что имели место быть «неустойчивые всплески» индустриализации при Петре I, Николае II и Сталине, но все это не изменило основную картину экономической истории России. В первую очередь это – провал политики страны в «поддержке роста производства на душу населения» и

преодоление «повальной бедности». [6, р. 149] То, что Ростоу называл «взлетом», потеряло свой импульс в депрессии 1900–1903 гг. и в сбоях, вызванных войной с Японией и революцией 1905 года. Изменения после Первой мировой войны, революции, гражданской войны, и экономической изоляции молодого Советского государства, оказались настолько разрушительными, что объем промышленного производства в Советском Союзе не достигал уровня 1913 г. до 1928 г., когда производство на душу населения оставалось «по крайней мере, на 10 процентов ниже, чем в 1913 году» [7, р.165].

Понимание иностранных историков экономической политики царского правительства и ее последствий для капиталистических институтов претерпело значительные изменения в течение последних нескольких десятилетий. Фон Лауэ и Гершенкрон утверждали, что Россия осталась бы экономически отсталой без усилий государства по реализации программы индустриализации административными методами. В противоположность этому, Каган и другие подчеркивали, насколько пагубными для самодержавия были последствия презрения рынка и верховенства закона.

Большинство ученых соглашались с тем, что хотя самодержавная власть и чиновничье-бюрократический аппарат предусмотрительно поощряли некоторые элементы капиталистического предпринимательства ради военной мощи, они считали свободный рынок слишком слабым, для использования его в качестве производительной силы империи. Начиная с Отечественной войны 1812 года, они узаконивали свое предпочтение государственной экономики с пониманием того, что на основе революционных событий в Европе, неограниченное промышленное развитие приведет к городской перенаселенности, социальным волнениям и требованиям конституционного правительства. Бюрократы, генералы и дворяне боялись угрозы их социальным и политическим преференциям в возвышении буржуазии по европейской модели. Как защитники самодержавия, они отказались рассматривать реформы, которые могли бы способствовать капиталистическому предпринимательству путем поощрения долгосрочных экономических расчетов рисков и прибыли, так же как и в создании государства, основанного на верховенстве закона (правовое государство и, от немецкого Rechtsstaat) и устойчивого права собственности. Дебаты внутри царской бюрократии были сосредоточены на том, как лучше установить баланс между настоятельной необходимостью экономического развития и самодержавным контролем.

Серьезному влиянию и анализу подверглась деятельность министра финансов Российской империи С. Ю. Витте. О нем писали Гершенкрон, Сидней Харквей, фон Лауэ, Питер Гатрел, Пол Грегори и др.

«Система Витте», как ее называл фон Лауэ, состояла из нескольких смелых инициатив. К их числу относятся высокие протекционистские пошлины на импортируемые металлы и технику, достигнутые через

тарифные войны (1892/93 г.) и договор о торговле (1894 г.) с Германской империей. Быстрое завершение строительства, за государственный счет, самой длинной железной дороги в мире, Транссибирской магистрали (1891–1900), которая соединила города европейской части России с Владивостоком, главным незамерзающим портом и военно-морской базой России на Тихом океане. Введение золотого стандарта (1897 г.), который гарантировал иностранным финансистам и производителям сохранение стоимости их огромных инвестиций в российскую горнодобывающую промышленность, металлургию, промышленность, финансы, торговлю и транспорт [8, р. 123]. В своих мемуарах Витте, признавал и другие достижения. Например, такие как: привлечение не менее 3 млрд рублей (примерно \$ 1,5 млрд) иностранных капиталовложений, удвоение длины железнодорожных путей, создание системы компенсации работникам, а также отмены подушной подати и введения индивидуального налогообложения. Это отменило коллективную ответственность крестьян за налоговые платежи и способствовало усилению их предприимчивости. Кроме того изменение паспортной системы способствовала усилению мобильности крестьян в их поиске работы за пределами деревни [9, т.4, с. 318].

В целом позитивные оценки стратегии Витте, предлагаемые Гершенкроном и фон Лауэ в 1960-е гг., повторил и Сидней Харквей, попадавший под систематическую критику в исторической литературе в последние десятилетия. [10, р. 48, 49] Разные интерпретации во многом обязаны источникам, на которых они были основаны. Признав положительные результаты государственной деятельности, Гершенкрон и фон Лауэ полагались в основном на личные заявления Витте, труды его сторонников и критиков, официальную статистику промышленного производства, иностранных инвестиций, и тому подобное.

В противоположность этому, другие ученые, в том числе Пол Грегори и Питер Гатрелл, приводили статистические данные активной предпринимательской и рыночной деятельности на микроэкономическом уровне, даже в деревнях, которые не зависят от вмешательства государства. В 1982 и 1994 гг., Грегори опубликовал весьма подробную таблицу статистики национального дохода с 1885 г. по 1913 г. На основании этих данных он пришел к выводу, что Гершенкрон переоценил покупку государством промышленных товаров и преувеличил положительный эффект протекционистских тарифов в отечественной промышленности [7, р. 85–87]. Такая оценка экономического развития России показывала политику царского правительства в гораздо менее позитивном свете, чем раньше. В той степени, что государственная поддержка промышленности пользуется меньшим успехом, чем утверждал Витте и его сторонники, принятия решений основанных на рыночных механизмах, приобретает еще большую актуальность в экономике России даже, чем считалось ранее. Ведь порой даже самые точные статистические

данные давали оплошность, однако, выявили сложности экономического развития.

Сьюзен Макфрай в своем анализе деятельности Ассоциации Южно-Российского объединения производителей угля и стали, показывает, что, несмотря на публичное поощрение Витте тяжелой промышленности, производители часто встречали невежество, вмешательство, и отсутствие взаимопонимания со стороны царских чиновников [11, р. 226, 227]. Например, когда ассоциация приняла меры, для замедления падения цен на железо и сталь во время промышленной депрессии путем содействия созданию объединения Продамет в 1902 г. и угольного объединения, Продуголь, два года спустя, он нарушил законы против сговора на рынке [12, р. 75–81]. Царское правительство предоставило корпоративные уставы этим и другим объединениям, но отказалось отменять законы, направленные на фиксацию цен [13, р. 132, 137].

Таким образом, даже при Витте, корпоративное предпринимательство в Российской империи по-прежнему сдерживалось бюрократическими путями и юридическими противоречиями. Например, с 1872 г., некоторые уставы, выданные новым корпорациям, основанным в девяти западных губерниях, содержали пункт, который ограничивал 200 десятинами количество земли, которым предприятие может владеть, если менеджеры, персонал, или акционеры предприятия были евреями; с 1884 г. это ограничение стало обязательным. Таким способом правительство пыталось обуздать экономическую деятельность евреев, которые создавали корпорации в попытке войти в бизнес там, где им это было запрещено.

Витте назначил комиссию для разработки проекта закона, позволяющего включать новые компании по регистрации, но он спокойно отказался от предлагаемой реформы, как и Рейтерн ранее. Концессионная система регистрации была отменена в Великобритании в 1844 г., во Франции в 1867 г., в Северо-Германском союзе в 1870 г., в Италии в 1882 г., в Швейцарии в 1883 г., в Японии в 1892 г. и даже в Китае в 1904 г., но оставалась в силе в России до 1917 г. Кроме того, реформа патентного права Витте 1896 г., не являлась большой уступкой принципу индивидуального права собственности. Финский ученый Аннели Ауер, заявляла, что «самодержавие в это время не было готово отказаться от многовекового принципа тесного бюрократического контроля над малейшими деталями деловой активности» [14, р. 205].

В заключение, нельзя не отметить, что взгляды, западных историков по вопросу, рассмотренному в статье, часто противоречат взглядам, которые присущи отечественным историкам. Исследователи за рубежом ставят под сомнение был ли сформирован подлинный капитализм в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. Также можно увидеть определенным скепсис, относительно роста качественных и количественных показателей экономике того времени.

Многое еще предстоит узнать о процессе промышленного развития в Российской империи. Новые методы статистического анализа доступны для оценки эффективности царской фискальной, монетарной и тарифной политики; для измерения эффекта экономических циклов в Европе и Северной Америке на Россию; и определения структурных недостатков, которые приводили к периодическим кризисам и развалу экономики во время первой мировой войне. Библиографические и институциональные исследования необходимы для освещения мотивов капиталистического предпринимательства среди различных этнических и религиозных групп российского общества. В истории России, осуждение капитализма, которое возникало в различных социальных слоях, от интеллигенции и бюрократов до рабочих и крестьян, остается благодатным полем для будущих исследований. Последствия таких исследований выходят за пределы России.

Источники и литература

1. Gerschenkron A. (1966). *Economic Backwardness in Historical Perspective*. Harvard University Press, Cambridge, MA., 234 p.
2. Haumann H. (1980). *KapitalismusimzaristischenStaat 1906–1917: Organisations formen, Machtverhältnisse und Leistungsbilanzim Industrialisierungsprozeß*. Hain, Königstein /Ts. 168 p.
3. Gatrell P. (1994). *Government, Industry and Rearmament in Russia. 1900–1914: The Last Argument of Tsarism*. Cambridge University Press, New York.
4. Kahan A. (1985). *The Plow, the Hammer, and the Knout: An Economic History of Eighteenth-Century Russia*. University of Chicago Press, Chicago. 313 p.
5. Rostow W.W. (1960). *The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto*. Cambridge University Press, New York. 338 p.
6. Gatrell P. (1999). «Poor Russia: Environment and Government in the Long-Run Economic History of Russia» in G. Hosking and R. Service, eds., *Russia*. Arnold, London. 489 p.
7. Gregory P.R. (1994). *Before Command: An Economic History of Russia from Emancipation to the First Five-Year Plan*. Princeton University Press, Princeton. 265 p.
8. Von Laue T.H. (1963). *Sergei Witte and the Industrialization of Russia*. Columbia University Press, New York. 320 p.
9. Витте С.Ю. *Собрание сочинений и документальных материалов: В 5 т.* / РАН; Институт экономики. Москва: Наука, 2002.
10. Harcave S. (2004). *Count Sergei Witte and the Twilight of Imperial Russia: A Biography*. M. E. Sharpe, Armonk, NY. 371 p.
11. Mc Caffray S.P. (1996). *The Politics of Industrialization in Tsarist Russia: The Association of Southern Coal and Steel Producers, 1874–1914*. Northern Illinois University Press, DeKalb, IL. 529 p.
12. Lyashchenko P.I. (1949). *History of the National Economy of Russia to the 1917Revolution*, trans. L. M. Herman. Macmillan, New York. 681 p.
13. Owen T.C. (1991). *The Corporation under Russian Law, 1800–1917: A Study in Tsarist Economic Policy*. Cambridge University Press, New York. 337 p.
14. Aer A. (1995). *Patents in Imperial Russia*. Suomalainen Tiedeakatemia, Helsinki. 405 p.

А. И. Чубаров,
кандидат исторических наук,
Курский областной краеведческий музей

ВОЕННАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.¹

Аннотация. В данной статье автор рассматривает появление в Российской империи во второй четверти XIX в. института военной благотворительности, направленного на призрение семей мобилизованных нижних чинов. Параллельно рассматриваются способы привлечения пожертвований для обеспечения нуждающихся военно-увечных, раненых и больных воинов. Данные меры поддержки носили временный характер, поскольку после окончания боевых действий практически полностью иссякал приток денежных средств, необходимых для призрения солдат и членов их семейств, а сами благотворительные общества, как правило, прекращали свое существование.

Ключевые слова: Российская империя, социальная политика, благотворительность, призрение солдатских семейств, военно-увечные.

XIX столетие оказало существенное влияние на развитие системы призрения нуждающихся. С одной стороны, это связано с социальной политикой государства, особенно в пореформенный период, с другой – со становлением общественной и частной благотворительности

Становление системы частной благотворительности началось в Российской империи в период правления Александра I. В 1802 г. им был подписан указ о создании «Благодетельного общества» (с августа 1814 г. – Императорское человеколюбивое общество), провозгласившее своей целью оказание помощи нуждающимся людям на добровольной основе [1, с. 94]. К началу XX в. сложившаяся в стране система призрения, носившая полуправительственный, полуобщественный характер отличалась разнообразием уровней и форм: помощь нуждающимся оказывали городские и сельские благотворительные общества, специальные городские и земские благотворительные комитеты.

Однако это не касалось обеспечения нуждающихся родственников нижних чинов. Во многом это было связано с рекрутской системой комплектования армии. Отказ от нее и принятие Устава «О всеобщей воинской повинности» заложило основы оказания помощи солдатским семействам. Позднее, в 1877 г., были утверждены «Временные правила о призрении семейств чинов запаса и ратников государственного ополчения,

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00494 (а).

призванных в военное время на службу», которые предусматривали привлечение дополнительных источников финансирования для оказания помощи семействам мобилизованных нижних чинов.

Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. по инициативе организаций, ведавших призрением солдатских семейств, проводили различные благотворительные акции. Курское благотворительное общество устроило сбор по подписным листам, посвященный взятию правительственными войсками Плевны. Стараниями Белгородской думы при городской управе Белгорода в 1878 г. была начата добровольная подписка в пользу военных инвалидов [2, л. 1]. Но, как правило, «подписные сборы» были редкостью, чаще устраивались благотворительные спектакли. По инициативе М. А. Гофмана осенью 1877 г. в Курске были поставлены два спектакля, чистая прибыль от которых составила 844 руб. [3, л. 7]. Вырученные таким образом денежные средства использовались для назначения временных пособий военно-увечным и семьям мобилизованных солдат до назначения им постоянных пенсий или пособий.

Помимо этого, пожертвования предназначались на нужды военных госпиталей. Зачастую сообщения о жертвователе и размере дара публиковались в местной прессе. Так, Курские губернские ведомости сообщали о С. А. Терещенко, дворянине Рыльского уезда, направившего в Курское отделение Российского общества Красного Креста 2 тыс. руб. и 1 тыс. аршин сукна. Или о пожертвовании крестьян 10 деревень Курасовской волости Обоянского уезда, собравших на нужды раненных 226,5 руб. [4, л. 6; 5, л. 4].

По аналогии с Турецкой кампанией 1877–1878 гг., во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. на территории Курской губернии устраивались благотворительные концерты и проводились сборы по подписным листам. Один из первых благотворительных спектаклей, проведенных в Курске по инициативе отставного штабс-капитана А. П. Акимова, принес 7 руб. дохода. Вырученные средства предназначались для нужд солдатских вдов и сирот воинов [6, л. 154, 366]. В г. Грайвороне благотворительный спектакль в пользу семей земляков, мобилизованных на военную службу, принес почти 139 руб. В Белгороде любительские представления выручили 430 руб., которые были направлены на нужды вдов и сирот [6, л. 939; 7, л. 138]. Из 96-и благотворительных спектаклей и концертов, проведенных в Курской губернии в 1904 г., более половины (62, или 64,5 %) были направлены на обеспечение нужд действующей армии и солдатских семейств [8, с. 56].

Широкое распространение получила практика отчисления определенного, заранее оговоренного процента от заработной платы государственных служащих. Например, служащие Казенной палаты Курской губернии приняли решение отчислять с февраля 1904 г. по январь 1905 г. 3 % от зарплаты. Полученные таким образом средства

формировали специальный капитал, который тратили на нужды солдатских семей. Отметим, что данное решение носило рекомендательный характер, поскольку часть служащих из Львовского уезда пожелала направлять на благотворительные цели только 2 % своего заработка [9, л. 1, 14, 41]. С июля 1904 г. одна треть от регулярных ежемесячных отчислений стала направляться Российскому обществу Красного Креста (РОКК). Средства предназначались для питания и медицинского обеспечения раненых и больных воинов [10, л. 1–3, 231 об. – 232].

По сравнению с Русско-турецкой войной 1877–1878 гг. во время войны с Японией в 1904 г. на благотворительные цели поступали весьма крупные пожертвования [11, с. 186], которые, в основном, предназначались на нужды раненых. Отдельные пожертвования поступали от местных органов власти. Например, городская дума г. Рыльска в феврале 1904 г. выделила на эти цели 100 руб. [12, л. 15].

По инициативе Российского общества Красного Креста на территории Курской губернии предлагалось установить в волостных правлениях 143 кружки для сбора пожертвований [13, л. 87 об., 99]. К сожалению, удалось обнаружить данные о вскрытии только четырех кружек. В них находилось чуть более 122,5 руб. [13, л. 115, 123, 126, 131]. Параллельно кружечные сборы на нужды раненых и больных воинов проводились местными управлениями железных дорог, разнообразными благотворительными обществами и епархиальными властями. За счет этого удалось в течение 1904 г. собрать на нужды Российского общества Красного Креста почти 924,5 тыс. руб. [14, с. 35]. Помимо этого, на госпитальные нужды было передано значительное количество холста, портянок, рубашек и нательного белья [14, с. 35]. В соседней Воронежской губернии, приток пожертвований был в разы ниже. Всего за 1904 г. на военные и госпитальные нужды, а также на помощь солдатским семьям было собрано чуть менее 84 тыс. руб. [15, с. 125]. К концу 1904 – началу 1905 г. жертвователю активностью населения Курской губернии пошла на спад. Местное отделение РОКК в связи с этим обращалось к местным жителям с просьбой об оказании посильной лепты губернскому обществу Красного Креста [16, л. 12].

В июне 1912 г. на смену «Временным правилам...» был принят новый закон, который также предусматривал привлечение пожертвований на дело призрения солдатских семей. Его реализация пришлась на Первую мировую войну.

С началом боевых действия на территории Курской губернии, как и в предшествующие периоды, стали возникать самые разнообразные благотворительные организации [17, с. 10]. Они, в основном, действовали в определенном населенном пункте, редко распространяя свою деятельность на близлежащую округу. Собранные такими организациями,

пожертвования и оказанием адресной помощи семьям военнослужащих [18, с. 27].

Просьбы о пожертвованиях расклеивались по городам и распространялись через прессу. В газете «Курские губернские ведомости» в июле 1914 г. было напечатано объявление: «Жители Курска и губернии приглашаются жертвовать как деньгами, так и материалами, необходимыми для изготовления белья и халатов... Помочь своим отцам, детям и братьям, израненным и заболевшим в боях с врагом – наша святая обязанность и долг. Пусть каждый, не стесняясь малым приношением и небольшим свободным временем, охотно идет в дом дворянства» [19, л. 8]. С августа 1914 г. по май 1915 г. сумма пожертвований составила более 57,6 тыс. руб. [20, л. 164–165]. Позднее наблюдается падение благотворительной активности. С августа по ноябрь 1915 г. в Курской губернии на благотворительные цели было пожертвовано чуть более 13,2 тыс. руб. [21, л. 1 об.]. Собранные деньги направлялись и на госпитальные нужды (закупка постельных принадлежностей и белья для солдат), и на нужды солдатских семей – в первую очередь – на призрение гражданских жен и внебрачных детей, поскольку они не попадали под действие закона от 25 июня 1912 г. [22, л. 27 об.].

Помимо кружечных сборов и благотворительных спектаклей во время Первой мировой войны устраивались благотворительные киносеансы. По инициативе владельцев кинематографов столицы по всей стране была проведена акция, призванная «оказать посильную помощь раненым и больным воинам, а также их семьям». День и картина для сеанса выбирались владельцем самостоятельно. Все кинотеатры Курска и несколько синемаграфов в губернии поддержал столичный призыв. По имеющимся данным в результате киносеансов в Курске было выручено 674 руб., а по губернии – 218 руб. [23, л. 8–10].

В Дмитриеве по инициативе председателя местного «Педагогического комитета о раненных и их семьях» членом московского окружного суда В. С. Малченко были прочитаны лекции «Лермонтов и споры о нем» [19, л. 388–389].

По опыту войны с Японией 1904–1905 гг. служащие Казенной палаты Курской губернии отчисляли от 1 % до 4 % своей зарплаты в пользу раненых и больных воинов [24, л. 1, 6, 96]. На эти же цели 1 % своей заработной платы направляли полицейские г. Суджи и г. Льгова [19, л. 102–223], 2 % – на нужды Серафимовского лазарета – педагогический состав Курской епархии, Курского, Белгородского, Обоянского, Старооскольского духовных училищ [25, с. 56]. Рабочие Марьинского свеклосахарного и рафинадного завода в с. Пены Льговского уезда с августа 1914 г. отчисляли 2 % своей заработной платы. Собранные средства предназначались на призрение солдаток и закупку вещей и подарков для нужд регулярной армии [19, л. 397].

На рождественские праздники 1915 г. для усиления капитала местных общественных и благотворительных организаций проводили рождественские елки. Вырученные средства использовались и для обеспечения нуждающихся семейств мобилизованных нижних чинов, и для приобретения подарков в полки, дислоцировавшиеся до войны на территории Курской губернии или сформированные в ходе ведения боевых действий [19, л. 463–463 об.].

Региональная пресса не только сообщала местным жителям о проведении благотворительных акций, но и зачастую разъясняла, на что будут потрачены или уже были потрачены вырученные средства [26, с. 201]. Газета «Курская быль» в октябре 1914 г. приглашала пожертвовать раненым и больным воинам лакомства, табак и папиросы. Они предназначались для солдат, лечившихся в госпитале в дер. Сапогово» [27, л. 1].

Первые месяцы войны наблюдался значительный приток пожертвований на самые разнообразные цели, в том числе и на призрение семей, мобилизованных на фронт солдат. Возникновение многочисленных благотворительных комитетов и обществ, провозгласивших своей целью оказание помощи воинам, их семьям, беженцам и т. д. привело к оттоку пожертвований от возникших ранее благотворительных организаций, таких как Александровский комитет о раненых.

Заметим, уже к концу 1914 г. наблюдается уменьшение притока пожертвований. Например, В. П. Мятлев, предводитель дворянства уездного Старого Оскола, сообщал о полном использовании «жертвовательной способности уезда» [28, л. 82а]. Данный процесс связан с увеличением цен практически на все товары и услуги, что в свою очередь привело к падению и доходов населения, и их платежеспособности. В последствии до окончания Первой мировой войны продолжали проводиться самые разнообразные благотворительные акции, однако чистая прибыль от них, шедшая на обеспечение солдаток, сирот воинов, военно-увечных, раненых и больных нижних чинов была небольшой, особенно в провинции.

Таким образом, социальное призрение за счет благотворительных средств солдат и членов их семейств в Российской империи носило ситуационный характер. С началом боевых действий создавались самые разнообразные общественные организации, провозглашавшие своей целью оказание помощи солдаткам, сиротам воинов, военным инвалидам, раненым и больным нижним чинам. Их деятельность крайне редко распространялась за пределы определенного населенного пункта. Однако они, по сравнению с общеимперскими благотворительными организациями, лучше знали ситуацию на местах, направляя собранные денежные средства на удовлетворение потребностей нуждающихся до назначения им пенсий и пособий от казны.

Источники и литература

1. Саитова З.Р. Благотворительность и меценатская деятельность в России X–XX вв. // Вестник РУДН. 2016. № 1. С. 90–101.
2. Курские губернские ведомости. 1877. 2 сент. № 68.
3. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2349.
4. Курские губернские ведомости. 1877. 21 июня. № 47.
5. Курские губернские ведомости. 1877. 23 авг. № 65.
6. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7390.
7. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7391.
8. Косихина И.Г. Работа общественно-культурных организаций Курской губернии на нужды войны во второй половине XIX – начале XX веков // Армия в истории России: материалы межвузовской научной конференции (г. Курск, 23 мая 1997 г.). Курск: РОСИ, 1997. С. 55–57.
9. ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 10118.
10. ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 10117.
11. Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. Тамбов: Юлис, 2004. 508 с.
12. ГАКО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 468.
13. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7428.
14. Чупырина Н.Н. Русско-японская война и курская деревня // Методика и опыт изучения сельских поколений Центрального Черноземья. М.: ВАСХНИЛ, 1990. С. 34–35.
15. Фурсов В.Н., Ледовских Е.А. Благотворительная деятельность населения Центрально-черноземных губерний в период Русско-японской войны // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология, 2014. № 15 (186). С. 123–128.
16. Курские Епархиальные ведомости. 1905. 11–20 окт. № 38.
17. Имшенецкий Б.И. Война и женщина. Пг.: Тип. И.В. Леонтьева, 1914. 17 с.
18. Немова В.В. Организация благотворительной помощи на Дону в годы Первой мировой войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2009. 31 с.
19. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10708.
20. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 655. Оп. 1. Д. 72.
21. ГАРФ. Ф. 655. Оп. 1. Д. 77.
22. Центральный исторический архив Москвы (далее – ЦИАМ). Ф. 113. Оп. 1. Д. 76.
23. ЦИАМ. Ф. 113. Оп. 1. Д. 8430.
24. ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 12650.
25. Емельянов С.Н. Социальная деятельность православных организаций Курской епархии в годы Первой мировой (Великой) войны // Пятые Дамиановские чтения (материалы Всерос. науч.-практич. конф., г. Курск, 26–28 марта 2008 г.). Курск: КГСХА, 2008. Ч. 2. С. 54–60.
26. Белова И.Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. М.: АИРО-XXI, 2011. 288 с.
27. Курская быль. 1914. 27 окт. № 256.
28. ГАКО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 86.

Н. И. Чаплыгина,
кандидат исторических наук,
Курский государственный университет

РЕФОРМЫ И РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье на разнообразном материале анализируется опыт проведения реформ и революций в России. При этом основное внимание уделяется социокультурному аспекту. Формулируются выводы о двойственном влиянии модернизаций по европейскому образцу на развитии русского общества в конце XIX – начале XX вв. Показываются факторы, которые способствовали радикализации общественного сознания накануне революционных потрясений.

Ключевые слова: реформа, революция, социокультурный раскол общества, радикализации общественного сознания, европеизация.

Возникший в последнее время интерес к отечественному опыту проведения реформ и революций является не случайным. Он является одним из аспектов поиска выхода современного российского общества из глубокого кризиса. На современный этап развития серьезное воздействие оказывают различные процессы, происходящие в мировом сообществе: от глобализации, развития рыночных отношений до децентрализации. Вызовы глобализации – жесткие вызовы для любого участника мирового порядка, в том числе и для России, которая вступила в XXI век далеко не фаворитом. Можно ли избежать этих мировых тенденций и нужно ли это делать? Основными опасениями по этому поводу являются частичная утрата национального суверенитета в пользу наднационального центра и утрата культурного «лица нации». Вместе с тем, уклонение от процесса глобализации и европеизации, по мнению большинства ученых, представляется бесперспективным. Процесс глобализации объективно обусловлен, продолжающей набирать темпы научно-технической революцией, а также тенденцией интернационализации хозяйственной жизни, следствием которой является свободное движение рабочей силы, перемещение товаров и услуг

Актуальность исследования проблемы определяется так же значимостью данного события не только для прошлого, но и для настоящего времени. Революционные события 1917 г. в России впервые перевели теоретические споры о социализме в плоскость практических задач. Отсюда не проходящий интерес историков, философов, политологов и специалистов других специальностей к их изучению. В первую очередь, конечно к выявлению причин их породивших. Автор уверен, что эти причины имеют глубокие корни не только в политике, экономике, но и в культуре. Они зародились задолго до 1917 года. Революции прежде

свершаются в головах людей, общественном сознании и лишь затем на улицах. Решающая роль в радикализации сознания принадлежит не только социально-экономическим факторам, но и культурным. Так, практически весь XIX век стал веком модернизации. Наиболее наглядно он проявлялся в западноевропейских государствах. Здесь активно шла индустриализация – использование машин в производстве. Промышленный переворот привел к росту городов, началась урбанизация. Одновременно ускорялся научно-технический прогресс. Началась демократизация политических структур, секуляризация (обмирщение сознания), рост образования и изменение социального статуса женщины. В XIX веке были сделаны научные и технические открытия, которые привели к изменению образа жизни людей: к концу века были изобретены пароход, локомотив, телеграф, телефон, газовое и электрическое освещение, фотография и кинематограф.

Россия не стояла в стороне от этих тенденций. В результате реформ второй половины XIX в. наше государство также активно европеизировалось. Однако большая часть населения оставалась верной патриархальной культуре и негативно относилась к новациям. Эту ситуацию не изменила даже петровская модернизация XVIII в. Внедряемые западные идеи, нравы и т. п. другими монархами в основном воспринимались верхушкой общества, что еще больше отдаляло элиту от основной части народа.

Причем модернизация у нас не была вызвана внутренними потребностями. Она как правило вызывалась угрозами извне. В первую очередь опасностью утраты национальной независимости. Она возникает во время Северной, Крымской и других войн. Стремление остаться независимой, а по возможности и великой державой, чтобы быть конкурентоспособной с передовыми странами приводило к усилению раскола внутри российского общества. Очевидно, другой альтернативы у выше перечисленных самодержцев просто не было. Ведь возникала реальная угроза существованию всего государства.

Крупные военные столкновения начала XVIII – середины XIX вв. показали не только техническую, военную отсталость, но и заметный экономический разрыв в уровне развития с ведущими европейскими державами. Геополитические интересы и обострение конкуренции в Европе требовали быстрого технического перевооружения. Нашей стране нужен был быстрый скачок, и правительство стимулирует ускоренный рост промышленности. Это в свою очередь, требовало перехода к более эффективному свободному наемному труду и достаточного количества работников более высокой культуры. Петр I смог совершить модернизацию в основном на феодальной основе. Крепостных просто приписывали для работы на мануфактурах. В то время как на Западе на них работали уже в основном свободные люди. Они стали локомотивами развития капиталистических отношений. У Александра II такой возможности уже не было. Поэтому после долгих колебаний его

правительство вынуждено было приступить к буржуазным реформам и поощрению развития капиталистических отношений. Следовательно, царская империя только во второй половине XIX в. с многовековым опозданием по сравнению с западноевропейскими странами, начала переход от патриархальной системы хозяйствования к начальным формам капитализма.

Однако менялась не вся Россия, а только незначительная ее часть. Вековые традиции и устои, сохранявшиеся еще со времен московского царства и вся патриархальная культура, восставала против ценностей наступавшей европейской цивилизации: это не давало стране двигаться вперед быстрыми темпами. Наибольшее сопротивление буржуазные реформы встречали в аграрном секторе. Здесь сплелись в тугую узел многие застарелые и самые сложные проблемы. Прежде всего – крепостное право и общинное землепользование.

В Западной Европе освобождение крестьян проходило естественным путем и заняло достаточно длительное время. В России же, как было указано выше, реформы, диктовались не столько внутриэкономическими причинами, зрелостью и готовностью всего общества, сколько внешнеполитическими задачами, этическими и психологическими установками господствующего европейского меньшинства. Поэтому реформы приходилось проводить в сжатые сроки административными, насильственными методами. Главная проблема заключалась в том, что большинство помещиков, и крестьян не были готовы к новым формам хозяйствования. Лишь немногие, самые богатые и предприимчивые помещики были готовы к применению прогрессивных методов ведения сельского хозяйства. Без них трудно было обеспечить прибыльность хозяйства после отмены крепостного права.

Крестьяне всегда мечтали о свободе и хотели лучшей жизни. Но они не хотели жертвовать материально ради этой свободы и многие из них не были готовы к эффективной самостоятельной хозяйственной деятельности. Большинство крестьян не обладали необходимыми для ведения прибыльного хозяйства знаниями, культурой, материальными средствами, техникой и технологией. Многие из них все еще обрабатывали землю примитивными орудиями – сохами, не имели даже плугов. При таком низком уровне сельскохозяйственного производства главной бедой крестьян стало малоземелье. В этих условиях крестьянская реформа 1861 г. привела к трагическим последствиям и разорению многих крестьян.

Тем не менее, после отмены крепостного права буржуазные отношения получили значительное развитие. Быстро развивались горнодобывающая промышленность, металлургия и машиностроение, создавалась разветвленная сеть железных дорог. «Промышленное производство с 1860-х гг. и вплоть до Первой мировой войны увеличилось в среднем на 5 % в год. За пятнадцатилетний период накануне Первой мировой войны среднегодовой прирост валового национального продукта

в России был выше, чем в странах Западной Европы» [1, с. 322]. По протяженности железных дорог Россия уступала только США. В 1909–1913 гг. темпы роста производства в ряде отраслей промышленности были выше, чем в странах Европы и США. В значительной степени новый промышленный подъем обуславливался огромными промышленными заказами на военные нужды. Вся государственная мощь была направлена на обеспечение небывалого промышленного развития. За 60-е – 90-е гг. XIX в. объем промышленного производства увеличился в 8 раз. Получили развитие фондовые и товарные биржи, число которых быстро росло. В итоге в России появилась влиятельная часть населения, охваченная буржуазными отношениями, то есть появилась новая буржуазная часть России.

Уже при Екатерине II начали понимать всю опасность экспансии европейской культуры. Проблема была в том, что образование и культура приобретались не большинством народа, а лишь его незначительной частью и в очень короткий исторический срок. Заимствуя чужую культуру и даже чужой язык, меньшинство – дворяне и интеллигенция – так сильно оторвалось от подавляющего большинства народа, что фактически, вместе с выходцами из других стран, образовало как бы другой, овладевший европейской культурой народ, который славянофил А. Хомяков, сравнивал с европейской колонией, брошенной в страну дикарей. В итоге, в стране появилась еще одна культура – европейская, но не в чистом виде, а с национальными особенностями. Ее можно назвать русско-европейской. Однако одновременно с «европейской» Россией продолжала существовать и старая. Она жила в архаичном состоянии Московии. В. О. Ключевский характеризует данное состояние так: «Западное влияние разрушило эту нравственную цельность древнерусского общества. Оно не проникало в народ глубоко, но в верхних его классах, по самому положению своему наиболее открытых для внешних влияний, оно постепенно приобретало господство. Как трескается стекло, неравномерно нагреваемое в разных своих частях, так и русское общество, неодинаково проникаясь западным влиянием во всех слоях, раскололось... Тогда стали у нас друг против друга два мирозерцания, два враждебных порядка понятий и чувств» [2, с. 107].

Западноевропейцы избежали таких радикальных разрывов в своей культуре между образованным меньшинством и собственно населением. Кстати, П. Я. Чаадаев также предупреждал об опасности последствий заимствований европейской культуры. Он в частности писал: «У нас нет развития собственного, самобытного, совершенствования логического: старые идеи уничтожаются новыми, потому что последние не истекают из первых, попадают к нам бог знает откуда; наши умы не бороздятся неизгладимыми следами последовательного движения идей, которые составляют их силу, поэтому мы заимствуем идеи уже развитые. Мы растем, но не зреем, идем вперед, но по какому-то косвенному

направлению, не ведущему к цели. Мы подобны детям, которых не учат рассуждать: возмужав, они не имеют ничего собственного... Это естественный результат культуры всецело основанной на заимствовании и подражании» [3, с. 58].

Проблема состоит в том, в России заимствовали не отдельные передовые идеи в науке и техники. Это объективный процесс. А культуру в целом. В итоге это приводило к тому, что люди стали как бы чужими (иностранцами) в своей стране. Возможно, между этим европеизированным меньшинством и большинством этноса возникли острые противоречия непонимания, которые впоследствии привели к целой пропасти. Однако слишком велик был соблазн создать сильное государство как можно скорее, даже путем заимствования чужой культуры. За несколько десятилетий страна завершает промышленный переворот, начатый еще Николаем I.

Наиболее зримо новые явления стали проявляться в стране к концу XIX века. Под влиянием собственной модернизации менялась и сама художественная культура. Она теперь определялась не только церковным диктатом и модой придворных кругов. Изменение социальной структуры общества, особенно после крестьянской реформы 1861 г., повлекло за собой изменение восприятия искусства в обществе. Ведь возникают новые социальные слои состоятельных и образованных людей, способных самостоятельно оценивать произведения искусства, ориентируясь только на требования вкуса.

Процесс модернизации в такой многоукладной и многонациональной стране, как Россия, протекал трудно, противоречиво и усложнял имеющиеся социальные противоречия. Они на рубеже веков были настолько обнажены, что сами просились на холст или на страницы романа. Именно поэтому здесь, как ни в одной другой европейской художественной школе, прямое выдвижение на первый план социальных проблем стало отличительной чертой реализма. Одновременно сложность, запутанность взаимоотношений людей друг с другом и с обществом в целом требовали глубокого психологического анализа. Это мы видим в произведениях И. Бунина, А. Горького, Ф. Достоевского, Л. Толстого, И. Тургенева, А. Чехова и многих других. Культурные условия исследуемого периода расширили возможности индивидуального начала в художественном творчестве. Статус художника приобрел крупное общественное звучание. Если в эпоху Просвещения философы становились писателями, то на рубеже веков писатели сравнивались с философами по глубине анализа общества и четкой выраженности нравственной позиции. Величайшие писатели и художники этого времени являлись духовными лидерами своего времени и нравственным барометром общества.

Для объективного анализа следует отметить то, что одновременно с легальной литературой существовала и нелегальная. С легкой руки

писателя и террориста С. Степняка-Кравчинского в русский язык вошло понятие «подпольная Россия». Так назывались его очерки «Подпольная Россия» (1882). Нелегальная литература породила огромное количество художественных текстов, которые играли важную роль в появлении и развитии радикального сознания. Целое поколение молодых людей штудировали одну и ту же «обязательную беллетристику», кодировавшую их сознание, формулировавшую их эстетические вкусы и потребности, их ценностный мир. В общественное сознание настойчиво внедрялся образ героя, который отдает себя в жертву во имя благородной идеи. Это делает его жертву несравнимо ценнее, чем жизнь, скажем, убитого им министра или губернатора. Поэтика героя подпольной России была воспринята как поэтика общественного героя. Например, Мария Спиридонова, которая в 22 года смертельно ранила советника губернского правления Г. Луженовского. В тюрьме над ней издевались надзиратели [4, с. 395]. Всей стране стали известны слова ее адвоката на процессе: «Перед вами не только униженная, больная Спиридонова. Перед вами – больная и поруганная Россия». Максимилиан Волошин посвящает ей свое стихотворение «Чайке».

...На чистом теле след нагайки
И кровь на мраморном челе...
И крылья вольной белой чайки
Едва влачатся по земле...
Душа погибла в непогоду...
Погибла в мрачной темноте –
За меньших братьев, за свободу
Распятой жертвой на кресте.

Сегодня трудно себе представить, но под давлением общественного мнения смертный приговор ей был заменен бессрочной каторгой в Сибири.

Отчасти легальная и вся нелегальная литература постепенно сформировала не только терпимое, но даже восторженное восприятие террористического акта в общественном сознании страны. П. Струве уже в начале XX в. заметил это изменение и особо обращал внимание на ненормальную радость, охватывавшую российского обывателя при известии об очередном террористическом акте. «Нигде абсолютно никакого негодования против самого факта убийства, отмечал он, и даже мало удивления...» [5, с. 91].

Кстати, портрет героини подпольной России М. Спиридоновой часто при обысках находили в простых крестьянских избах. Он был вместе с иконами и освещался лампадкой. Образ террориста принимал сакральный характер. А далекий от политики обыватель попадал в поле притяжения радикального общественного сознания, которое постепенно, внешне незаметно готовило к будущим выступлениям против существующего строя. Насколько оно было мощным можно проиллюстрировать, например, на кличках лошадей-победителей. (См. таблицу № 1).

Таблица № 1. Извлечения из «Списка лошадей, бежавших и выигравших на всех ипподромах России с 1 января 1901г. по 1-е апреля 1909г.» [6, с. 6].

Имя лошади	Год присвоения имени	Местонахождение ипподрома
Баррикада	1905	Москва
Бомба	1900	Тула
Бомба	1905	Москва
Бомба	1905	Москва
Жертва	1905	Томск
Забастовщик	1905	Москва
Заговорщик	1905	Москва
Идея	1905	СПб
Партия	1906	Москва
Провокатор	1906	Москва
Радикал	1905	Троицк
Террор	1905	Москва

Из таблицы видно что, такие термины, как баррикада, бомба, забастовщик, которые произносились шепотом, только близким людям еще в 60-е – 70-е гг. XIX в., через 40–50 лет становятся не только общеупотребительными, но и модными. Традиционное русское общество быстро осваивает лексикон подпольной России. В итоге постепенно стирались грани дозволенного. Именно литература взрастила семена радикального сознания, которые дали свои плоды в 1917 г. Вся поэтика тогдашней культуры работала на создание идеала общественного героя. Для него не существует жалости ни к людям, ни к самому себе. Примером, могут служить строчки из стихотворения Андрея Белого «Опять он здесь, в рядах борцов»:

... Не дрогнет он. Безумный взгляд
 Его лицо не перекосит,
 Когда свой яростный снаряд
 Жандарму под ноги он бросит.
 Швырнуть снаряд не тяжкий труд
 (Без размышленья, без боязни).
 Тюрьма. Потом недолгий суд,
 Приготовленье к смертной казни.
 Команду встретит ровный взвод,
 Зальются трелью барабаны.
 И он взойдет на эшафот
 Взойдет в лучах зари багряной.

В самой легальной литературе происходят серьезные изменения. В ней одновременно с реализмом возникают и развиваются художественные

направления, во многом противоположные ему и потому длительное время называвшиеся декадансом (упадком).

Это акмеизм, кубизм, символизм, футуризм, и т. п. Эти направления акцентировали внимание на субъективности восприятия картины мира художником, отражали стремление к духовной свободе, трагическое предчувствие надвигающихся социальных катастроф. Их видные представители открыто сомневались в том, что духовные ценности могут быть сдерживающим началом агрессивной сущности человека. Например, в условиях общественного кризиса возникает и такое течение, как футуризм. Он зародился в Италии около 1909 г., как эстетическое и литературно-художественное движение, воплотившее крайне левые идеи революционно-анархистско настроенной части итальянского общества. Его идеологи, стремясь создать «искусство будущего», декларировали отрицание традиционной культуры и ее художественных, моральных ценностей. Сходность социально-экономической ситуации в Италии и России, очевидно, способствовала быстрому восприятию идей нового течения и у нас. Оно отрицало традиционную культуру, пропагандировало эстетику механизированного труда. Это нашло свое отражение в их поиске новых поэтических форм. Они часто подменяли естественный язык заумно-произвольными звукосочетаниями. Например:

О, рассмейтесь, смехачи!
О, засмейтесь, смехачи!
Что смеянствуют смеяльно,
Что смеются смехами,
О, засмейтесь усмеяльно.

Попытка отместить свое прошлое, свою культуру тоже способствовала радикализации общественного сознания. Попытка сознательной России научиться жить и думать по новому после первой русской революции, переосмыслить свое отношение к обществу и государству (рождение идеологии «малых дел», концепции общественности, мирного обновления и т. д.) не нашли широкой поддержки. И исподволь готовило население страны к структурным изменениям, которые наступили в революционные дни 1917 г.

Как известно Февральская революция начиналась стихийно. Ее причиной был острый структурный кризис, который обострился неудачами в Первой мировой войне. Ее успеху способствовало недовольство самодержавием национальной элиты, особенно либерально-буржуазных элементов. В ней по мере нарастания накала борьбы постоянно усиливается роль рабочих, солдат, мещан, то есть «патриархальной России» со своим мировоззрением, чаяниями и своим видением будущего страны. Одновременно падает влияние элиты, то есть «европеизированного меньшинства», которое имело иные политические и др. ценности. Причем к октябрю его влияние становится ничтожным.

Практически сразу начинается физическое уничтожение европеизированной элиты. Причем первыми жертвами становятся офицеры. В своих мемуарах Н. Суханов обращает внимание на особое душевное состояние солдат конца февраля 1917 г. Он пишет: «Многочисленные инциденты, имевшие место в этот день (27 февраля 1917 г. – *Н. Ч.*), указывают, что многие офицеры, командовавшие частями Петроградского гарнизона, не были расположены к репрессивным мерам против демонстрантов, а солдаты, бывшие под их командой, испытывали какую-то тревогу. До известной степени эта тревога была оправдана, не столько по причине общей ожесточенности солдат против офицеров, сколько вследствие заметной тенденции демонстрантов хватать и убивать офицеров на улицах, избегая при этом вооруженных столкновений с солдатами. Раненых и убитых среди офицеров и унтер-офицеров было много, хотя большая часть офицеров находилась или дома по болезни, или обсуждала политическую ситуацию в офицерских собраниях» [7, с. 61]. Близкие характеристики февральским дням мы можем найти и во многих других воспоминаниях об этих событиях.

Свидетельство очевидцев говорят нам о том, что для демонстрантов солдаты были свои, а офицеры чужие. Чужие настолько, что их надо убить. Хотя они не угрожали им, а многие сочувствовали революционным лозунгам и уже не верили прежнему режиму. Вряд ли эти факты можно объяснить только классовой ненавистью. Причина лежит глубже. Офицеров убивали потому, что они представляли иную чуждую большинству культуру. После Октября начнут расправляться с интеллигенцией. Наверное, прав Н. Головин, который считает: «Офицерство отличалось от рядовых не происхождением, не состоянием, но уровнем культуры с точки зрения солдата-крестьянина каждый образованный – тот, кто когда-то учился в средней школе, пусть даже ее не закончив, – “был интеллигентом”, то есть “барином”, “хозяином”» [8, с. 101]. Подводя как бы итог, он продолжает: «Не самой малой из российских бед было то, что с точки зрения ее населения в целом получение образования выше основ грамоты немедленно делало из человека чужака, а, следовательно, потенциального врага...» [8, с. 67].

Очевидно в революционных событиях 1917 г. противоречие залегало не в экономической сфере, а в области социокультурной. Тот, кто был носителем европейской культуры, был изначально чужаком, врагом, которого необходимо было уничтожить. Здесь стоит обратить внимание на то, что большевиков с их классовой враждой еще нет. Все происходит стихийно, однако офицеров уже убивают. Разве это не гражданская война?

Временное правительство было сформировано как раз из этого «европеизированного меньшинства». Первоначально его поддерживали буржуазия, либеральное дворянство, офицерство, демократически настроенная интеллигенция. Однако параллельно появилась новая власть в лице Советов. У нее была реальная сила, в отличие от формальной власти

Временного правительства. В результате уже в первой половине 1917 г. «европеизированное меньшинство» начинает терять свое влияние на революционные события. А. Керенский распускает как «контрреволюционную» Госдуму. А ведь она до февральской революции была главной легальной оппозиционной силой самодержавию. Недальновидность «европеизированного меньшинства» четко прослеживается из заявления первого председателя Временного правительства Г. Львова: «Мы все бесконечно счастливы, что нам удалось дожить до этого великого момента, что мы можем творить новую жизнь для народа – не для народа, а вместе с народом... Будущее принадлежит народу, выявившему в эти великие дни свой гений. Какое великое счастье жить в эти великие дни!...» [10, с. 43]. «Счастье» фактически оказалось очень коротким, так «как вместе с народом» у европеизированной элиты не было будущего. Судьба многих из них оказалась трагической.

В период между Февралем и Октябрем в правящем слое началась борьба различных враждующих групп и партий. Все они, как правило, обращались к народу. К сожалению, народные массы, находясь в архаическом состоянии Московской Руси, не могли быть ни союзниками, ни даже попутчиками либерально-буржуазного лагеря.

Временное правительство оказалось неспособным практически решать доставшиеся от царизма проблемы. Либералы и социалисты, преобладавшие во всех трех правительствах, принадлежали к старой европеизированной элите, которая наивно верила в свой народ, в его творческие способности и разум. Идеалисты, которые витали в облаках, совершенно не понимали действительность, обвиняя во всем только самодержавие, и хотели превратить свою страну в передовую европейскую державу. Они считали, что после свержения царизма необходимо предоставить свободу населению. Их не тревожила опасность двоевластия, так как Советы они считали органами народа. Самые злободневные вопросы о форме правления, о войне, о земле и так далее. Временное правительство оставляло на рассмотрение Учредительного собрания. А его созыв оно постоянно затягивало, понимая, что либералы сейчас не пользуются поддержкой у населения. Поэтому его банкротство было банкротством русского либерализма, доказательством отсутствия у отечественных либералов «почвы» и поддержки простого народа.

А вот большевики для крестьян, рабочих, солдат, матросов были роднее, понятливее их политических противников. Они видели правду и справедливость на стороне большевиков, в речах, лозунгах, политике. Иначе большевики никогда не смогли бы удержать власть столь длительный срок. Преимущество большевиков и главная их сила были в том, что они были с народом, а народ был с ними. Довольно точно дал характеристику предшествующего состояния социокультурного раскола общества и движущим силам революционных событий 1917 г. философ С. Франк: «Замечательной, в сущности общеизвестной, но во всем своем

значении неочевидной особенностью общественно-государственного строя было то, что в народном сознании и что в народной вере была непосредственно укреплена только сама верховная власть царя; все же остальное: сословные отношения, местное самоуправление, суд, администрация, крупная промышленность, банки, вся утонченная культура образованных классов, литература и искусство, университеты, консерватории, академии – все это, в том или ином отношении, держалось лишь косвенно, силою царской власти, и не имело непосредственных корней в народном сознании... Произведения этой культуры висели над почвой, непосредственно с ней не соприкасаясь и не имея в ней собственных корней... Неудивительно, что с крушением монархии рухнуло сразу все остальное – вся русская общественность и культура, ибо мужицкой России она была не понятна, чужда и по состоянию – не нужна» [11, с. 212, 213].

Н. Мальденштам, которая всегда чутко улавливала общественные настроения, писала: «Это не литература, а робкая попытка описать сдвиг сознания, испытанный, вероятно, множеством людей, преступивших роковую черту. Этот сдвиг выразился, прежде всего, в полном безразличии ко всему, что оставалось позади, так как появилась абсолютная уверенность, что все мы вступили на колею бесповоротной гибели. Одному, может быть, отпущен еще час, другому – недели или даже год, но конец один. Конец всему – близким, друзьям, Европе, матери... Я говорю именно о Европе, потому что в «новом», куда я попала не существовало всего того европейского комплекса мыслей, чувств и представлений, которыми я до сих пор жила. Другие понятия, другие меры, другие счета... Сейчас исчезла тревога и пропал страх. Их заменило острейшее сознание обреченности ... есть только сроки до осуществления этого бесповоротного, которое подстерегает всех нас с нашей Европой, с нашей горсточкой последних мыслей и чувств» [12, с. 45].

В политическом хаосе, который сложился в стране в февральские дни, очевидно с новой силой дала о себе знать гигантская пропасть между европейским меньшинством и патриархальным большинством. Вызванный войной острейший структурный кризис обострил вековой конфликт этих двух форм культуры. Это опасное соединение привело к трагическим революционным событиям 1917 года, которые завершаются братоубийственной гражданской войной.

Источники и литература

1. Сахаров А.Н. Россия: Народ. Правители. Цивилизация. М.: Астрель, 2004. 351 с.
2. Ключевский В.С. Курс русской истории. Лекция I.VIII. М.: Знание, 2010. 381 с.
3. Чаадаев П.Я. Философические письма // Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 1. Москва: Наука, 1991. 412 с.
4. Чаплыгина Н.И. Интеллигенция и становление женского движения в России (на примере политических лидеров Е. К. Брешко-Брешковской и М. А. Спиридоновой) //

- Интеллигенция в потоке времени: размышления и судьбы: Межвуз. сб. науч. тр. Курск: Изд-во Курского гос. ун-та, 2004. С. 29–41.
5. Струве П.Б. Смерть В. К. Фон-Плеве, впечатления и отклики // Ковалевский М. Русская революция в судебных процессах и мемуарах. М.: Мир, 1925. Кн.4. С. 70–97.
  6. Могильнер М. На путях к открытому обществу: кризис радикального сознания в России (1907–1914 гг.). М.: Магистр, 1997. 116 с.
  7. Суханов Н.Н. Записки о революции. М.: Изд-во Республика, 1991. 245 с.
  8. Головин Н.Н. Российская контрреволюция. Кн.1. М.: Мысль, 1993. 156 с.
  9. Пайпс Р. Русская революция. Кн. 3. Россия под большевиками 1918–1924. М.: Новое время, 1996. 267 с.
  10. Жевахов Н. Воспоминания. Т. 2. Март 1917 – Январь 1920. М.: Политиздат, 1991. 104 с.
  11. Франк С.Л. Из размышлений о русской революции // Новый мир. 1990. № 4. С. 11–25.
  12. Мальденштам Н. Воспоминания // Юность. 1988. № 8. С. 23–54.

С. В. Федулов,

Доктор исторических наук,
Военно-космическая академия имени А. Ф. Можайского
(г. Санкт-Петербург)

Д. А. Косаренко,

Военно-учебный центр
Санкт-Петербургского государственного университета

Н. Н. Мизиркина,

Военно-космическая академия имени А. Ф. Можайского
(г. Санкт-Петербург)

РЕФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Аннотация. Подготовка в войне является насущной потребностью любого государства, которому дорог свой суверенитет. Не являлась исключением и Российская империя. Характер Первой мировой войны показал ее важную особенность – коалиционность. При этом данная война была войной экономик. Поэтому использованию зарубежных поставок отводилось важное значение. Данный фактор обуславливал необходимость создания государственной структуры, занимающейся поставками из-за границы. Статья подготовлена по материалам диссертационного исследования С. В. Федулова [1, с. 216–230], и в ней показано, каким образом создавалось и реформировалась на переломе эпох система военно-технического сотрудничества государства.

Ключевые слова: Военно-техническое сотрудничество, заказы, Главное управление заграничного снабжения, «Главзагран»

Первая мировая война, со всей очевидностью, показала неготовность к ней Российской империи. Поэтому пришлось осуществлять все необходимые закупки в счет займов за границей. Абсурдность ситуации заключалась в том, что закупками продукции военного, военно-морского назначения и материалами для нужд промышленности занимались два внутригосударственных ведомства.

Одно из них – *Комиссия по распределению валюты на заграничные заказы*, возглавляемое Военным министром генералом от инфантерии А. А. Поливановым [2, л. 18–19].

Второе – *Совещание по морским перевозкам* подчиненное адмиралу И. К. Григоровичу [3, л. 77].

Характерным явлением в сложившейся ситуации была бесконтрольность и бессистемность закупок. Помимо необходимого снаряжения и материалов, покупалось все, что хотели заинтересованные в этом ведомства.

После Февральской революции, а именно, в апреле 1917 г., по инициативе Военного и морского министра А. И. Гучкова Временным правительством были созданы *Межведомственный комитет по заграничному снабжению* и ведущей всю техническую работу по получению, распределению и учету всей получаемой импортной продукции – *Главное управление заграничного снабжения* (ГУЗС) [3, л. 5–6].

Происшедшая в октябре 1917 г. революция коренным образом изменила весь уклад жизни и деятельности государства. Были полностью изменены государственные органы власти, не обошли стороной перемены и учреждения военно-технического сотрудничества и в частности ГУЗС, руководству которого приходилось доказывать очевидный факт – необходимость своего предназначения и существования.

16 мая 1918 г. состоялось межведомственное совещание при техническом комитете Военно-хозяйственного совета (ВХС), на заседании которого присутствовали представители:

- Главного управления заграничного снабжения (ГУЗС);
- Народного комиссариата по Морским делам (НК МД);
- Народного комиссариата торговли и промышленности (НКТ и П);
- Народного комиссариата финансов (НКФ);
- Департамента таможенных сборов;
- Законно-финансового управления при ВХС;
- Председатель технического комитета ВХС;
- Управляющий делами ВХС;
- Постоянные члены технического общества.

Слушалось представление ГУЗС о дальнейшей деятельности с приложением штатов. Постановили: оставить ГУЗС при Военном ведомстве [4, л. 7].

Однако накануне 22 апреля 1918 г. был издан Декрет о национализации внешней торговли, которая серьезным образом затрагивала деятельность ГУЗС. Поэтому комиссар ГУЗС назначенный от Народного комиссариата внешней торговли (НКВТ) 5 июня 1918 г. обратился с ходатайством непосредственно к Председателю СНК В. И. Ленину. В нем отмечалось: «При обсуждении Декрета о национализации внешней торговли не были приглашены представители заинтересованных ведомств, в том числе от Народного комиссариата по Военным делам и ГУЗС. В результате отдельные моменты Декрета не соответствуют интересам страны:

1. Совет заграничного снабжения не является руководящим органом.
2. Обойдено вниманием ГУЗС.
3. О финансах (валюте) и перевозках в Декрете не упомянуто.
4. НКТ и П, на который возложена реализация Декрета не располагает ни средствами, ни специалистами. Вместе с тем Нарком заявил, что комиссариату «Главзагран» (ГУЗС) не нужен» [4, л. 1].

Комиссар ГУЗС предлагал внести дополнение в Декрет о национализации внешней торговли, а именно: «Существующие органы по заграничному снабжению, как в Российской республике, так и за границей переходят в ведение Высшего совета внешней торговли, в который включено и ГУЗС» [4, л. 4]. Предложение было принято и изменение в декрет внесено.

Вместе с тем значимость «Главзаграна» (ГУЗС) понимали многие. Так оценивая его деятельность, председатель технической секции Технического комитета ВХС в своем отчете отмечал, что ГУЗС и Межведомственному комитету подчинялись все заграничные структуры по размещению заказов и отправке их в Россию. С упразднением Межведомственного комитета сократилась активная деятельность «Главзаграна». С разрывом дипломатических отношений с западными странами ГУЗС стал выполнять только функции ликвидационного характера. За короткое время своего существования «Главзагран» не успел полностью разобраться с тем хаосом, в котором находились все российские закупки за границей. Пользуясь почти не ограниченными кредитами, ведомства заказывали без всякого плана что нужно и не нужно, одно и то же по несколько раз, не считаясь с возможностью вывоза и суммой предоставленных бывшими союзниками кредитов. Такое положение привело к чрезвычайно запутанным взаимоотношениям с кредиторами, что и вызвало необходимость создания «Главзаграна», как органа объединяющего и руководящего всеми заграничными заказами, включительно и заказами частной промышленности [5, л. 41].

В отчете председателя технической секции обращалось внимание на то, что главной задачей «Главзаграна» во время его активной деятельности было выяснение количества всех размещенных за границей заказов, приведение в порядок расчетов по ним, выяснение количества сданных

товаров и место их нахождения. Для выяснения этой задачи во всех ведомствах и учреждениях были назначены специальные должностные лица или сформированы соответствующие отделы, которые занимались исключительно заграничными заказами, сбором данных по расчетам за эти заказы, то есть являлись вспомогательными структурами «Главзаграна». Соответствующую работу за границей выполняли российские комитеты и представительства [5, л. 41].

С началом революции по мере ослабления связей с заграницей, завершившихся полным разрывом дипломатических отношений, в ведомствах ослабел интерес к заграничному рынку. Органы, занимающиеся заграничными заказами, упразднялись, архивы сваливались как попало. Дела раздавались по разным отделам, а в некоторых учреждениях просто уничтожались. И, в конце концов, «Главзагран» оказался совершенно изолирован и вынужден был оказаться от всех работ, занявшись обработкой имеющихся в его распоряжении материалов и составлением отчетов [5, л. 42].

Председатель технической секции Технического комитета ВХС обращал внимание на то, что в условиях перехода к мирным переговорам с государствами являющихся кредиторами России составление расчетов по взаимным обязательствам и правоотношениям приобретают значение первостепенной важности. Громадный материал в виде архива «Главзаграна» содержащего документы о расходовании свыше 7 млрд руб. золотом должен стать основанием для начала составления окончательных расчетов с государствами, имеющими во время Первой мировой войны торговые отношения с Россией [5, л. 42].

Учитывая состояние отчетности и невозможность получить архивы российских зарубежных представительств, не представляется возможным составить полный и всесторонний окончательный расчет по российским обязательствам и использование их во время переговоров при заключении мирных договоров и избежать окончательного признания тех счетов, которые будут предъявлены советским мирным делегациям.

В отчете также отмечалось: «Нужно принять во внимание, что около 40 % заказов было не выполнено, выданы громадные авансы, масса грузов лежит в различных портах и складах. Неизвестна судьба 40 миллионов пудов товара, находящегося во Владивостоке, не установлено, какие грузы вывезены обратно из Архангельска и Мурманска и так далее. Учитывая удорожание товаров за границей, продажа принадлежащих нам грузов могла бы дать суммы, которые могли бы покрыть большую часть нашего долга» [5, л. 43].

В заключение председатель технической секции Технического комитета ВХС предлагал: «Вышеперечисленное говорит о необходимости создания государственного учреждения, которое будет играть решающую роль в таком важном деле. В настоящее время ни один комиссариат кроме Военного, получивший все дела от Военного министерства не

заинтересован в создании такого органа. Нельзя забывать, что $\frac{3}{4}$ заказов, прошедших через “Главзагран” принадлежали Военному и Морскому ведомствам. Поэтому Народный комиссариат по военным делам должен играть первостепенную роль. Признавая целесообразность восстановления “Главзаграна” при Народном комиссариате по военным делам, нельзя согласиться на предоставлении ему права окончательного решения всех вопросов связанных с ликвидацией заграничных заказов и завершения по ним расчетов. Общее политико-экономическое направление в работе “Главзаграна” должен определять Межведомственный орган, состоящий из представителей заинтересованных учреждений» [5, л. 43].

Созданное в конце Первой мировой войны и успешно функционирующее в сложнейших условиях войны, революции и вызванной перестройкой всего государственного механизма ГУЗС показало свою важность и необходимость. В его компетенцию входило: «Упорядочение и контроль заграничных закупок, производящихся во время войны ведомствами, общественными организациями, различными фирмами, а также морская и сухопутная транспортировка заграничных товаров. Оно ведало выдачей разрешений на размещение за границей заказов, учетом и распределением между ведомствами и учреждениями предоставленной союзными государствами валюты, выдачей разрешений на оплату заграничных заказов за счет отпущенных кредитов, также доставкой произведенных заграничных товаров морем в Россию и далее сухопутным путем до места назначения. Определение технических условий заграничных заказов относилось к компетенции соответствующих ведомств. Помимо этого, на ГУЗС было возложено снабжение Румынии как заграничными, так и российскими материалами» [3, л. 63].

Однако с изданием Декрета о национализации внешней торговли и объединение ГУЗС с НКТ и П, с прекращением торговых связей с заграничными странами и вместе с тем с российскими заграничными органами снабжения, возникла необходимость реорганизовать деятельность ГУЗС в соответствии с новыми условиями [3, л. 63].

1 марта 1919 г. ГУЗС было упразднено, и вместо него учрежден Особый отдел заграничных военных заготовлений (ООЗВЗ), чуть позднее переименованный в Отдел заграничных снабжений (ОЗС) подчиненный Центральному управлению снабжения (ЦУС) («Главснабу») [3, л. 63].

В ОЗС сосредотачивались все распоряжения, связанные с завершением расчетов по заграничным заказам и перевозкам, отчеты по заграничному снабжению армии и флота за период войны. Намечалось также рассмотреть совместно с довольствующими ведомствами все заграничные заказы и выяснить положение каждого из них в отдельности, как с финансовой, так и с материальной стороны [3, л. 64].

Вместе с тем ОЗС выполнял следующие функции [3, л. 57]:

– выяснение взаимных обязательств Советской республики с Америкой, Англией, Японией, Францией, Италией и Румынией, а также

выявление количества имущества, прибывшего и вывезенного из русских портов;

– приведение в порядок денежной отчетности;

– совместно с Народным комиссариатом иностранных дел (НКВД) производил фактическую ликвидацию расчетов с иностранными правительствами государств, из кредита которых оплачивались эти заказы;

– отдел не ликвидировал, а только готовил к ликвидации эти заказы.

Необходимо отметить, что для выяснения расчетов по заграничным заказам военного, морского и гражданских ведомств и возможности их ликвидации 1 марта 1919 г. при НКВД был создан Ликвидационный отдел по делам «Главзагрانا» [4, л. 72]. На отдел возлагалась задача сбора и сосредоточения всех сведений и распоряжений по заграничным заказам, произведенным в годы Первой мировой войны.

В состав Ликвидационного отдела входили отделения [4, л. 72]:

– в отношении размещённых заказов и кредитов в Англии, Америке и Японии;

– в отношении размещенных заказов и кредитов во Франции, Италии, Скандинавских странах, Финляндии, и др.;

– в отношении с Румынией.

Ликвидационный отдел по делам «Главзагрانا» выполнял следующие функции [5, л. 43]:

1) рассмотрение всех заказов и выяснение их положения;

2) сосредоточение всех законченных дел;

3) выяснение задолженности Румынии Военному ведомству России за отпущенные ей материалы;

4) составление финансовых отчетов по заграничным заказам и обязательствам;

5) составление материальных отчетов по заграничным заказам;

6) разработка материалов по заграничному снабжению применительно к потребностям Военного ведомства в заграничных материалах в будущем.

Советское правительство по праву оценило деятельность ГУЗС («Главзагрانا») и важность вновь созданного на его базе ОЗС. 8 апреля 1920 г. заместитель НКВД Л. М. Карахан сообщал Председателю Революционного Военного Совета (РВС) Л. Д. Троцкому: «При ЦУС по Вашему распоряжению сформирован ОЗС. С точки зрения РВС – главное значение имеет сосредоточение в одном органе дел по текущему снабжению из-за границы Красной армии.

Путь постепенного возобновления взаимоотношений с заграничными странами, по которому, без сомнения, в ближайшее время пойдет внешняя политика РСФСР делает необходимым учет, хотя бы приблизительный, тех взаимных обязательств с рядом других государств, совместно с которыми Россия вела империалистическую войну. Очень удачно, что в формируемый ОЗС вошли лица хорошо знакомые с делом

заграничного снабжения по прежней работе в бывшем ГУЗС («Главзагран») Военного министерства. Они смогут быстро разобраться в архивах ГУЗС и составят баланс взаимных обязательств по отношению к державам согласия. В результате чего будет возможно сберечь ни один миллион рублей русского народного достояния со стороны иностранцев. Прошу ускорить формирование отдела» [5, л. 44].

К этому времени на ОЗС были возложены следующие задачи [5, л. 40]:

1) сосредоточение всех сведений и распоряжений связанных с завершением расчетов по заграничным заказам и перевозкам, а также с отчетными работами по заграничному снабжению армии и флота во время Первой мировой войны;

2) сбор и разработка материалов, относящихся к правам и обязательствам России по отношению к бывшим союзникам и нейтральным странам, вытекающих из заказов, прошедших через бывший ГУЗС («Главзагран»);

3) составление финансовых и материальных отчетов по заграничным заказам прошедших через бывший ГУЗС («Главзагран») и осведомление заинтересованных ведомств и учреждений о выполнении соответствующих мер и распоряжений;

4) составление планов и смет по снабжению армии и флота предметами заграничного производства, изыскание способов и путей размещения военных заказов за границей и принятие мер по вывозу их из-за границы и своевременное передвижение в пределах России.

Таким образом, начавшаяся первая мировая война показала все несовершенство системы военно-технического сотрудничества России со странами Запада в военный период. А, именно, во-первых, чрезмерная интеграция и кооперация в ведущих отраслях военного производства, на случай войны, ставила отечественную промышленность в непозволительную зависимость от импортных поставок. Во-вторых, финансовые и торгово-промышленные круги Российской империи в угоду своим частным собственническим интересам вредили национальной безопасности Отечества чрезмерными бесконтрольными и бессистемными закупками продукции военного и военно-морского назначения. В-третьих, организационная структура системы военно-технического сотрудничества окончательно сформировалась только лишь с изменением социально-политических и экономических устоев страны.

Источники и литература

1. Федулов С.В. Исторический опыт военно-технического сотрудничества Российской империи и СССР с зарубежными странами в интересах Военно-Морского Флота (1890-е – 1950-е гг.): Дис. ... д. и. н. Курск, 2018.
2. Российский государственный архив Военно-Морского Флота. Ф. 401. Оп. 6. Д. 1160.

3. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1525. Оп. 1. Д. 2.
4. РГИА. Ф. 1525. Оп. 1. Д. 474.
5. РГИА. Ф. 1525. Оп. 1. Д. 76.

А. А. Овчинникова,
Московский областной архивный центр

«ЖЕНСКИЙ ВОПРОС» В СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ 1918–1923 ГОДОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОСКОВСКОГО РЕГИОНА)

Аннотация. Публикация посвящена преобразованиям в сфере социальной политики первых лет советской власти по решению «женского вопроса». Рассмотрению подлежит идеологический аспект партии большевиков в воспитательном процессе женщины – работницы. В статье приведены примеры суждений профсоюзных работников о повседневной жизни работницы в дореволюционное время, необходимости ее трансформации и изменении социальной роли женщины в обществе.

Ключевые слова: социальная политика, советская власть, «женский вопрос», профессиональные союзы.

Революционные события 1917 г. положили начало трансформационным процессам во всех сферах общественных отношений российского государства. Изменения коснулись не только экономической и политической сторон повседневной жизни человека, но и подтолкнули к пересмотру социальных ролей субъектов общественных отношений – мужчины и женщины.

Многовековые традиции патриархального склада института семьи закрепляли за женщиной исключительно узкие права. С экономической точки зрения женщина полностью зависела от мужчины. В непростых ситуациях, работая наравне с мужчиной, женщины существенно проигрывали в возможности обеспечивать себя самостоятельно, повышать уровень своего образования, реализовывать себя в «иных» социальных ролях, отличных от «хранительницы домашнего очага».

В Российской империи развитие капиталистических отношений открыли дорогу наемному труду, неотъемлемой частью которого становился труд женщины. Отношение советской власти к работнице, как к самой ущемленной в правах части пролетариата, находит документальное отражение в Положении работниц промышленности Московской губернии и работе Московских профсоюзов среди женщин: «Работницы в силу своего исторического прошлого, политического бесправия и экономической задавленности составляют самую отсталую часть пролетариата» [1, л. 272].

Колоритные примеры дореволюционной жизни женщины – работницы приводила Александра Колонтай: «Скажем прямо о женщинах до начала революции, на женщин смотрели как на тень мужчины и как на вьючное животное своей семьи, которая не может иметь никаких прав. Миллионы женщин работало до войны на заводах и фабриках, а с началом войны, когда стали полчищами угонять мужчин, количество женщин – работниц разрасталось и получалась такая картина, что она работает наравне с мужчиной. В России во время революции женщины завоевали избирательное право, но к сожалению, женщины этим очень мало пользуются... Говорят, что у женщины сознательность отстала, но посмотрите, как сложился день у мужчины и женщины, женщина работает 24 часа, потому ее разные мелочи отупляют. Нужно подумать, как облегчить жизнь женщины как хозяйки и как матери. Переложить эту тяжесть с одних плеч на другие, это не облегчение, но коммунисты стараются сохранить силы и того, и другого» [2, л. 393].

Необходимо отметить, что основной целью советской власти в 1918 г. было восстановление «разрушенной войной и хищничеством буржуазии народного хозяйства», поэтому большевистская партия прежде всего рассматривала женщину, как потенциального участника строительства социализма.

Одним из способов, с помощью которого партия большевиков могла сократить социальную отсталость женщины являлся профсоюз: «...наши русские профсоюзы как самые массовые организации рабочего класса ставили и будут ставить себе как очередную задачу духовное и экономическое раскрепощение женщин, вовлекая женщин в политическую и профессиональную работу» [1, л. 272].

Статистические данные, представленные в таблице № 1, наглядно показывают, что к началу 1922 г. большинство женщин являлись членами профсоюзов.

Таблица № 1. Сведения о числе рабочих и служащих, и количестве работающих женщин по городу Москве и Московской губернии на 01.12.1922 г.

Наименование союзов	Число рабочих и служащих	В том числе женщин	Число членов союза	В том числе женщин
Металлистов	64 019	10 419	61 759	10 419
Печатников	19 029	5 733	19 029	5 733
Пищевиков	20 905	5 878	20 905	5 878
Текстильщиков	168 306	93 225	168 306	93 225
Химиков	26 389	9 730	26 389	9 730
Швейников	15 348	10 679	15 348	10 679
Транспортных работников	21 274	1 971	21 274	1 971
Всемередикосантруд	39 838	25 595	39 838	25 595
Совработников	58 742	17 669	52 206	15 867
Губернских работников искусств	6 891	2 633	6 891	2 633

Работников просвещения	32 937	22 137	32 937	22 137
------------------------	--------	--------	--------	--------

Работники профсоюзов Московского региона отмечали: «участие женщин в руководящих союзных органах, ни в коем случае не соответствует численности профессионально – организационного женского пролетариата и женщины занимают в руководстве профессиональным движением скромное место, из 240 выборных работников губернских отделов женщин всего 9,5 %. Особенно резко это бросается в глаза в союзах с преобладающим составом женщин, например: Текстильщиков – 1 женщина в Правлении, Швейников – 2 женщины в Правлении, не говоря уже о Губпросе, где женщин 67 % и ни одной в Правлении» [1, л. 274].

Одной из вех социальной направленности государственной политики протекционизма в области «женского вопроса» было сокращение отставания женской заработной платы от мужской. Работники профсоюзов Московского региона характеризовали причины низкой женской заработной платы так: «Низкая оплата труда женщин непосредственно связана с отсутствием необходимой квалификации, однако редким случаем является невыполнение женщинами – работницами норм выработки». Фабричные комитеты, целью которых было осуществление контроля за сокращением штатов, не допускали массовых сокращений работниц» [1, л. 278].

Важнейшей политической задачей в период 1918–1923 гг. была ликвидация безграмотности. Само слово «ликвидация» характеризует чрезвычайную необходимость и агрессивность проводимых мероприятий.

В московском регионе повсеместное внедрение основ грамотности не имело деления на процесс обучения и пропаганду идеологии большевиков. Только что научившейся читать женщине в качестве настольного учебника предлагали «Мать» и «Мальву» М. А. Горького, «Живые мощи» И. С. Тургенева или «Грозу» А. Н. Островского. Чаще всего сама фабрика или завод через фабкомы, школы фабзавуча и совпартшколы были тем самым социальным институтом, который давал необходимый для работницы уровень образования, квалификации, партийной грамотности. Из протокола собрания женщин: «Пусть каждая работница знает, только поднятием квалификации труда работницы сократят женскую безработицу, а потому наш клич: работница иди в школу фабзавуча, общеобразовательные курсы и в рабочие факультеты» [3, л. 15]

Работники профсоюзов неоднократно отмечали, что при существующих школах ликвидации безграмотности, заставить женщину чему-либо учиться крайне тяжело [4, л. 126]. Таким образом, можно предположить, что образовательный уровень женщин, как и всего населения Московского региона в 1918–1923 гг., не изменился.

С приходом к власти партии большевиков огромное внимание было уделено защите материнства и детства. Создавались дома матери и

ребенка, молочные кухни, детские ясли. Необходимость в обеспечении работающих матерей выражена в Резолюции работниц завода Гужон: «Мы указываем, что наша жизнь тяжелее чем жизнь рабочих нас обременяют семья и хозяйство, облегчение нашей жизни есть дело не только работниц, но и рабочих, практически мы предлагаем общему собранию рабочих поддержать наш призыв о закреплении детского сада за заводом Гужон учитывая тяжесть работающих женщин» [5, л. 45]

Важное значение для охраны материнства и младенчества имела разработка нового законодательства в области социального обеспечения, в частности о предоставлении оплачиваемых отпусков женщинам – работницам по родам. В дореволюционной России не существовало законов об отпусках и пособиях женщинам – матерям [6, с. 92].

В 1922 г. работники профсоюзов отмечали: «В области быта работниц особенных изменений сравнительно с дореволюционным временем не произошло. Ведение домашнего хозяйства до сих пор лежит почти всецело на работнице. Если время отдыха рабочий может использовать для поднятия культурного уровня, то работница принуждена это время отдавать хозяйству. Характерно, что даже при наличии на предприятиях столовых, работницы предпочитают готовить пищу на дому. Наоборот, к яслям женщины относятся весьма положительно и ясли повсюду в хорошем состоянии. Значительные изменения произошли в отношении рабочих-мужчин к работницам: оскорбительных выражений со стороны рабочих по адресу женщин почти не наблюдается, а если они и бывают, то встречают отпор со стороны самих рабочих» [1, л. 329].

Таким образом, итоги советской политики 1918–1923 гг. в отношении «женского вопроса» не поддаются однозначной оценке. Коренных изменений в традиционном укладе быта работницы не произошло, с другой стороны, вовлечение женщин в общественную и профсоюзную работу, экономическая поддержка государства открыли женщинам новый социальный коридор для самореализации и трансформации внутреннего мира женщины.

Источники и литература

1. Московский областной архивный центр (далее – МОАЦ). Ф. 46. Оп. 1. Д. 395.
2. МОАЦ. Ф. 135. Оп. 1. Д. 235.
3. МОАЦ. Ф. 135. Оп. 1. Д. 730.
4. МОАЦ. Ф. 151. Оп. 1. Д. 126.
5. МОАЦ. Ф. 135. Оп. 1. Д. 731
6. Сажина Н.С. Социальная политика в отношении материнства и детства в первые годы советской власти // Вестник Брянского государственного университета. 2013. № 2. С. 91–94.

**К ВОПРОСУ О КРИЗИСЕ КУРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РКП(б)
НАКАНУНЕ ЗАХВАТА ТЕРРИТОРИИ ГУБЕРНИИ
ВОЙСКАМИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ЮГА РОССИИ**

Аннотация. В статье рассматриваются конфликты внутри Курской партийной организации, которые привели к ее кризису в период наступления Вооруженных сил Юга России на Москву летом – осенью 1919 г.

Ключевые слова: Гражданская война, Курская губерния, РКП(б), Вооруженные силы Юга России, губком.

В последнее время в литературе о гражданской войне в России 1917–1922 гг. сместился ориентир изучения: от рассмотрения военно-политических сюжетов ученые обращаются к исследованию жизни локальных сообществ на территории бывшей Российской империи [1, 15, 16, 17, 18]. Историки задаются вопросами: какие факторы повлияли на стратегию выживания населения во время разрухи? Что население думало ситуации в стране? Как люди относились к властям, которые постоянно менялись и брали под контроль их территорию? Взглянуть под другим углом на массовые настроения эпохи Гражданской войны позволяет изучение внутренних общественных процессов, на фоне которых разворачивались события наступления Вооруженных сил Юга России на Москву летом – осенью 1919 г. Как правило, объектами внимания ученых становятся настроения и действия крестьян, горожан, казаков, солдат по отношению к аппарату власти в лице уездкомов и губкомов и членов РКП(б). Меньше исследовательского внимания уделено обстановке внутри региональных партийных организаций в период 1918–1922 гг. Цель данной статьи – показать, что общественные настроения и конфликты внутри партии влияли на существование губернского большевистского руководство и членов партийной организации в период гражданской войны.

В работе рассматривается положение курских большевиков весной – осенью 1919 г. Еще до появления директивы генерала Деникина № 08878 (3 июля 1919 г.), положившей начало наступлению войск ВСЮР на Москву, в Курской губернии общество и власть находились в состоянии конфронтации. В. Н. Бровкин отмечал, что успехи войск генерала Деникина не были следствием военной удачи [2, р. 90]. Действительно, политика продовольственной диктатуры, проводимая совнаркомом в мае 1918 г., нанесла удар по положению большевиков в губерниях. Проддиктатура получила логическое развитие в издании декрета о «Введении продовольственной разверстки на хлеб» (11 января 1919 г.). В

ответ на изъятие хлеба на территории Курской губернии только за январь – март 1919 г. произошло около 100 крестьянских выступлений против советской власти [3, с. 139–140]. В городах губернии нарастало недовольство среди рабочих и городских обывателей, вызванное голодом.

Партийное руководство Курской губернии мыслил совсем другими категориями, нежели общество. В июле 1919 г. глава Курского губкома И. С. Шелехес заявил – следует «объявить беспощадную борьбу курскому кулачеству и эсерам, которые хотят задушить губернию голодом» [4, л. 25–26]. В журналах заседаний губкома можно заметить, что большевики воспринимали себя борцами с классовым неравенством. Образ врага для них принимала буржуазия, кулачество, эсеры и прочие [5, л. 37]. Но взгляды руководства не соответствовали обстановке, которая сложилась внутри партийной организации перед захватом Курска белыми. Партийная организация теряла ориентацию в положении дел на фронте и в тылу, в то время как войска Вооруженных сил Юга России с июля 1919 г. захватывали уезды губернии.

Этому предшествовал конфликт, который возник в марте 1919 г. между двумя крупными партийными ячейками Курской и Белгородской. Поводом к противостоянию стало желание Белгородской партийной организации выделить Белгород и прилежащие к нему четыре уезда (Грайворонский, Корочанский, Обоянский и Волчанский) в особую губернскую единицу [6, л. 111–111 об.]. Белгородская организация РКП(б) вела переговоры «за спиной» губернского комитета партии. В Москву к секретарю ЦК РКП(б) Я. М. Свердлову был послан член белгородского уездного комитета Ф. Я. Славгородский [6, л. 112]. Он прибыл в Москву в десятых числах марта, незадолго до смерти Свердлова (16 марта 1919 г.). Секретарь ЦК партии принял ходатайство белгородских большевиков, наложив на него положительную резолюцию. После смерти Свердлова данный вопрос остался без какого-либо решения. В это время курский губком начал расправляться со строптивым уездом. Шелехес и его окружение постепенно изымали из ведения Белгородского комитета важные инструменты власти. Были объединены Белгородский и Курский революционные трибуналы. Белгородский комитет остался без возможности вести скорый суд и расправу с недовольными. Белгородские большевики не были допущены к работе губернского съезда Советов.

Для решения проблемы из Москвы прибыла комиссия во главе с А. С. Савельевым. Она констатировала факт: губком «предпринял настоящий крестовый поход против зарвавшегося уезда» [5, л. 17]. При этом изменить комиссия ничего не смогла. Ее начальник Савельев скончался 28 марта 1919 г., а отчеты о работе группы так и остались лежать без дела. Тогда все внимание советского руководства сосредоточилось на восстаниях в районе Дона и на Украине. Руководство Белгородского укома также столкнулось с недовольством среди красноармейцев караульного батальона. Бойцы подняли восстание: им не

выплачивали жалование и не выдавали обмундирование. Для успокоения батальона уездному пришлось пойти на переговоры с губкомом. Но члены губкома стали предпринимать действия против восставших только после того, как пришла информация о том, что нарком по военным делам Троцкий заинтересовался этим делом [7, с. 126–128].

Помимо конфликта между губернскими центрами существовало недовольство мобилизацией коммунистов на красный восточный фронт. На Урале и в Сибири успешно развивалось «Весеннее наступление» войск адмирала А. В. Колчака, поэтому в марте 1919 г. в губернии была объявлена мобилизация коммунистов. Но члены партии, подлежащие отправке на фронт, старались занять должности в тылу или в уездах [8, л. 27–28]. Такое поведение было характерным и для обычных жителей губернии, особенно активно дезертировали куряне из рядов РККА в период весеннего сева (в апреле, мае 1919 г.) [9, с. 129].

25 июня 1919 г. войска Добровольческой армии генерала Май-Маевского захватили Харьков, а уже 10 июля 1-й Марковский полк и 1-й батальон Корниловского полка разбили Белгородский караульный батальон и вошли в город. Руководство уездкома заявило, что им не оказал помощь Курский губком. Члены губкома отказом от посылки войск старались еще больше навредить своим подчиненным. Добавим, что перед приходом белых войск на территории Белгородского уезда произошел случай массового выхода из партии [10, л. 45–49]. В ходе партийной проверки 1921–1922 г. факты сдачи партбилета фиксировались особо, а виновные должны были быть заключены в концентрационный лагерь [11, л. 40].

Период с июля по сентябрь 1919 г. прошел для губернского комитета в попытках наладить снабжение войск 13-й армии красных и подготовить губернский центр к обороне. Постепенно власть стала сосредотачиваться в руках двух лиц – И. С. Шелехеса и его гражданской жены О. И. Миткевич. В некоторых работах, вышедших в СССР после 1935 г., утвердилось представление о том, что Курск был сдан «изменником» Троцким, чьими помощниками были Шелехес и Миткевич (расстреляны в 1937–1938 гг.) [12, 19]. Это представление оказалось довольно живуче. Например, Р. С. Кукулдава в автобиографии 1957 г. утверждал, что обороной Курска руководили предатели революции [13, л. 80]. В реалиях 1919 г. губком находился изначально в невыгодном положении, так как рейды казаков Мамонотова и Шкуро внесли сумятицу и панику в тылы красных, а недовольство крестьян и рабочих-железнодорожников стало выплескиваться в крестьянские восстания и антивоенные митинги. По свидетельству Л. А. Брехимовича, начальника отдела юстиции курского губисполкома, «за военный совет и партию работал один губком во главе с т. Миткевич» [14, л. 25]. Раскол в руководстве обороной города произошел за несколько дней до захвата Курска, 14–16 сентября, когда были арестованы и переведены в сочувствующие члены губкома Аристархов и

Поветкин. Поводом послужила их открытая критика действий Миткевич и Шелехеса. Из рапорта начальника эвакуационной комиссии следует, что до момента стремительного прорыва обороны в течение 19 и 20 сентября 1919 г. губком не предпринял мер для эвакуации коммунистов и имущества [14, л. 34]. Резолюция членов комиссии была следующей: «Комиссия еще раз подчеркивает, что результаты ее деятельности могли быть более плодотворны если бы военсовет был бы осведомлен о стойкости района» [14, л. 37].

Противоречия внутри партийной организации – один из факторов поспешного отступления из Курска, который был не подготовлен к защите. Не будем в след за современниками искать в этом плоды предательства, так как руководство курского крепостного района не смогло договориться с крестьянами из окрестных деревень, чьи наделы, где поспевал урожай, были отданы под постройку укреплений [5, л. 42]. А из-за нехватки продовольствия губком не смог накормить рабочих, мобилизованных на постройку окопов. И все же именно раскол внутри партийной организации дезорганизовал действия курских большевиков в ходе обороны губернии от войск Вооруженных сил Юга России.

В заключение можно сказать, что губернская организация РКП(б) с весны 1919 г. находилась «между двух огней». С одной стороны, продовольственная политика большевиков понизила уровень их популярности среди местных жителей. С другой стороны, члены партийной организации не смогли договориться между собой, что привело к сосредоточению всех дел в руках руководителей губкома, которые не вызвали доверия у населения. Из-за недовольства внутри губернии и отсутствия у губкома военных и экономических ресурсов антибольшевистские вооруженные силы без особого сопротивления овладели всей территорией Курской губернии к концу сентября 1919 г.

Источники и литература

1. Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2001.
2. Brovkin V.N. (1994). Behind the front lines of the Civil war. Political parties and social movements in Russia, 1918–1922. Princeton: RUP. 465 p.
3. Емельянов С.Н., Зорин А.В., Шпилев А.Г. Курский край в Гражданской войне 1917–1921 гг. Очерк военно-политической истории. Курск: Полстар, 2013. 528 с.
4. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИКО). Ф. П-65. Оп. 1. Д. 23.
5. ГАОПИКО. Ф. П-16. Оп. 1. Д. 19.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 65. Д. 140.
7. Агарков А.Ф. Восстание Белгородского караульного батальона 27–28 марта 1919 г. // Правда истории. 2007. № 5.
8. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 44.

9. Раков Н.В. Уклонение от призыва и дезертирство из РККА (на материалах Курской губернии) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. № 3 (19).
10. ГАОПИКО. Ф. П-16. Оп. 1. Д. 66.
11. ГАОПИКО. Ф. П-65. Оп. 3. Д. 2.
12. Разгром армии Деникина. К 20-летию освобождения Курска от белых банд. Курск.: Курское областное книжное издательство, 1939.
13. ГАОПИКО. Ф. П-16. Оп. 1. Д. 46.
14. ГАОПИКО. Ф. П-65. Оп. 1. Д. 24.
15. Holquist P. (2002). Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914-1921. Harvard: HUP.
16. Raleigh Donald J. (2002). Experiencing Russia's Civil War: Politics, Society, and Revolutionary Culture in Saratov, 1917-1922. Princeton: PUP.
17. Retish Aaron B. (2008). Russia's Peasants in Revolution and Civil War: citizenship, identity, and the creation of the Soviet State, 1914-1922. Cambridge: CUP.
18. Новикова Л.Г. Провинциальная «контрреволюция». Белое движение и гражданская война на русском Севере 1917-1920. М.: НЛЮ, 2011.
19. История Гражданской войны в СССР / под ред. С. Ф. Найда, Г. Д. Обичкина и др. М.: Госполитиздат, 1939. Т. 4.

Е. А. Панова,

кандидат исторических наук,
Государственный архив Липецкой области

Е. П. Щукина,

Государственный архив Липецкой области

У ИСТОКОВ НЭПа

Аннотация. В данной статье описываются события, происходившие в молодой советской республике в 1917-1921 гг., и приведшие к появлению новой экономической политики. Рассказывается о бедственном положении деревни и крестьянских недовольствах, вспыхнувших в Липецком крае в 1920 году в результате введения методов, применявшихся Советской властью в первые годы своего существования при заготовках в период продовольственной диктатуры.

Ключевые слова: продразверстка, крестьянство, хлебозаготовки, продотряд, новая экономическая политика.

Придя к власти в 1917 году, большевики приступили к созданию принципиально новой советской государственности. Президиум ВЦИК и Совет Народных Комиссаров сосредоточил в своих руках всю полноту власти, как исполнительную, так и законодательную.

Управление на местах сосредоточилось в губернских и уездных Советах. Провозгласив «диктатуру пролетариата», для контроля на местах

были созданы революционные комитеты (ревкомы), состоящие преимущественно из сторонников большевиков.

Придя к власти, правительство молодой советской республики приступило к созданию аппарата для защиты советской власти. Так в советской России появилась рабоче-крестьянская милиция и народные суды.

С началом гражданской войны возросла необходимость в создании сети карательных органов, наделенных чрезвычайными полномочиями. Под началом Народного Комиссариата юстиции были созданы революционные трибуналы, в компетенцию которых входило рассмотрение политических дел. Для борьбы с контрреволюцией и саботажем была создана Всероссийская Чрезвычайная Комиссия (ВЧК) во главе с Ф. Э. Дзержинским. Ее полномочия были неограниченны. ВЧК была выведена из-под государственного контроля и взаимодействовала исключительно с высшей партийной верхушкой.

С нарастанием гражданского противостояния, ускорялся и маховик репрессий. В начале 1918 года советское правительство перешло к открытому искоренению инакомыслия. В январе 1918 года были приняты декреты о создании Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Рабоче-Крестьянского Красного Флота.

Внутренняя и внешняя политика, проводимая в стране, вызвала сопротивление многих социальных слоев. В условиях гражданской войны повсеместно вспыхивали очаги открытого противостояния.

Наиболее остро воспринимался вопрос, связанный с ликвидацией частной собственности, который советское правительство активно проводило в экономической политике. Вполне объяснимо, что переход к обобществлению производства, введение госконтроля над частными предприятиями не нашел поддержки в кругах их прежних владельцев.

Однако наиболее острым в начале XX века продолжал оставаться «крестьянский вопрос». Декретами от 9 и 27 мая 1918 года в стране была установлена продовольственная диктатура. В условиях острого хлебного кризиса ВЦИК и Совнарком принял решение силой отбирать хлеб у крестьянства. По имущественному положению крестьяне были разделены на классы, одним росчерком пера появились «кулаки», «середняки» и «бедняки». С развитием репрессивного аппарата, действующего вплоть до середины XX века, это деление не имело ничего общего с действительностью. Противостояние бедняков зажиточной части деревни имело страшные последствия и негативным образом отразилось на всей аграрной политике.

При наделении земель приоритеты были в пользу бедноты, что вызвало открытое сопротивление кулаков. Это противостояние создало угрозу голода. Началось жесткое давление на деревню. Для изъятия запасов продовольствия в деревню были направлены продотряды.

Наиболее активно мероприятия по «выколачиванию» хлеба проводились в черноземных районах России.

Так, по решению Елецкой уездной конференции РКП(б) отряды рабочих и деревенской бедноты произвели в городе и уезде повальные обыски. В короткие сроки было собрано большое количество хлеба для отправки в Москву и Петроград. Руководитель Страны Советов высоко оценил инициативу ельчан: «Елец сумел обуздать местную буржуазию», «...благодаря организации Совдепа, благодаря тому, что там нашлись сознательные рабочие и беднейшие крестьяне в достаточном количестве, удалось закрепить власть бедноты» [1, с. 450, 454]. Опыт ельчан в решении продовольственного вопроса Ленин предложил использовать повсеместно.

Елецкий уезд Ленин не раз отмечал как образцовый. Обращаясь к наркому продовольствия А. Д. Цюрупе, он писал: «Предлагаю сосредоточить силы на Елецком уезде. Направить тотчас, с максимальной быстротой, в Елецкий уезд все продовольственные уборочные реквизиционные отряды с максимумом молотилок и приспособлений (если можно) для быстрой сушки хлеба...» [2, с. 137–138]. В качестве поощрения за работу Ленин распорядился: «... не жалеть премий, ассигновать для этого тотчас до 30 миллионов рублей...».

Реквизиционные меры постепенно нарастали все больше и больше. Обращаясь к уездным Советам центральных губерний, руководство партии большевиков снова и снова требовало пополнения продовольственных запасов. В телеграмме В. И. Ленина, направленной Раненбургскому уездному комитету РКП(б), говорилось: «обстоятельства требуют быстрой помощи, следовательно, революционной решительной деятельности по немедленному усилению заготовок и немедленной доставке заготовленного в Москву». И далее – приказ: «В десятидневный срок уезды Раненбурга, Данкова должны дать Москве не менее 4-сот вагонов картофеля». Ленин рекомендовал: «Энергично добивайтесь на местах исполнения этой гарантии. От ваших успехов, энергии, решительности зависит спасение рабочего класса, укрепление завоеваний революции, дальнейшие ее успехи и окончательное ее торжество» [3, л. 59].

На заседании коммунистической ячейки продотряда Особой Орловской дивизии было принято решение: «вследствие категорического требования Центра и в интересах продовольственного дела не приходится считаться ни с какими крокодиловыми слезами крестьян кулацкого элемента, а во что бы то ни стало взять государственную разверстку целиком, для чего приложить все усилия продовольственников» [4, л. 14]. Ленин также высоко оценил действия этого отряда: «если бы даже мне доказали, что до сего времени в России есть только один такой отряд, я все-таки сказал бы, что Советская власть свое дело делает. Ибо ни в одном государстве такого отряда нет!» [5, с. 428–429].

В 1919 г., опять же, по приказу Ленина, в Елецком уезде действовал отряд из 70 московских рабочих, который возглавил нарком земледелия

С. П. Серeda. Под его началом, только из Воронежской волости было вывезено около 200 тысяч пудов хлеба.

В сложившихся условиях положение многострадального крестьянства было очень тяжелым. Кроме отправки хлеба и продовольствия в Москву и Петроград, ельчане снабжали продовольствием военный гарнизон и проходившие через город Елец воинские эшелоны, а их, в условиях гражданской войны, было немало.

Кроме этого, в условиях военного времени население обязано было выплачивать чрезвычайный налог. Согласно Приказу Совнаркома, обложению чрезвычайным налогом подлежало: «количество земли, старые заработки и доходы» [6, л. 7]. Взимание налога осуществлялось с большими сложностями.

На одном из заседаний Елецкой уездной организации РКП(б), обсуждая сложившуюся ситуацию в волостях, коммунист Максимов докладывал: «Краснополянская волость является самой контрреволюционной. Налог собирать очень тяжело. Самая сильная борьба с кулачеством» [6, л. 43].

Местные власти стремились выполнить планы любой ценой. Все чаще и чаще активистам и должностным лицам приходилось прибегать к репрессивным мерам. На одном из заседаний делегат Кандюрин рассказывал о ситуации, сложившейся в Казацкой волости Елецкого уезда: «Казацкая волость отличается тем, что она революционна и никаких вспышек там не было... В Казацкой волости излишка денег нет, даже земли не хватает по норме. Хлеба излишков не было и нет. Кулаков нет» [6, л. 7]. Далее докладчик указал, что на население волости, составляющее 22 124 человека был возложен налог, составляющий 1 640 тысяч рублей. Эту сумму «пришлось разверстовать на среднее крестьянство... Раскладывать налог не на кого, у кого имеется немного, они платят». Далее Кандюрин рассказывал: «как рекомендовал тов. Гроднер на прошлом заседании, [недовольных. – прим. авт.] раздевали и сажали в амбары». В результате было собрано свыше 400 тысяч рублей.

С применением репрессивных мер, в том числе карательных, из которых «сажание в амбары» являлось едва ли не самой мягкой, всего за 9 месяцев 1919 года было собрано: «по городу Ельцу – 2 184 561 рублей, по волостям: Стегаловской – 590 096-36 коп., Предтечевской – 978 366-29 коп., Афанасьевской – 168 629 [руб. – прим. авт.], Чернавской – 365 730-25 коп., Воронежской – 1 381 550-36 коп., Становлянской – 873 016-49 коп., Ламской – 789 320 [руб. – прим. авт.], Суворовской – 766 337-26 коп., Больше-Боевской – 712 780-70 коп., Казацкой – 840 964-25 коп., Перекоповской – 183 043-90 коп., Казинской – 1 192 574-66 коп., Сергиевской – 437 540 [руб. – прим. авт.], Краснополянской – 1 445 432-94 коп., Соловьевской – 712 125-06 коп., Дрезгаловской – 1 385 922-88 коп., Каменской – 61 985 [руб. – прим. авт.], Тербунской – 262 923 [руб.

– прим. авт.], Извальской – 615 458-74 коп., Богато-Платовской – 685 575-54 коп. Всего было собрано 16 984 338-26 коп. [7, л. 33].

Результатом деятельности комитетов бедноты и продовольственной диктатуры в целом, стало усугубление раскола в обществе. Одним из итогов аграрной политики большевистского правительства стало то, что гражданская война вступила в новую фазу, когда в вооруженное противоборство было втянуто большинство населения. Тяжесть выплат и сборов была распределена на все крестьянство. В результате этого «дележа» преимущественно пострадала значительная масса крестьян-середняков.

В ответ на реквизиционные мероприятия нарастало всеобщее недовольство. В некоторых уездах и волостях вспыхивали антибольшевистские бунты, на продотряды устраивались засады, начались преследования коммунистов.

В конце марта 1919 года вспыхнуло восстание в Лебедянском уезде. Постепенно оно охватило Ищеинскую, Слободскую, Пятницкую и Троекуровскую волости. Крестьяне этих волостей воспротивились реквизициям хлеба и прекратили выплаты чрезвычайного налога. На заседании Лебедянской партийной организации представители власти докладывали о начале антикоммунистической агитации, преследовании активистов-большевиков, «так как они якобы являются виновниками всех невзгод» [8, л. 8]. В результате вооруженного сопротивления небольшие реквизиционные отряды были разогнаны, часть из них была обезоружена. Агитация перекинулась сразу на несколько волостей и недовольство проводимыми мероприятиями вылилось в открытые выступления, которые пришлось ликвидировать с помощью новых отрядов. Подавление крестьянского выступления потребовало от властей немалых усилий. За помощью даже пришлось обратиться в Козлов и Тамбов. Прибывшая помощь «ускорила ход дела». Объединенными усилиями восстание было подавлено и виновные преданы суду Ревтрибунала. Следует отметить, что восстание лебедянских крестьян было далеко не единственным антисоветским выступлением на территории Липецкого края.

Положение деревни еще более ухудшилось в 1920 году, когда Черноземье поразила засуха. Ситуация на селе складывалась воистину трагически. С учетом реквизиций хлеба и тяжелого налогообложения, главной задачей крестьянских семей была только одна – выжить. В некоторых волостях Усманского, Липецкого, Козловского и Борисоглебского уездов ситуация была настолько тяжелой, что «поели не только мякину, лебеду, но и кору, крапиву» [9, с. 10–11].

Сложную ситуацию на селе в этот период наглядно демонстрируют многочисленные письма крестьян Липецкого уезда в бюро жалоб уездной рабоче-крестьянской инспекции. Жительница села Капитанщино Бутырской волости Карасева Анастасия Васильевна обращалась к властям с просьбой буквально спасти ее семью от голодной смерти: «под

давлением силы оружия у меня взято отрядом 17 пудов хлеба и картофеля 40 пудов 10 фунтов, ввиду этого я, имеющая 5 человек детей женского пола... муж погиб в империалистической войне, лошади не имею, озимый хлеб побит градобитием, ярового совсем не имею и семья моя осталась без куска хлеба».

В письме крестьян Вешаловского сельсовета также говорится о бедственном положении: «уже $\frac{1}{4}$ часть местного населения заявили, что совершенно не имеют дневного пропитания... Теперь уже многие питаются желудями и лебедой, но и этого до нового урожая не хватит, итак без оказания помощи неминуема голодная смерть».

Многих крестьян, даже тех, которые были в состоянии выполнить продразверстку, в свете партийной линии правильно понимая ее как временную и вынужденную меру, возмущала бесхозяйственность и безответственность советской власти. Нередко крестьянину-труженику приходилось наблюдать пренебрежительное отношение к хранению изъятого хлеба, к результатам тяжелого крестьянского труда. Хлебные запасы все чаще выгребали дочиста, до последнего зерна, но зачастую он пропадал на месте: гнил на ближайших станциях под дождем, перегонялся на самогон продотрядовцами.

В архивных документах зафиксированы многочисленные «перегибы», которые стали обычными в повседневной жизни 1920-х годов. На заседании Усманского уисполкома тов. Дурманов докладывал о бесчинствах и произволе, которые устроили члены продотряда № 4. Как показало следствие, участники отряда не только изымали продовольствие у крестьян, но и конфисковывали вещи, присваивая их себе. Изымая продукты и излишки хлеба били «население шомполами, плетками, прикладами, штыками», устраивали стрельбу без всяких оснований. Участники отряда нередко допускали бесчинства, пьянствовали, играли в карты, принуждали крестьянок к половым отношениям, отбирали белье и платье.

Настоящий «крик души» слышится в обращении коммуниста Николая Николаевича Исполатова к Ленину: «Усманский уезд Тамбовской губернии, постигнутый неурожаем, вчистую ограбленный продагентами под видом взимания государственной разверстки, – причем не столько получило государство, сколько они, – в настоящее время переносит муки острого голода. Люди дерутся из-за падали, пухнут до неузнаваемости от голода, ходят из учреждения в учреждение и отовсюду отсылаются, дети бросаются родителями и десятками подкидываются в детские дома. Грабеж и воровство достигли небывалых размеров. С каждым днем положение обостряется».

Сложная ситуация, сложившаяся в стране, требовала срочных глубоких перемен во всех сферах общественно-политической жизни. Все больше и больше параллельно с экономическим нарастал социальный кризис. Крестьяне требовали проведения аграрных преобразований,

ликвидации диктатуры большевиков, созыва Учредительного собрания на основе всеобщего равного избирательного права.

К началу 1921 года все свидетельствовало о необходимости смены политического курса. В этих условиях правительством было решено удовлетворить требования крестьянства для того, чтобы удержать власть.

В октябре 1921 года в городе Липецке состоялся уездный съезд Советов, который принял резолюцию: «8 уездный съезд Советов признает, что только представлением широкой свободы каждому крестьянину и кустарю развивать свое хозяйство, заинтересованностью рабочего заработной платой, соответствующей его материальным потребностям и сосредоточением исключительного внимания государственных органов для укрепления наиболее крупных и важных предприятий, развитием свободного товарообмена между городом и деревней, укреплением курса бумажного рубля, путем введения денежных налогов, находится возможность поднять хозяйство». Далее участники съезда констатировали, что «первые шаги в области проведения начал новой экономической политики в Липецком уезде ... уже дали весьма существенные результаты. Посевная компания и пахота под зябь значительно расширены по сравнению с прошлым годом. Учитывая, что проведение начал новой экономической политики в Липецком уезде до сего времени слишком медленно, съезд Советов предлагает всем хозорганам уезда решительно и быстрее проводить эти начала в жизнь» [10, л.14об. – 15].

Новая экономическая политика была лишь временной мерой для того, чтобы стабилизировать экономическую и политическую обстановку в стране, снять социальную напряженность и укрепить социальную опору советской власти в форме союза рабочих и крестьян. Необходимо было предотвратить дальнейшую разруху и приступить к восстановлению экономики.

Источники и литература

1. Ленин В.И. 4 конференция профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов Москвы. 27 июня – 2 июля 1918 г. Заключительное слово по докладу о текущем моменте 28 июня // Полное собрание сочинений. Т. 36.
2. Ленин В.И. Телеграмма А.Д. Цюрупе. 5 августа 1918 г. // Полное собрание сочинений. Т. 50.
3. Государственный архив новейшей истории Липецкой области (далее – ГАНИЛО). Ф. 69. Оп. 1. Д. 7.
4. ГАНИЛО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 12.
5. Ленин В.И. Речь на митинге в Сокольническом клубе 21 июня 1918 г. // Полное собрание сочинений. Т. 36.
6. ГАНИЛО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 33.
7. ГАНИЛО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 34.
8. ГАНИЛО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 39.
9. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. («Антоновщина»): Документы и материалы. Тамбов, 1994.

Г. А. Салтык,
доктор исторических наук,
Курский государственный университет

**ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В РОССИИ В ПРОГРАММНЫХ ДОКУМЕНТАХ
НЕОНАРОДНИКОВ 1920-х гг.**

Аннотация. В статье анализируются предложения неонароднических партий России – социалистов-революционеров (ПСР), левых эсеров (ПЛСР), народных социалистов (НСПР), эсеров-максималистов (ССРМ) партий революционных коммунистов (ПРК) и народников-коммунистов (ПНК), меньшинства ПСР (МПСР), по реформированию социально-экономических и политических отношений в России в 1917–1923 гг. Приводятся данные из истории этих партий, действовавших на территории Курского края.

Ключевые слова: программа, неонародники, аграрный вопрос, городское хозяйство, Советы, земства, муниципалитеты.

Партии неонароднического направления, действовавшие в России в 1917–1923 гг. имели довольно широкий спектр. Из-за тактических разногласий в их рядах происходили многочисленные расколы, в результате которых на политической арене в разное время заявляли о себе народные социалисты (НСП), левые эсеры (ПЛСР), эсеры-максималисты (ССРМ), революционные коммунисты (ПРК), народники-коммунисты (ПНК), меньшинство партии социалистов-революционеров (МПСР), группа «Народ». В ходе революционных событий 1917–1918 гг. в их программные вносились коррективы, которые нашли отражение в общепартийных документах. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что основополагающие неонароднические идеи и принципы, заложенные еще в конце XIX века, оставались неизменными. Об этом, в частности, неоднократно заявлял лидер партии революционных коммунистов А. М. Устинов, подчеркивая, что «по своим задачам, по своему духу ПРК есть старая партия революционного народничества, партия Чернышевского и Михайловского» [1, с. 5].

Как и социалисты-революционеры начала XX века, представители ПРК признавали единый «трудовой класс», в который входили рабочие, крестьяне и интеллигенция. При этом они очень высоко ценили интеллигенцию, указывая на то, что «люди науки и мысли, труженики

умственного труда» поведут партию по правильному пути и «охранят ее от возможных ошибок» [2, с. 13].

Неонародники 1920-х гг. были сторонниками диктатуры «всех трудящихся», и, прежде всего, пролетариата, однако в большинстве своем считали ее временной формой власти, «рычагом экспроприации капитала» [3, с. 15]. Закрепление же за пролетариатом «привилегированного положения» по их мнению, будет мешать созданию условий для «всестороннего и гармонического развития человеческой индивидуальности» [4, л. 4].

Неонародники 1920-х годов являлись сторонниками классовых и многопартийных Советов. Вместе с тем, заявив о полной поддержке Советской власти, они предлагали ряд экономических и социально-политических мер, направленных на ее укрепление и развитие. В аграрном вопросе они стояли за уравнительное распределение земли между крестьянами, за проведение в жизнь «Закона о социализации земли». Вместе с тем, некоторые из них, к примеру, ПРК, считали вполне приемлемой формой хозяйства сельскохозяйственную коммуну и, особенно, коммуну смешанного типа с «кузницами, портняжными и сапожными мастерскими, гончарными и кожевенными заводами, лесопилкой, писчебумажной фабрикой, типографией и т. д.» [5, л. 27].

За поддержку сельскохозяйственных, кустарных и ремесленных артелей выступали и представители ССРМ. Они считали кооперацию «одной из крупнейших мировых форм хозяйственного объединения трудящихся», подчеркивая при этом, что «революционная власть должна построить принципы кооперативной, хозяйственной, культурной самостоятельности масс, организации кооперативов, союзов и межсоюзных объединений, направляя их деятельность к общим целям социальной революции» [7, с. 521].

Таким образом, неонародники в большинстве своем, высказывались за поддержку самостоятельной, государственно регулируемой городской и сельской кооперации, которая будет способствовать слиянию всех трудящихся в единый класс.

Их экономическая программа включала в себя национализацию торговли, натурализацию зарплаты, ликвидацию денежной системы, всеобщую трудовую повинность. По их мнению, торговлю необходимо было заменить товарообменом и сосредоточить в руках центральных, областных и местных Советов, в специальных продовольственных отделах. Для равномерного распределения продуктов неонародники предлагали установить твердые цены и ввести карточную систему на все предметы первой необходимости. Они также считали, что, более действительной и справедливой мерой может явиться распределение продуктов по трудовым талонам, по особым трудовым книгам. В 1920-е гг. неонародники предлагали организовать правильный учет хлебных излишков в деревне. Извлечь же их для товарообмена, по убеждению

неонародников, можно было только путем создания специальных продовольственных органов в деревне. Они полагали, таковыми должны были стать коммуны, которые в переходный период могли заменить волостные продовольственные отделы, опирающиеся на классовые сельские Советы [6, с. 14].

Поддержав идею большевиков о всеобщей национализации как «неизбежную в современных условиях», неонародники 1920-х гг. тем не менее считали нецелесообразным «захватывать и подрывать мелкие индивидуализированные хозяйства». Поддерживая «наступление на кулачество», неонародники вместе с тем указывали на перегибы в этой политике. «Мы в принципе, отрицаем, необходимость создания комитетов бедноты, так как деревенская «беднота» является внеклассовым, бесхозяйственным элементом деревни, неспособным что-либо строить в смысле хозяйственном, политическом; это – ничтожное меньшинство деревни, не пользующееся авторитетом на местах» [5, л. 64].

Значительное внимание в своих программных документах неонародники 1920-х гг. уделяли внимание городскому населению. Они были изложены в «Программе городского хозяйства», которую предлагали ПСР и ПНС на выборах в муниципальные органы власти влетом 1917 г. Они выступали за установление восьмичасового рабочего дня на предприятиях, запрете детского труда и ограничении труда подростков 5 часами, а также освобождении от работы на 4–8 недель молодых мам. [8, с. 2; 9].

В своей муниципальной программе неонародники предлагали решить ряд социальных проблем рабочих: разработать программу страхования, открытие биржи труда, общественных мастерских, дешевых столовых, бесплатных гостиниц (для иногородних рабочих), справочных контор, медицинских пунктов и т. д. Все эти вопросы, по мнению неонародников, должны были решать городские власти и, в первую очередь, городская дума [10].

Основой земельной городской политики должно было стать обобществление земли, то есть передача ее в распоряжение городского самоуправления. Они также настаивали на создании особой жилищной инспекции, которая следила бы за соблюдением правил гигиены и санитарии при сдаче жилья в эксплуатацию. Строительство же кооперативов должно было осуществляться по льготным кредитам.

Немало усилий неонародники направляли на организацию работ по благоустройству города, особенно его окраин и пригородов. Они настаивали на том, чтобы городские власти прилагали максимум усилий для приведения в порядок мостовых, водопроводов и канализации. С целью озеленения городов предлагали «устраивать парки и бульвары». За санитарным состоянием рынков, улиц, площадей, фабрик, заводов, школ, частных домов должны были следить врачи. «Войдя в состав городской думы, партия социалистов-революционеров будет настаивать на постройке

городской больницы, родильного приюта, амбулатории, спецбольницы для душевных больных...», – отмечалось в предвыборной программе социалистов-революционеров летом 1917 г. [10].

Неонародники выступали за оказание бесплатной медицинской помощи на дому, бесплатную выдачу лекарств неимущим, скорую медицинскую помощь и т. д. Для управления городскими медицинскими учреждениями они предлагали создать Совет, в который, по их мнению, должны были входить непосредственно медицинские работники, а также служащие, рабочие и представители муниципальных органов. Над частными же медицинскими учреждениями рекомендовали установить контроль со стороны городского медицинского бюро. По их мнению, в него должны были входить представители от городской санитарной станции, химического и бактериологического учреждений. Важное внимание бюро обязано было обращать «на содержание водопровода, на стоки дождевой воды, на отводку и обезвреживание твердых отбросов, на выводку нечистот».

Особое место в предвыборной программе эсеров и энесов уделялось проблемам народного образования. По их мнению, в России необходимо развивать сеть общих (низших, средних и высших) и специальных учебных заведений. Школьным делом в губернском центре должен был руководить особый комитет обучения и воспитания, созданный при городской думе. Он также должны были следить и за умственным воспитанием детей, и за их физическим развитием. Рядом с общеобразовательной неонародники предлагали создать профессиональную школу, где дети будут получать «политехнические знания». Не оставили без внимания эсеры и учителей. Они предлагали улучшить условия их труда, справедливо полагая, что «за свой великий труд» учителя должны получать «достойное материальное обеспечение и великий почет» [10].

Таким образом, неонароднические партии, существовавшие в Советской России в 1920-е гг. считали себя преемниками народников. Социально-политические и экономические воззрения их теорий остались в неизменном виде. Правящую партию большевиков они считали партией «истинно революционной, защищающей интересы трудового народа» и в целом, одобрили внутреннюю и внешнюю политику Советского государства. Однако по ряду вопросов наблюдался ряд тактических разногласий и, особенно в области аграрных отношений.

Источники и литература

1. Программные заметки // Воля труда. 1920. № 15.
2. Ковальская Н. Программа партии революционного коммунизма в популярном изложении. М.: Изд-во «Труд и борьба», 1919.
3. Воля труда. 1919. № 4.
4. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 282. Оп. 2. Д. 23.

5. РГАСПИ. Ф. 282. Оп. 2. Д. 34.
6. Декларация на VII съезде Советов // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы: в 3-х т. / Т. 3. Ч. 2. Октябрь 1917–1925 г. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000.
7. Максималист. 1919. № 8–9.
8. Белостоцкий В. Чего будут добиваться в городской Думе социалисты-революционеры. М.: Земля и Воля, 1917.
9. Основные положения муниципальной программы народных социалистов // Народный социалист. 1917. 18 июня. № 21.
10. Программа городского хозяйства партии социалистов-революционеров // Известия Тамбовского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1917. № 80.

В. Ю. Бочаров,
Московский областной архивный центр

РЕФОРМЫ ДОПРИЗЫВНОЙ ПОДГОТОВКИ В РЯДЫ РККА 1920-х – 1930-х гг. В МОСКОВСКОМ РЕГИОНЕ ПО АРХИВНЫМ ДОКУМЕНТАМ МОАЦ

Аннотация. В публикации анализируются все особенности допризывной подготовки гражданского населения к армейской службе в 1920-е – 1930-е гг. Первостепенное значение акцентировано созданию оборонно-массовой работе, которая способствовала распространению среди гражданского населения военных знаний, формированию чувства патриотизма. Создание системы военной подготовки гражданского населения страны свидетельствует о том, что эта работа имела важное значение в деле укрепления обороноспособности СССР.

Ключевые слова: военизация страны в предвоенный период, военная подготовка гражданского населения, военно-патриотическое воспитание, оборонно-массовая работа, ОСОАВИАХИМ, система обучения, значкисты.

Октябрьская революция 1917 г. определила перед партийно-политическим руководством страны целый ряд сложнейших проблем, связанных не только с неурядицей в экономике, но и с необходимостью защиты завоеваний, что являлось нелегким делом в условиях разрушения армейских структур.

С завершением гражданской войны население страны могло вернуться к мирному существованию. Но мир в обществе не наступил. Советская власть обязывала население готовиться к новым сражениям, продолжая распространять в обществе принципы и методы классовой борьбы. Государственная идеология постоянно говорила о всемирной революции, в которой советской России предстояло оказывать поддержку, в числе прочего и военную помощь братьям по классу. Допустимость

войны против капиталистических государств виделась как фатальность политического воззрения текущего момента.

Внутреннюю и внешнюю политику государства определял лозунг: «Социалистическое отечество в опасности!» В тяжелой внешнеполитической обстановке Советское государство, защищая свои национальные интересы и безопасность, было вынуждено вести подготовку к обороне страны от агрессии Запада и Востока, и в сжатые сроки создавать современную промышленность и сильную армию.

Военная политика советского государства в этот период составляла одно из первостепенных направлений функционирования правительства страны. Несмотря на финансовые трудности и политическую напряженность жизни советского народа в то время, его морально – политические возможности были весьма высокими. Большинство советских людей и воинов Красной Армии по праву гордились своей страной. Работа идеологических организаций помогала созданию полной уверенности советских граждан в том, что враг будет побежден «малой кровью, могучим ударом», что воевать мы будем на чужой территории до полной победы над врагом.

Принципы морального потенциала народа и армии, была любовь к своей Родине, вера в превосходство социализма, как экономической и политической системы. Значительную роль в сохранении этой возможности играла и сильная государственная, идеологическая и воинская дисциплина.

Главными источниками военной пропаганды являлись печатные издания (листочки, газеты, журналы, плакаты)[1, л. 1].

В постановлениях руководящих партийных и комсомольских органов во второй половине 1920-х гг. все время подчеркивалась потребность «...особое внимание уделить военизации молодежи...» [2, л. 60].

В апреле 1926 г. ВКП(б) потребовала развернуть обширную работу по военизации населения, в которой выделялись такие направления, как стрелковая подготовка и военное обучение всего населения, пропаганда готовности к войне через СМИ и радио, вовлечение населения в добровольные оборонные общества, военное воспитание в школах, среди которых включение в школьные программы и учебники нужных разделов [1, л. 2].

Для военной популяризации широко использовались СМИ, кинематограф. Граммофонная запись применялась, как форма агитации и пропаганды. Она прекрасно подходила для работы агитатора среди неграмотных крестьян. Помимо записей политических выступлений большевиков, выпускались записи революционных песен и маршей. Одновременно с кино и граммофонной записью важным средством военной пропаганды являлось радио, которое использовалось для

распространения важнейших материалов и сообщений на партийном и государственном уровне.

Главным образом радио становилось средством приобщения к знаниям миллионов неграмотных и малограмотных людей.

Оборона страны, одна из главных направляющих поэта литкабинета К. Константинова, который в своем стихотворении «Рассказ конармейца» показывает романтизм прошлых побед:

Мы теперь хозяевами стали
На морях, на суше, в облаках,

Нас ведет вперед товарищ СТАЛИН и тверда у партии рука [3, л. 9].

В июле 1927 г. вопрос военизации комсомола был предметом специального обсуждения. Одинаково с общими методами по усилению военной пропаганды и оборонной работы, было решено организовывать в городах и других населенных пунктах массовые военные мероприятия (парады, соревнования по стрельбе, военные игры и т. д.) [1, л. 37]. Наиболее массовой оборонной организацией являлось Общество содействия обороне, авиации и химической защиты населения – ОСОАВИАХИМ. В составе ОСОАВИАХИМ молодежь была наиболее массовой группой. Согласно постановлению руководящих органов комсомола, принятого в 1928 г., в ОСОАВИАХИМ должны были вступить 100 % комсомольцев, включая девушек. Ярким свидетельством милитаризации общества, культа военной силы стала массовая организация тиров для обучения всего населения стрельбе из винтовки. Значок «Ворошиловский стрелок», был гордостью юношей и девушек.

Поэт литкабинета Е. Хохлов не остался в стороне, посвятил свое стихотворение популярной теме под названием «Ворошиловский значок»:

В этот день я особенно весел,
И румянец не сходит со щек,

В этот день я на грудь повесил Ворошиловский значок [3, л. 11].

По всей Московской губернии проводился учет оружия и оборудования тиров, стрельбищ [4, л. 12].

Тирры сооружались повсюду, в местах отдыха, на предприятиях, в школах, вузах. Проводились массовые соревнования по стрельбе, также не только в комфортных условиях тира, но и с выездом в поле, в обстановке, приближенной к военной.

Документы, найденные в МОАЦ, свидетельствуют о непростой работе рабочих союзов в Московском регионе.

«Не смотря на раздробленность коллективов в нашем союзе текстильщиков и при наличии не всегда благоприятных условий для работы, отсутствие помещения, тиров и материальных средств, отсутствие достаточного кадра подготовленных работников, мы все же к настоящему времени в области стрелковой подготовки достигли больших результатов. По имеющимся сведениям по нашему союзу организовано 629 – различных стрелковых кружков, построено 172 тира и охвачено свыше

16 тысяч человек, что составляет 10,5 % членов нашего союза втянутых в военную работу» [2, л. 105].

Обращалось особое внимание на работу среди молодежи, как главного резерва армии. Перед государственными и общественными организациями ставилась задача убедительно пропагандировать службу в Красной Армии, объясняя молодежи особенности армейской жизни, связанные с необходимостью дисциплины, ограничениями свободы, лишениями и трудностями армейского быта [5, л. 386].

Не оставалось в стороне и женское население. Тема военной подготовки женщин была актуальна, она связана с пропагандой борьбы за равноправие женщин, за овладение мужскими профессиями.

Женщины обучались стрельбе, занимались парашютным и планерным спортом, их учили приемам химической защиты.

Эпитетом выглядит стихотворение С. Бесфамильного «Парашютистка»:

Вот стоит она в комбинезоне
С нетерпением глядит вперед
Где на мраморном синем фоне
Опускается самолет [3, л. 33].

В тяжелых условиях начинали свое восхождение к вершинам мастерства стрелки Подмосковья. Мало было стрельбищ, тиров, опытных специалистов, не хватало спортивного инвентаря и снаряжения. На примитивных площадках и пустырях юноши и девушки улучшали свое мастерство в стрельбе из винтовок и пистолетов.

Стрелковые соревнования становятся объектом политического влияния, оказывая посильную финансовую поддержку иностранному пролетариату.

Хочу привести выдержки из протокола 6/10 от 1926 года: «...Соревнования по стрельбе с участием городов Серпухов, Богородск, Раменское, Яхрома будут платными, весь сбор пойдет в пользу английских горняков...» [6, л. 1].

Одновременно был разрешен вопрос об организационных формах самодеятельного физкультурного движения и признании стрелковых кружков и секций физической культуры при профсоюзных клубах.

В первую очередь это были старейшины предприятий Подмосковья уже с сформировавшимися командами и традициями, еще в дореволюционное время. Поменялись только названия: клуб Бухарина, Раменский губотдел, клуб Красная роза, Трехгорная мануфактура, клуб Ногина, Богородский губотдел, Серпуховской губотдел и др. Интерес населения к стрелковому спорту всячески поощрялся партийными, комсомольскими и профсоюзными организациями [6, л. 109].

Профсоюзные и комсомольские организации осуществляли шефство над заводским и молодежным спортом.

Стимулом для достижения высоких спортивных результатов

являлось поощрение и премирование спортсменов. Наиболее отличившихся в соревнованиях премировали спортивными костюмами, туфлями, а стрелков – именными часами [1, л. 25].

Выполняя постановление Государственного Комитета Обороны СССР о всеобщем военном обучении населения, физкультурные организации, школы и учебные заведения проделали большую работу по подготовке боевых резервов армии, авиации и флота [7, л. 3].

Программной и нормативной основой советской системы физического воспитания в период 1930-х гг. являлся комплекс ГТО, отражавший уровень физической подготовленности населения. Основная задача комплекса состояла в том, чтобы готовить резервы Красной Армии, проводить массовую военно-физическую подготовку населения, воспитывать у людей выносливость и силу, смелость и решительность, необходимые в боевых условиях [7, л. 4]

Определяя идейную тенденцию физической культуры, партия указала, что физическая культура должна быть средством сплочения широких народных масс вокруг партийных, профсоюзных и советских организаций, через которые они вовлекались в общественно-политическую жизнь. Исходя из этого, спортивные секции и кружки не должны обособляться в какие-то независимые организации, а должны быть включены в общий план деятельности государственных и общественных организаций допризывной подготовки, которые обязаны активно участвовать в ее развитии. Рабочие массы должны находиться под контролем профсоюзных и общественных организаций, определяя идеологический коридор с использованием физкультурного движения.

Социально-экономическая и политическая обстановка, сложившаяся в советском государстве в 1930-е гг., предопределила особенности создания и развития своеобразной системы обучения граждан в решении задач подготовки их к отражению фашистской агрессии. Во многом многосоставные части этих систем, такие как допризывная подготовка, не утратили свое значение и актуальность в новых, изменившихся условиях для Российской Федерации. Исторический опыт создания широкого комплекса организации по созданию системы военного обучения и воспитания свидетельствует о том, что эта работа имела не утрачивающее историческое значение в деле укрепления обороноспособности страны.

Источники и литература

1. Московский областной архивный центр (далее – МОАЦ). Ф. 151. Оп. 1. Д. 620.
2. МОАЦ. Ф. 125. Оп. 1. Д. 138.
3. МОАЦ. Ф. 273. Оп. 1. Д. 258.
4. МОАЦ. Ф. 180. Оп. 1. Д. 309.
5. МОАЦ. Ф. 183. Оп. 1. Д. 96.
6. МОАЦ. Ф. 163. Оп. 1. Д. 3574.
7. МОАЦ. Ф. 6611. Оп. 1. Д. 141.

О. С. Суржик,
кандидат исторических наук,
Московский областной архивный центр

РЕФОРМА СОЗНАНИЯ: АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ ПРОПАГАНДА 1920-х – 1930-х гг. КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ «НОВОГО СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА»

Аннотация. В статье на материале низовых профсоюзных организаций отражена практика насаждения антирелигиозного мировоззрения и реакция трудящихся на атеистическую политику властей и общественных идеологов.

Ключевые слова: антирелигиозная пропаганда, история повседневности, популяризация архивного наследия, история Подмосковья.

В 1921 г. была создана антицерковная комиссия при подотделе пропаганды Агитпропотдела ЦК РКП(б), куда вошли члены РКП(б), ЦК РКСМ, Наркоматов юстиции и просвещения, ГПУ. В 1925 г. возникает общественная организация «Союз воинствующих безбожников» (СВБ), возглавленная Емельяном Михайловичем Ярославским (Миней Израилевич Губельман). В фондах низовых профсоюзных организаций содержится немало количество документов по антирелигиозной пропаганде.

В Российской государственной библиотеке также хранится целый пласт изданий по антирелигиозной пропаганде 1920–1930 гг., которые включают ту же проблематику, методику и идеологические установки, что и документы МОАЦ.

Бюллетень СВБ повествует об угрозе новой войны, где социал-демократы действуют «от Маркса», а духовенство «от Бога». Документы рассказывают о планах дошкольного похода безбожников, для обеспечения которого была необходима сеть учреждений, где бы дети получали знания, вместо «мистических рассказов и легенд». Воспитание «здорового безбожного поколения» должно занять место «отравляющего их религиозного дурмана». Для этого предписывалось удалить священнослужителей различных конфессий от работы с детьми и исключить из школ верующих педагогов, выдвигались требования отстранить от преподавания учителей, не ведущих антирелигиозную пропаганду [1, л. 99].

Агитаторы не утруждали себя излишними хитросплетениями речи в убеждении верующих: «Бросьте, мол, черти кожаные, религиозный дурман разводить. Аннулируйте вашу сектантскую бузу. Потому как теперь в Москве окончательно доказано и по радио объявлено, что никакого бога нету и не предвидится» [2, л. 6]. В бюллетене СВБ дается история православных праздников, которым приписывается «чисто политический

характер». Для убеждения нередко использует простое отрицание: «Научное изучение <...> библейских сказаний установило, что Илия в действительности никогда не существовал» [2, л. 9].

Существовала практика отрицания гонений на веру. СВБ клеймил позором «клевету буржуазной печати» «о невероятных злодеяниях “чекистов” и “комиссаров” и о садизме безбожников, “отнимающих у детей веру их отцов”<...>, всерьез говорят о религиозных преследованиях, о заключенных церквах, о сосланных на каторгу священниках и о матерях, посаженных в тюрьму за крещение своих детей» [2, л. 11]. В документах называются клеветой статьи о пасхальных глумлениях над верой. В том же тексте высказывается требование о замене «поповской пасхи» днями сознательного коммунистического труда. Религия расценивается как противодействие социалистическому строительству. Она «используется не только классовым врагом внутри СССР, но и международной буржуазией, хотя в последнее время подняла бешеную травлю против СССР, маскируя ее защитой религии против якобы происходящего в СССР гонения на церковь», – возмущались безбожники [3, л. 1–4]. «Служителей культа» объявляли классовыми врагами и обвиняли в подрыве обороноспособности СССР. «Контрударом» стало использование в качестве инструмента антирелигиозной пропаганды танка «Безбожник», на который активисты собирали денежные средства [1, л. 8–9]. В религиозной контрреволюции обвинялся и Митрополит Антоний Храповицкий, и «кулацкие банды», избивающие безбожников.

Нередко документы свидетельствуют о создании монашескими общинами совхозов и вступлении в эти совхозы окрестного населения. При этом основой объединения людей, помимо сельскохозяйственной деятельности, была вера. Такие хозяйства доставляли немало беспокойства антирелигиозным пропагандистам, поскольку привлекали к себе народ и лишали безбожников аргумента о тунеядстве духовенства и монашества. Н. К. Крупская советовала перенимать опыт монастырей по работе с населением [4, с. 42]. В бюллетене рассказывается о Баландинской коммуне-обители, в которой портрет Ленина окружен «несметным числом икон», а «иеромонах Десницкий» постригает новых коммунарок-сестер, а также о колхозах, состоящих из одних баптистов. Причем отмечалось, что некоторые из сектантов участвовали в СВБ «для маскировки». «Коммуна процветала не трудом, а пожертвованиями истеричных богомольцев» [2, л. 12–13]. В качестве примера приводят совхоз «Леушино», в котором «монашки играют главенствующую роль». В документе требуют «отделить кадило от серпа и молота». Архивный материал корреспондируется со статьей Н. К. Крупской, посвященной антирелигиозной пропаганде: «Научились попы теперь потоньше действовать. Против советской власти слова не скажут, линию свою ведут осторожно» [4, с. 42]. Автор приводит в пример создание монахинями земледельческого кружка, получавшего премии на сельскохозяйственных

выставках. Кроме того, монахини «открыли красный уголок, ведут там работу. Все с молитвой» [4, с. 42]. В противовес этому досадному для пропагандистов явлению в монастырях создавались антирелигиозные музеи [2, л. 32].

Антипасхальная кампания должна была происходить в тесной увязке с задачами классовой борьбы. Для проведения агитации использовались столовые, чайные, улицы, амбулатории, ясли, детские площадки. От агитаторов требовалось разъяснить «вред» говения и причащения, для агитации использовать передвижные выставки, стенгазеты, фильмы, экскурсии, громкие читки-беседы. Кампания длилась с 15 марта до 15 мая. Для подготовки к антипасхальным мероприятиям создавались специальные курсы. К программам курсов прилагались тексты викторин и лозунгов: «Религиозные организации – опорные пункты классового врага», «Пасха – тяжелая артиллерия кулака и нэпмана против социалистического строительства», «Наступая на религию – помогаем пятилетке», «Пятилеткой выкорчевываем корни религии», «Примиренческое отношение к религии – поддержка классового врага», «Еврейская пасха – шовинистическая антисоветская атака нэпманов и раввинов на трудящихся евреев», «Борьба с религией – боевая задача профсоюзов» [3, л. 7 об. – 9]. На вопрос викторины, борется ли с религией советская власть, рекомендуется ответить отрицательно. Однако на вопрос, как смотрит коммунистическая партия на религию, дается ответ: для коммуниста религия не является частным делом. Каждый член партии обязан бороться с религией.

Проповедники безбожия связывали практику молебнов перед урожаем с пьянкой, дракой, пожаром, суеверием, противопоставляя молитву механизированной уборке хлеба, «показывающей крестьянину силу человеческой коллективной мысли», поэтому «попы <выступают> против индустриализации», – утверждали пропагандисты. План антирождественской кампании СВБ 1930–1931 гг. повествует о необходимости распространения «нового безбожного быта», неоднократно требует запретить «прием попов в казармах», призывая устроить вместо пьянства в Рождественские дни антирождественскую костюмированную прогулку на лыжах [1, л. 1–5]. Разумеется, причиной распространения пьянства называли религию, игнорируя факт удешевления спиртного [5, с. 323–351]. В качестве панацеи от пьянства и посещения церквей в праздники предлагался переход на непрерывную рабочую неделю.

В рамках антирелигиозной кампании выдвигались требования фактической ликвидации монастырей, запрещались даже пасхальные изделия и рождественская елка. Широко использовались лозунги и частушки, листовки, диспуты и зрелищные мероприятия на Пасху, «вместо посещения избитого спектакля в церкви» [6, л. 10].

Межсоюзное культсовещания 1929 г. критиковало своих коллег за увлечение развлекательными мероприятиями, недостаточность

разоблачения тактики классового врага – вредительства, разжигания межнациональной розни, отсутствие постановки антирелигиозной работы, «проявление враждебного рабочему классу антисемитизма» [7, л. 1–2]. Совещание требовало изъять из библиотек идеологически невыдержанную литературу, дабы искоренить религию как «тормоз социалистического строительства».

Наибольшему преследованию подвергалась православная вера. Однако немало доставалось другим христианским конфессиям и «авраамическим» религиям – иудаизму, мусульманству, не были обойдены вниманием безбожников и секты.

Ф. М. Достоевский утверждал: «Красота – это страшная и ужасная вещь!.. Тут берега сходятся, тут все противоречия вместе живут <...> Иной высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом содомским. Еще страшнее, кто уже с идеалом содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны <...> Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой. В содоме ли красота? <...> Красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей» [8, с. 117]. В документах по антирелигиозной пропаганде многократно подчеркивается огромная роль искусства в воздействии на мысли и чувства людей. Н. К. Крупская писала: «Определенное мировоззрение только тогда входит в плоть и кровь, когда оно связывается эмоциональными переживаниями» [4, с. 45]. Понимая силу воздействия искусства на мировоззрение человека, безбожники активно использовали в пропагандистских целях художественную самодеятельность, плакаты, стенгазеты, кино и радио.

Требование ликвидации неграмотности также выдвигалось в контексте антирелигиозной кампании – отвержения «религиозных предрассудков». Однако она наталкивалась на сопротивление рабочих и крестьян. Ячейки Союза воинствующих безбожников разваливались, несмотря на раздачу антирелигиозной литературы, кино- и радиопропаганду, передачи церковью под клубы, запрет «приема попов» на общих собраниях, требование уничтожения икон, устройство лекций, катков и карнавалов под праздник. Многие антирелигиозные вечера были сорваны, «попы» «приспосабливались» и находили «новые формы» для проповеди [7, л. 22–24]. Докладная записка Упрофбюро в Окрпрофсовет отмечает «сильные религиозные настроения среди населения». «Попытка закрытия Тихвинской церкви показала, что и значительная часть рабочих не отрешилась от предрассудков» [7, л. 46]. Письмо заведующего информацией обкома союза горняков также свидетельствует о недовольстве крестьян закрытием церкви [3, л. 2]. Нередко храмы передавались под клубы. Реакцией на закрытие церковью стал, отмеченный в документах профсоюза, рост сектантства. Докладная записка о состоянии антирелигиозной пропаганды на вагонном заводе в Мытищах

свидетельствует о большом числе адептов различных сект среди рабочих предприятия.

В 1930 г. ликвидация неграмотности была объявлена боевой задачей партии. В документах СВБ религиозность навязчиво противопоставляется просвещению. «Само собою разумеется, что в заботах об истинном духе религии нет времени обучать ребят хотя бы самой простой грамоте» [2, л. 11]. Однако часто решением боевой задачи партии занимались «классово чуждые элементы». Материал обследования ликбезработы в деревне Липки свидетельствует, что «занятия происходят в поповском доме. Попадья, она же руководит ликбезом, очень активная, раньше культработа не велась» [9, л. 133, 137 об.]. Проверяющие работники сокрушались: «Неблагополучно обстоит дело с подбором ликвидаторов. Есть дочки помещиков <...>, жена попа». Неоднократно фиксировались случаи пения в избах-читальнях религиозных песен, срыва занятий по вине учащихся в религиозные праздники [9, л. 141–147]. При этом утверждалось, что «сыны-дочки попов, кулаков <...> тормозили работу по ликвидации неграмотности» [10, л. 16–19].

Во второй половине 1920-х гг., в связи с подъемом религиозного чувства, который отмечала и Н. К. Крупская, и пропагандисты СВБ, а также слабостью успехов антирелигиозной пропаганды, власти предприняли попытку замены религиозных праздников и обрядов светскими. Статья комсомольца в стенгазету свидетельствует об октябринах младенца в Измайловском лесничестве. В период совпадения Пасхальной недели с празднованием 1 мая предписывалось провести агитационную работу с привлечением возможно большего числа людей на демонстрацию и в клуб. При этом от антирелигиозной пропаганды требовалось воздержаться [11, л. 2–2 об.].

В тезисах доклада «Антирелигиозная работа просвещенцев вне школы со взрослыми» за 1928 г. говорилось о недопустимости грубых методов религиозной пропаганды, оскорбляющих чувства верующих. При обследовании жилищных условий рабочих Занарской фабрики 1929–1930 гг., помимо настойчивой рекомендации пользоваться отдельными мисками и зубными щетками, к ним предъявлялось требование о снятии икон и прекращении возжигания лампад, на что рабочие отвечали: «Пусть висят, есть не просят». Некоторые неверующие люди давали обещание снять иконы. Проверяющими было предложено провести конкурс на лучшую каморку. Одним из показателей «культуры быта» обозначалось «отсутствие икон и связи с религией и церковью». От антирелигиозных шествий, «подрывающих авторитет власти», было предписано воздержаться [12, л. 127–128]. Деятельность СВБ должна была распространиться не только на цеха, клубы, общежития, но и «проникнуть в спальни» [13, л. 26; 5, с. 270]. Однако и это не помогло. Несмотря на поощрительные меры, применяемые к пропагандистам нового безбожного быта, ощущался существенный недостаток кадров для ведения

антирелигиозной пропаганды. Культотделом профсоюзов признавалась необходимость организации «безбожных курсов» по теории и практике «безбожной работы» [14, л. 41]. Однако антирелигиозные курсы не пользовались популярностью у населения и оставались недоукомплектованными.

Таким образом, в начале 1920-х гг. антирелигиозная пропаганда носила примитивный характер и критиковала, в основном, суеверия и священнослужителей. Ближе к концу десятилетия и началу 1930-х гг. акцент переносится на противопоставление науки и религии. В связи с отторжением трудящимися безбожия предпринимаются попытки эстетизации антирелигиозной пропаганды и придания ей наукообразной формы. Однако религиозное чувство оказалось неистребимым, принимая, порой, самые причудливые формы. Элементы веры оставались и в языке: «Сознательному рабочему не нужен Рай Небесный, он должен построить рай земной», – заявляли работницы трамвайного парка, но при этом невольно обнаруживали стремление своей души именно к райскому блаженству. Религиозные символы продолжали использоваться в нуждах социалистического строительства самым курьезным образом. Так, на плакате Г. Пашкова 1917 г. «Подписывайтесь на заем свободы» изображен Святой Георгий Победоносец, поражающий змея копьём. Иконописные каноны при этом соблюдены, за исключением наличия нимба вокруг головы Святого. Текст гласит: «Подписывайтесь на заем свободы. Старый строй повержен. Воздвигайте здание свободы в России» [15, с. 19]. Однако, несмотря на все усилия насадителей безбожия, сохранились в народной душе искорки Христовой веры, через которые происходит современное возрождение России.

Источники и литература

1. Московский областной архивный центр (далее – МОАЦ). Ф. 193. Оп. 1. Д. 132.
2. МОАЦ. Ф. 44. Оп. 1. Д. 223.
3. МОАЦ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 61.
4. Крупская Н.К. Антирелигиозная пропаганда. М.; Л.: Государственное издательство, 1929. 67 с.
5. Лебина Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 482 с.
6. МОАЦ. Ф. 181. Оп. 1. Д. 102.
7. МОАЦ. Ф. 306. Оп. 1. Д. 23.
8. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. М.: Художественная литература, 1988. 846 с.
9. МОАЦ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 87.
10. МОАЦ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 245.
11. МОАЦ. Ф. 131. Оп. 1. Д. 809.
12. МОАЦ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 70.
13. МОАЦ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 132.
14. МОАЦ. Ф. 307. Оп. 1. Д. 26.
15. Леонов А., Никифоров Б. Антирелигиозная пропаганда и искусство. М.; Л.: ОГИЗ-ИЗОГИЗ, 1932. 150 с.

О. Н. Аргунов,
кандидат исторических наук,
Государственный архив Курской области

РЕАЛИЗАЦИЯ «ВЕЛИКОГО СТАЛИНСКОГО ПЛАНА ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ПРИРОДЫ» В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ: ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ РЕФЛЕКСИИ

Аннотация. В настоящей работе рассматривается проблема реализация «Великого сталинского плана преобразования природы» в курском регионе в конце 1940-х – начале 1950-х гг. Его противоречивые итоги до сих пор вызывают острые дискуссии в отечественной исторической науке. Вместе с тем региональный аспект до настоящего времени остается все еще малоизученным, что несколько сужает общую картину воплощения в жизнь грандиозного плана. Именно на некоторое восполнение данного «белого пятна» и направлена эта статья.

Ключевые слова: Великий сталинский план преобразования природы, Курская область, мелиорация, ирригации, лесопосадки, колхозы.

Сильнейшая за весь XX в. засуха 1946-го г., охватившая значительную часть европейского континента, оказала серьезнейшее, а в некоторых аспектах и определяющее, влияние на развитие сельского хозяйства Советского Союза в послевоенные годы. Во-первых, перед руководством страны встал вопрос о серьезном увеличении резервов продовольствия, чтобы не допустить голода, который был одним из самых страшных результатов засухи. Во-вторых, не менее важной проблемой стал вопрос о том, как предотвратить подобные природные катаклизмы в будущем. Специально для этих целей был создан институт «Агролеспроект», который фактически за год разработал посадки государственных лесозащитных полос, которые должны были протянуться практически по всей южной части европейской территории СССР на тысячи километров. Одновременно, согласно этому плану, была разработана программа по созданию оросительных систем и введению травопольных севооборотов [1, с. 131]. В совокупности эти мероприятия в историографии получили название «Великий сталинский план преобразования природы» и официально был принят к реализации после издания совместного Постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 20 октября 1948 г. «О плане лесозащитных лесонасаждений, введения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах европейской части СССР» [2, с. 3–40]. Согласно данному документу, предполагалось значительно расширить орошаемые площади в колхозах и совхозах регионов СССР, в том числе и Курской области, высадить на значительной территории лесозащитные полосы, которые бы

смогли предотвратить суховеи и, как следствие, регулярные засухи. По своей сути претворение в жизнь данного Постановления можно назвать полноценной реформой аграрной отрасли Советского Союза, так как оно во многом пересматривало ряд аспектов сельскохозяйственного развития страны и выводило его на новый уровень развития.

Стоит отметить, что для Курской области лесозащитные и мелиоративные работы были не новы. Еще в военные годы в ряде колхозов региона проводились гидротехнические работы, связанные с развитием сети орошаемых полей и рыборазведением. Только в 1944 г. на эти нужды было выделено из областного бюджета 2 813,55 тыс. руб. [3, л. 142а – 152], а в послевоенное время развитие агромелиорации было продолжено и расширено.

В июле 1947 г. была создана комиссия, в которую вошли не только представители местных партийно-государственных структур, но и работники республиканских министерств, местных хозяйственных органов и научных учреждений (в состав комиссии входили 12 человек, в том числе зам. председателя облисполкома Некрасов, представители от Министерства сельского хозяйства и Министерства лесного хозяйства Браудэ и Кириченко соответственно и другие), которая смогла разработать детальный перспективный план гидротехнических работ в Курской области [4, л. 95–106]. В 1948 г. (после принятия вышеуказанного Постановления) этот план был расширен и уточнен [5, л. 21–35; 6, л. 12–19].

Между тем, к концу 1947 г. проектно-изыскательные работы велись на площади свыше 2,1 тыс. га [7, л. 142–145] (в общей сложности предполагалось сделать орошаемыми 150 колхозных участков общей площадью около 10,0 тыс. га [8, л. 267]), а непосредственно работы по созданию ирригационной сети охватили значительные территории колхозов в Иванинском, Медвенском, Свободинском и Тимском районах [9, л. 76]. Однако темпы строительства систем были очень медленными: работы по строительству ирригационной системы в колхозе «Серп и молот» Тимского района к 25 ноября 1947 г. были выполнены только на 34,0 % от установленного плана, а в колхозе имени Сталина Медвенского района – только на 14,2 %. Медленный ход работ объяснялся плохой обеспеченностью инструментами, отсутствием должной дисциплины и нехваткой строительных материалов [10, л. 99; 11, л. 40–41].

В это же время начинается создание лесозащитных полос в регионе. Был разработан план по посадке агромелиоративных массивов и защитных лесных насаждений на период с 1947 по 1955 г. в объеме 324,0 тыс. га. Для этого выделялись дополнительные средства не только для организации самих работ (предполагалось облесить балки и овраги, высадить полосы вдоль автомобильных и железнодорожных магистралей, а также создать водорегулирующие лесные полосы) и создания питомников по

выращиванию специальных саженцев, но и для подготовки специалистов [12, л. 4–16; 13, л. 105–118 об.; 14, л. 7].

Но с октября 1948 г. началась централизация этих работ с учетом всесоюзных тенденций, заложенных вышеуказанным совместным Постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б). Одним из первых решений областных властей в рамках централизации лесомелиоративных работ стала организация более 3 800 специальных лесопосадочных звеньев [15, л. 91]. Однако это не помогло лучше организовать работы: по многим районам планы на 1948 г. были сорваны. Так, в Стрелецком районе из плана посадить за весну 60,0 га полос удалось посадить только 6,6 га. Причем, в ряде колхозов работы велись из рук вон плохо: в сельхозартели «Трудовик» Бартеневского сельсовета посадка приовражной полосы была произведена переросшей березой по целине под штык лопаты, что делало невозможным дальнейшее развитие корневой системы у деревьев [16, л. 9].

Провал работ объяснялся преимущественно отсутствием лесопосадочного материала: в ряде районов – Беловском, Фатежском, Тимском – лесопитомники не были организованы, а в других районах – не справлялись с поставками материалов; ситуацию не смогли исправить даже завоз саженцев из других регионов, инструментом, нарушениями трудовой дисциплины и пр. Однако были районы, где план успешно выполнялся, например, в Грайворонском [16, л. 52–56]. И в целом за 1948 г. удалось посадить 2 748,0 га полезащитных лесонасаждений [17, л. 204], что было серьезным успехом для курских колхозов.

Несмотря на значительные трудности в деле создания полезащитных полос и облесению приовражных и прибалочных площадей, данные работы в Курской области проходили довольно успешно. К примеру, план 1949 г. по лесопосадкам в 6 630,0 га [18, л. 29] был перевыполнен колхозами: в общей сложности лесоматериал был высажен на площади 7 861,0 га на землях 4 761 колхоза [19, л. 67] при средней приживаемости лесоматериала в 71,0 %. При этом ряд районов, среди них Грайворонский, Волоконовский, Ракитянский, Обоянский и другие, смогли добиться больших показателей [20, л. 21]. Всего же в области за 1949 г. было посажено более 12,6 тыс. га различного рода лесополос [21, л. 19; 22, л. 18], выполнив плановые объемы работ на 134,4 % [23, л. 177].

И в дальнейшем данные работы в курском регионе проходили вполне успешно. К концу 1950 г. площади полезащитных лесонасаждений составили 26,5 тыс. га (из них 18,7 тыс. га посадили колхозы [24, л. 80], а в целом план был выполнен на 103,4 % [25, л. 83], 30 из 62-х районов план перевыполнили [26, л. 111]), к 1952 г. – 35,9 тыс. га [27, л. 24] (при этом план за 1951 г. был выполнен всего на 48,0 % [28, л. 10]), а к началу 1953 г. было посажено полезащитных, приовражно-балочных лесополос и других лесонасаждений на площади свыше 73,0 тыс. га [29, л. 64].

Отдельные колхозы добивались серьезных успехов в деле выращивания лесозащитных полос: в колхозе имени Жданова

Суджанского района к 1952 г. площадь лесонасаждений составляла 34,5 га [30], что было лучшим показателем в этом районе.

Но при всех успехах данного процесса довольно существенной проблемой оставалась приживаемость посадочного материала. В среднем данный показатель по области составлял 54,0 % [31, л. 132], что в значительной степени подрывало выполнение основных показателей плана развития лесонасаждений и приводило к дополнительным финансовым вливаниям в данные мероприятия.

Как отмечалось во многих решениях облисполкома, ключевой причиной массовой гибели саженцев было нерадивое отношение колхозников к выполняемым работам; многие из них совершенно не были заинтересованы в результатах своего труда. В некоторых сельхозартелях сознательно шли на порчу саженцев, считая, что таким образом занимают лучшие земли колхозов, отчего уменьшится и без того невысокий урожай. Такие случаи были в Беленихинском, Мантуровском, Пристенском и др. районах [32, л. 37]. Также во многих сельхозартелях не был налажен уход за высаженными саженцами: не проводилась межрядная прополка, своевременный полив, очищение от сорняков и пр. [33, л. 124–126]. А в некоторых районах и вовсе происходило уничтожение лесополос от потрав скотом или же действий самих колхозников и МТС [34, л. 32–33].

Вместе с тем, несмотря на серьезные трудности в работе по реализации плана посадки лесозащитных полос, они стали оказывать достаточное влияние на сельское хозяйство региона, в особенности на его южные районы: в начале 1950-х гг. в некоторой степени уменьшилось влияние суховеев. Это позволило дольше сохранять влагу в почве, а, следовательно, растения получали больше питательных веществ и давали большие урожаи.

Но с приходом Н. С. Хрущева к власти в 1953 г. ситуация изменилась: несмотря на положительное влияние лесозащитных лесонасаждений на развитие аграрной отрасли экономики страны и Курской области в частности, массовые работы по посадке лесополос были свернуты. Однако работы продолжали осуществляться, хоть и в значительно меньших масштабах, хотя предполагалось уже к 1955 г. их полностью свернуть [35, л. 68–71]. Однако данные работы продолжались вплоть до развала СССР.

Таким образом, мы можем видеть, что посадка лесозащитных лесонасаждений оказала достаточное влияние на развитие сельского хозяйства Курской области в 1950-е гг. Здесь также стоит отметить и то, что лесопосадки, высаженные в те далекие годы, до сих пор играют значительную роль в развитии аграрной отрасли экономики курского региона, оберегая его от опустошительных засух.

Возвращаясь к вопросу развития ирригационных систем и мелиорации в колхозах Курской области в конце 1940-х гг., отметим, что

этот процесс был в приоритете у высшего партийно-государственного руководства страны и региона, так как с помощью широкого использования орошаемых участков можно было добиться серьезного повышения урожайности основных сельскохозяйственных культур, что позволило бы решить многие проблемы. Однако большую часть работ по созданию ирригационной сети было решено выполнять за счет колхозов, что увеличивало их финансовые обязательства и изымало средства из непосредственного производства. Поэтому строительство ирригационных систем на территории колхозов Курской области можно в некоторой степени рассматривать как процесс дополнительного изъятия денег из сельскохозяйственного производства.

В 1948 г. в курском регионе было развернуто массовое строительство ирригационных систем, о чем свидетельствуют десятки исторических источников и, в первую очередь, решения облисполкома, посвященные данному вопросу. Согласно разработанному плану, уже к 1950 г. в Курской области должны были быть построены 14 государственных оросительных систем на площади 7,0 тыс. га [23, л. 343–347]. Уже к середине апреля 1948 г. были подготовлены проекты орошаемых участков на площади 6 182,0 га [36, л. 58], а в некоторых районах, как, к примеру, в Бесединском, Фатежском, Саженском, где уже развернулось строительство, выявлялись ряд основных трудностей при реализации проектов. Во-первых, это недостаток или же практически полное отсутствие строительных материалов, техники и инвентаря; во-вторых, недостаток подготовленных специалистов; в-третьих, отсутствие денег у колхозов для покупки необходимого оборудования; в-четвертых, были выявлены серьезные недостатки в работе проектных институтов, занимавшихся подготовкой необходимой для строительства проектно-сметной документации.

Данные проблемы были отмечены в приказах Министерства сельского хозяйства СССР, посвященных рассматриваемым вопросам [37, л. 1–11]. Но, вместе с тем, строительство в некоторых колхозах проходило достаточно быстрыми темпами: в короткие сроки были развернуты работы на 70 объектах общей площадью 3 595,0 га [38, л. 72–74], которые продолжались все лето 1948 г., и к концу года удалось закончить работы на 42 объектах, охватывавших площадь в 1 987,0 га [39, л. 58], хотя общий план работ так и не был выполнен.

Вместе с тем, местным органам власти и руководству колхозов совместными усилиями удалось решить некоторые из указанных проблем, при строительстве ирригационно-оросительных систем, в частности, колхозы смогли получить от Госбанка кредиты для этих нужд и закупить необходимое оборудование [40, л. 100]. Поэтому в 1949 г. работы шли более быстрыми темпами. Также был отчасти решен кадровый вопрос: в районы были направлены подготовленные специалисты, хотя по-прежнему

не хватало инженеров гидротехников, мелиораторов и старших техников [41, л. 79–80].

Между тем, за первое полугодие 1949 г. были закончены 189 проектов ирригационных систем, охватывающих площадь в 10 012,0 га, из которых 151 проект на площади 8 007,0 га был утвержден, а строительство было начато на 113 объектах в 123 колхозах на площади в 5 982,0 га [41, л. 77].

Всего же весной 1949 г. в колхозах Курской области заработали 162 гидротехнических сооружения, позволившие начать осуществление масштабной ирригации сельскохозяйственных угодий хозяйств региона [42, л. 46–47]. На орошаемых площадях за апрель было посеяно 4 014,0 га яровых культур [43, л. 57], а к концу мая посевные площади превысили 9,1 тыс. га [44, л. 41]. Но из-за проблем с подготовленными кадрами обслуживавшего системы (наиболее остро эта проблема стояла в Беловском, Бесединском и Михайловском районах), не все они смогли работать в полную мощность [45, л. 42–46].

В 1950–1953 гг. строительство систем было продолжено, но, что также необходимо отметить, в меньших масштабах, связанных с нехваткой финансовых средств. В 1950 г. планировалось построить ирригационные системы на площади в 16 500,0 га. В итоге план был выполнен чуть более чем на 32,1 % [46, л. 87]. Практически не решаемой проблемой оказалось наладить трудовую дисциплину на строительстве ирригаций: со временем она не только не улучшалась, а становилась хуже. На строительстве Грайворонской, Косиловской и Лисинковской государственных ирригационных систем Грайворонского района ежедневно в начале 1950 г. работали 109 чел. вместо необходимых 970 чел. [47, л. 30].

Однако в 1951 г., когда в эксплуатацию была введена 401 колхозная оросительная система с площадью орошения 19 460,0 га и 14 государственных оросительных систем с площадью орошения в 7 660,0 га [48, л. 7], посевы сельскохозяйственных культур на этих участках составили 24,3 тыс. га, а также начато осуществление перехода на новую систему орошения на площади в 20,0 тыс. га; за 1951 г. план по переходу был выполнен на 74,8 % [48, л. 7].

Из-за некачественно проведенных работ неизбежными были аварии, крупнейшая из которых произошла на Клешонской государственной оросительной системе в Ястребовском районе в 1951 г., когда разорвало трубопровод с последующим разрушением бетонного крепления. Никто из рабочих не пострадал. Однако в ходе ремонта были обнаружены серьезные недочеты в конструкции, затрудняющие дальнейшую эксплуатацию объекта [49, л. 208–209].

Данный случай, а также последствия паводка 1951 г. (только в Черемисиновском районе вследствие этого природного катаклизма были разрушены системы в колхозах имени Молотова, «Власть Советов», «Красное знамя», имени К. Маркса и др. [50, л. 185]), вызвал волну

проверок со стороны контролирующих органов, которые выявили серьезнейшие недостатки в работе как колхозных, так и государственных оросительных систем: необходимо было в срочном порядке перепроектировать 77 водосбросов и 207 насосно-силовых установок, запроектировать и построить боковые сливы на 83-х объектах [51, л. 87–91]. Данные мероприятия требовали больших финансовых вливаний, которых ни у колхозов, ни у местных органов власти не было, поэтому с конца 1951 г. интерес к проекту начинает теряться, а паводок 1952 г. и ликвидация его последствий (было повреждено 192 строения, общий ущерб от него составил около 5,0 млн руб. [52, л. 4]), и вовсе показали полный провал развития ирригационного земледелия на территории Курской области.

Так, к 1 октября 1952 г. план строительства оросительных систем был выполнен лишь на 18,0 %: велось строительство 125 оросительных станций. Колхозы практически полностью отстранились от этих работ, выделив только 1,0 % от запрашиваемой рабочей силы [53, л. 16–18]. Государство пыталось компенсировать неучастие колхозников в строительстве за счет получения дополнительных сельхозкредитов, выделенных для сельскохозяйственных артелей [54, л. 36–39], но и это не возымело должного действия. Поэтому к 1953 г. площадь земельных участков, охваченных оросительной сетью, сократилась до 16 455,0 га [55, л. 33], хотя общие работы проводились на площади около 29,4 тыс. га [52, л. 1]. В последующие годы из-за отсутствия централизованного руководства и финансирования большая часть ирригационных систем была заброшена и уже никогда не восстанавливалась.

Как мы видим, претворение в жизнь «Великого сталинского плана преобразования природы» носило противоречивый характер даже в рамках одного, курского региона. С одной стороны, руководству страны и области удалось добиться серьезнейших успехов в создании лесозащитных полос, которые и по настоящее время служат важной защитой местного сельского хозяйства от серьезных природных катаклизмов. С другой, – огромные средства и силы были потрачены на создание ирригационных систем, от использования которых начали отказываться еще при жизни вождя, а с его смертью программа была практически свернута, в то время как аграрная отрасль страны имела множество проблемных мест, в которые можно было вложить эти средства. Поэтому рассмотренная в настоящей статье проблема нуждается в своем исследователе, который сможет всесторонне проанализировать одно из важнейших событий поздней сталинской эпохи.

Источники и литература

1. Иосиф Виссарионович Сталин: энциклопедия / сост. В. В. Суходеев. М., 2008.
2. О плане лесозащитных лесонасаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах европейской части СССР. Курск, 1948.

3. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-3322. Оп. 22. Д. 66.
4. ГАКО. Ф. Р-3272. Оп. 4. Д. 73.
5. ГАКО. Ф. Р-3272. Оп. 4. Д. 77.
6. ГАКО. Ф. Р-3272. Оп. 2. Д. 134.
7. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 30. Д. 164.
8. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 10. Д. 110.
9. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 30. Д. 178.
10. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 30. Д. 180.
11. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 30. Д. 186.
12. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 30. Д. 154.
13. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 30. Д. 176.
14. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 30. Д. 182.
15. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 30. Д. 230.
16. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 30. Д. 250.
17. ГАКО. Ф. Р-5006. Оп. 17. Д. 1.
18. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 30. Д. 356.
19. ГАКО. Ф. Р-3272. Оп. 4. Д. 89.
20. ГАКО. Ф. Р-3168. Оп. 2. Д. 912.
21. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 30. Д. 375.
22. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИКО). Ф. П-1. Оп. 2. Д. 1261.
23. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 10. Д. 158.
24. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 10. Д. 175.
25. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 1427.
26. ГАКО. Ф. Р-3272. Оп. 4. Д. 95.
27. ГАКО. Ф. Р-3168. Оп. 6. Д. 73.
28. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 192.
29. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 2195.
30. Щербинин И. Наш опыт выращивания лесных полос. Курск, 1952. 24 с.
31. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 10. Д. 218.
32. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 38. Д. 52.
33. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 38. Д. 66.
34. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 38. Д. 95.
35. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 422.
36. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 30. Д. 248.
37. ГАКО. Ф. Р-3168. Оп. 2. Д. 909.
38. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 30. Д. 254.
39. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 30. Д. 290.
40. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 30. Д. 377.
41. ГАКО. Ф. Р-3272. Оп. 4. Д. 83.
42. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 30. Д. 364.
43. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 30. Д. 375.
44. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 30. Д. 381.
45. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 30. Д. 366.
46. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 38. Д. 106.
47. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 38. Д. 56.
48. ГАКО. Ф. Р-3272. Оп. 2. Д. 535.
49. ГАКО. Ф. Р-3272. Оп. 2. Д. 108.
50. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 248.
51. ГАКО. Ф. Р-3272. Оп. 4. Д. 122.
52. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 2175.
53. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 266.

54. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 279.

55. ГАКО. Ф. Р-5006. Оп. 17. Д. 102.

А. А. Пчелинов-Образумов,
кандидат исторических наук,
Государственный архив Белгородской области

Т. В. Крылова,
Государственный архив Белгородской области

РЕФОРМИРОВАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНО- ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1954–1965 гг.

Аннотация. В статье рассматривается изменение административно-территориального устройства Белгородской области от момента ее образования (6 января 1954 г.) по 1965 г. (свертывание административно-территориальной реформы). В ходе исследования были проанализированы документы хранящегося в Государственном архиве Белгородской области фонда Р-141 «Администрация Белгородской области»: нормативные акты Президиума Верховного Совета РСФСР и Белгородского областного Совета депутатов трудящихся (облисполкома) об изменении границ и переименовании районов, передаче сельских Советов, смене статуса населенных пунктов, расширении черт городов и поселков.

Ключевые слова: Белгородская область, административно-территориальное деление, районы, сельские Советы, реформа 1962–1963 гг.

В начале 1950-х гг. в РСФСР и других республиках СССР проводилось разукрупнение существовавших административно-территориальных единиц. Указами Президиума Верховного Совета СССР от 6 и 7 января 1954 года в РСФСР были созданы 5 новых областей: Балашовская, Каменская, Липецкая, Арзамасская и Белгородская [1, с. 49, 50].

В состав образованной 6 января 1954 года Белгородской области вошел 31 район: 23 из Курской области (Белгородский, Беленихинский, Боброводворский, Большетроицкий, Борисовский, Валуйский, Великомихайловский, Волоконовский, Грайворонский, Ивнянский, Корочанский, Краснояружский, Микояновский, Новооскольский, Прохоровский, Ракитянский, Саженский, Скороднянский, Старооскольский, Томаровский, Уразовский, Чернянский, Шебекинский) и 8 из Воронежской (Алексеевский, Буденновский, Вейделевский, Никитовский, Ладомировский, Ровеньский, Уколовский, Шаталовский). Территория области составила 27 100 км², население 1 255 000 человек

(956 000 – сельские жители и 299 000 – жители городов). Кроме перечисленных 31 района, в Белгородскую область вошло 7 городов (Белгород, Старый Оскол, Новый Оскол, Валуйки, Шебекино, Грайворон, Короча), в том числе 2 города областного подчинения (Белгород и Старый Оскол), 5 рабочих поселков (Алексеевка, Губкин, Микояновка, Пролетарский, Соцгородок) и 602 сельских Совета [2, с. 99].

В реформировании административно-территориального устройства Белгородской области в рассматриваемый период можно условно выделить 2 этапа: 1954–1961 и 1962–1965 гг.

В 1954–1961 годах многие сельские Советы были объединены (укрупнены), переименованы. В этой связи Президиум Верховного Совета РСФСР принял Указы от 16 июня 1954 г. № 744/51 «Об объединении сельских Советов Белгородской области» и от 10 ноября 1955 г. № 744/33 «Об объединении некоторых сельских Советов Белгородской области». Постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР от 27 августа 1956 г. № 764 «О передаче некоторых вопросов административно-территориального деления РСФСР на разрешение исполнительных комитетов краевых, областных Советов депутатов трудящихся и Президиумов Верховных Советов автономных республик» все переименования, образование и ликвидация сельских и поселковых Советов стали проводиться исполкомом областного Совета депутатов трудящихся. В 1957–1959 гг. исполнительный комитет Белгородского областного Совета депутатов трудящихся принял ряд подобных решений. В результате к 1 января 1959 г. количество сельских Советов в районах Белгородской области сократилось с 602 до 360 [3, л. 35–44; 4, л. 84–85].

В 1959–1961 гг., в целом, был продолжен курс на сокращение количества сельских Советов. В этот период Белгородский облисполком принял свыше 20 подобных решений. Вместе с тем, принимаемые нормативные акты, нередко, носили непоследовательный и противоречивый характер – некоторые укрупненные сельсоветы через непродолжительное время вновь разукрупнялись, восстанавливались.

Параллельно в 1958–1961 гг. происходили переименование, изменение границ, ликвидация отдельных районов. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 8 января 1958 г. № 741/33 были переименованы:

Микояновский район и его центр – рабочий поселок Микояновка – в Октябрьский район и рабочий поселок (р. п.) Октябрьский соответственно;

Буденновский район и его центр – с. Буденное – в Красногвардейский район и с. Красногвардейское;

Ладомировский район и его центр – с. Шелякино – в Советский район и с. Советское соответственно;

Саженьский район в Гостищевский по районному центру – с. Гостищево;

Уколовский район в Красненский по районному центру – с. Красное [5, л. 1].

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 27 мая 1959 г. № 743/3 «О перенесении центра и переименовании Боброводворского района Белгородской области» г. Губкин, Лукьяновский, Салтыковский и Теплоколодезянский сельсоветы Старооскольского района были переданы в состав Боброводворского; районный центр перенесен из с. Боброводворское в г. Губкин; Боброводворский район переименован в Губкинский [6, л. 109].

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 1 апреля 1961 г. № 741/1 были ликвидированы Беленихинский и Советский районы. Беленихинский, Гнездиловский, Грязновский, Лучковский, Шаховский, Платавский, Покровский сельсоветы Беленихинского района вошли в состав Прохоровского района, Ржавецкий сельсовет Беленихинского района в состав Гостищевского района. Из упраздняемого Советского района Варваровский, Советский, Ладомировский сельсоветы были переданы в Алексеевский район, Масловский, Новоалександровский, Харьковский сельсоветы в Ровеньский район, Красненский сельсовет в Никитовский район, Жабский сельсовет – в Вейделевский район [7, л. 71; 8, л. 1].

4 апреля 1961 г. исполнительный комитет Белгородского областного Совета депутатов трудящихся принял решение № 182 «О передаче Ладомировского сельсовета Советского района в Ровеньский район», 8 апреля 1961 г. решение № 199 «О передаче Шаховского сельсовета Беленихинского района в состав Гостищевского района», 18 апреля 1961 г. № 234 «О передаче Лучковского сельского Совета Беленихинского района в состав Гостищевского района» [8, л. 3, 9, 88, 94].

В 1954–1961 гг. изменялся статус отдельных населенных пунктов, их административные границы (в том числе в связи с расширением городской черты или передачей в другой район). Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 19 августа 1954 года № 731/8 р. п. Алексеевка Алексеевского района был преобразован в город районного подчинения» [4, л. 34].

По Указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 23 декабря 1955 г. № 731/11 рабочий поселок Губкин Старооскольского района Белгородской области был преобразован в город районного подчинения [6, л. 91].

29 марта 1957 г. Белгородский облисполком принял решение № 188, в городскую черту Старого Оскола были включены населенные пункты: села Пушкарное и Стрелецкое, слободы Ламская и Троицкая Пушкарского сельсовета Старооскольского района; в состав Незнамовского сельсовета – х. Бор и Прогори Пушкарского сельсовета, х. Ильины Пушкарского сельского Совета – в состав Котовского сельсовета [9, л. 122].

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 14 августа 1957 г. № 751/9 «О расширении городской черты города Белгорода Белгородской области» населенные пункты Супруновка, Михайловка и часть с. Пушкарное Белгородского района были включены в черту Белгорода [10, л. 99].

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 марта 1958 г. № 745/8 село Красная Яруга было преобразовано в рабочий поселок. В административное подчинение ему были переданы населенные пункты: х. Красноорловский, Гонтаревский, Павловский, Станичный и Новая Деревня, д. Отрадовка; упразднен Краснояружский сельсовет и образован Краснояружский поселковый Совет депутатов трудящихся [11, л. 226].

Решением исполкома Белгородского областного Совета депутатов трудящихся от 28 апреля 1958 г. слобода Чернянка была преобразована в рабочий поселок; Чернянский сельсовет – в Чернянский поселковый Совет, в административное подчинение Чернянского поссовета были переданы населенные пункты: с. Морквино, х. Заречное, х. Раевка [12, л. 276].

Решением Белгородского облисполкома от 17 октября 1958 г. в городскую черту Шебекино официально были включены поселок Шебекинской ремонтно-тракторной станции (бывшей МТС) и территория кирпичного завода [13, л. 224].

Решением исполкома Белгородского областного Совета депутатов трудящихся от 28 апреля 1958 г. № 228 «О расширении городской черты города Нового Оскола» в городскую черту г. Нового Оскола были включены населенные пункты: Михайловка и Стрелецкая Михайловского сельсовета; Ливенская, Рождественка, Свистовка и Заольхи Ливенского сельсовета Новооскольского района [12, л. 277].

Решением исполкома Белгородского областного Совета депутатов трудящихся от 22 июня 1959 г. № 373 слобода Борисовка отнесена к категории рабочих поселков; Октябрьский сельсовет Борисовского района преобразован в Борисовский поссовет [14, л. 105].

Решением исполкома Белгородского областного Совета депутатов трудящихся от 22 июня 1959 г. № 375 село Яковлево Томаровского района отнесено к категории рабочих поселков и Яковлевский сельсовет преобразован в поссовет [14, л. 107].

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 7 марта 1960 г. № 762/1 Губкин был отнесен к категории городов областного подчинения, а Губкинский городской и районный Совет объединены [15, л. 19].

Решением исполкома Белгородского областного Совета депутатов трудящихся от 1 апреля 1960 г. № 208 «Об отнесении поселка строителей треста «Белгородрудстрой» Томаровского района к категории рабочих поселков и образовании поселкового Совета» рабочему поселку присвоено наименование Строитель и образован поссовет [16, л. 227].

Решением исполкома Белгородского областного Совета депутатов трудящихся от 10 июня 1960 г. № 356 «Об отнесении поселка, выстроенного комбинатом «КМАруда» на территории Лукьяновского сельсовета Губкинского района, к категории рабочих поселков» Лукьяновский сельсовет преобразован в Лебединский поссовет депутатов трудящихся. В его административном подчинении остались все населенные пункты, входившие в состав Лукьяновского сельского Совета [17, л. 36].

Решением Белгородского облисполкома от 26 октября 1960 г. в черту города Шебекино были включены село Титовка и урочище Титовский бор [18, л. 53].

Решением исполкома Белгородского областного Совета депутатов трудящихся от 22 ноября 1961 г. № 821 «Об отнесении села Волоконовка Волоконовского района к категории рабочих поселков» Волоконовский сельсовет был преобразован в Волоконовский поссовет [19, л. 320].

В ноябре 1962 г. в СССР по инициативе Н. С. Хрущева было начато проведение новой административно-территориальной реформы. В ходе нее были значительно укрупнены административные образования в составе регионов с образованием в них промышленных и сельских районов. 8 декабря 1962 года на восьмой сессии Белгородского областного Совета депутатов трудящихся (восьмого созыва) были образованы: исполнительный комитет (сельского) областного Совета депутатов трудящихся и исполнительный комитет (промышленного) Совета депутатов трудящихся.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 1 февраля 1963 г. «Об укрупнении сельских районов образованием промышленных районов и городов Белгородской области» исполкомы областного (сельского) и областного (промышленного) Советов депутатов приняли решение от 8 июля 1963 г. № 407 «О составе сельских и Грайворонского промышленного районов Белгородской области». Были ликвидированы Большетроицкий, Великомихайловский, Волоконовский, Гостищевский, Губкинский, Ивнянский, Красненский, Красногвардейский, Краснояружский, Никитовский, Октябрьский, Ровеньский, Скороднянский, Томаровский, Уразовский, Чернянский, Шаталовский и созданы 11 сельских районов и 1 промышленный [20, л. 100, 101].

В Алексеевский сельский район были включены сельские Советы бывшего Алексеевского района (центр – г. Алексеевка), бывшего Красненского района, Валуйанский, Верхнепокровский, Засосенский, Красногвардейский, Марьевский, Стрелецкий, Утянский и Новохуторной сельские Советы бывшего Красногвардейского района, Жуковский и Красненский сельские Советы бывшего Никитовского района.

В Белгородский сельский район (центр – г. Белгород) вошли сельские Советы бывшего Белгородского района, бывшего Гостищевского района, бывшего Октябрьского района и рабочий поселок Октябрьский.

В Борисовский сельский район (центр – р.п. Борисовка) были включены сельские Советы бывших Борисовского, Грайворонского, Томаровского районов и рабочий поселок Борисовка.

В Валуйский сельский район (центр – г. Валуйки) вошли сельские Советы бывших Валуйского, Волоконовского, Уразовского районов, Арнаутовский, Валуйчанский, Ливенский, Никитовский, Палатовский и Самаринский сельские Советы бывшего Никитовского района.

В Вейделевский сельский район (центр – с. Вейделевка) вошли сельские Советы бывших Вейделевского и Ровеньского районов, Должанский и Малакеевский сельские Советы бывшего Никитовского района.

В Корочанский сельский район (центр – г. Короча) были включены сельские Советы бывших Корочанского и Великомихайловского районов и город Короча.

В Новооскольский сельский район (центр – г. Новый Оскол) вошли сельские Советы бывших Новооскольского и Чернянского районов, Веселовский и Верхососенский сельские Советы бывшего Красногвардейского района, город Новый Оскол и рабочий поселок Чернянка.

В Прохоровский сельский район (центр – п. Александровский) были включены сельские Советы бывшего Прохоровского района, Вязовский, Истобнянский, Коломыщевский, Корочковский, Кривошеевский, Никоновский, Петровский, Скороднянский, Толстянский, Уколовский, Чуевский, Холоднянский, Юрьевский сельские Советы бывшего Скороднянского района.

В Ракитянский сельский район (центр – с. Ракитное) вошли сельские Советы бывших Ракитянского, Ивнянского, Краснояружского районов.

В Старооскольский сельский район (центр – г. Старый Оскол) были включены сельские Советы бывших Старооскольского, Губкинского и Шаталовского районов, Коньшинский и Мелавский сельские Советы бывшего Скороднянского района.

В Шебекинский сельский район (центр – г. Шебекино) вошли сельские Советы бывших Шебекинского и Большетроицкого районов.

В Грайворонский промышленный район были включены рабочие поселки Пролетарский, Строитель, Яковлево и Красная Яруга. В подчинение Валуйского городского Совета депутатов трудящихся были переданы поселковые Советы рабочих поселков Соцгородок и Волоконовка.

Однако в скором времени начался пересмотр административно-территориальной реформы, показавшей свою неэффективность (новые районы были громоздки, а областные структуры дублировали друг друга). Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 марта 1964 г. № 741/19 «Об образовании Ивнянского и Красногвардейского сельских районов Белгородской области» и на основании решения исполкома

Белгородского областного (сельского) Совета депутатов трудящихся от 7 февраля 1964 г. № 104 были созданы Ивнянский (центр – п. Ивня) и Красногвардейский (центр – с. Красногвардейское) сельские районы [21, л. 56; 22, л. 122].

После отстранения от власти Н. С. Хрущева реформа была окончательно свернута. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 января 1965 г. № 741/21 и на основании решения Белгородского областного Совета депутатов трудящихся от 22 декабря 1964 года № 1 «Об образовании единых районов Белгородской области» вместо существующих сельских и промышленных районов образованы следующие единые районы: Алексеевский, Белгородский, Борисовский, Валуйский, Вейделевский, Волоконовский, Губкинский, Ивнянский, Корочанский, Красногвардейский, Новооскольский, Прохоровский, Ракитянский, Ровеньский, Старооскольский, Чернянский, Шебекинский, Яковлевский. В решении Белгородского областного Совета депутатов трудящихся от 12 января 1965 г. № 5 «О составе Волоконовского, Губкинского, Ровеньского, Чернянского, Яковлевского и изменениях в составе отдельных районов области» был уточнен состав районов Белгородской области [23, л. 39; 24, л. 11, 12].

Одновременно продолжалось реформирование административно-территориального деления на «низовом» уровне. В апреле 1962 г. Белгородский облисполком принял решения «Об образовании Голофеевского сельского Совета и изменении административно-территориального деления Борисовского и Погромского сельских Советов Волоконовского района» и «Об объединении Матрено-Гезовского и Мухо-Удировского сельских Советов в один Мухо-Удировский сельский Совет Алексеевского района» [25, л. 127].

В мае 1963 г. решениями исполнительного комитета Белгородского областного (сельского) Совета депутатов трудящихся был переименован ряд сельсоветов в Алексеевском, Белгородском и Ракитянском районах, с. Теплый Колодезь передано в подчинение Губкинскому райсовету; х. Троицкий и с. Теплый Колодезь в состав Казацкостепьского сельсовета Губкинского района [26, л. 360].

В июле 1964 г. решением Белгородского облисполкома были изменены границы Вейделевского и Закутчанского сельских Советов Вейделевского района и переименован в Курбаковский Банкинский сельсовет того же района [27, л. 71].

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 октября 1964 г. № 751/4 «О расширении городской черты города Белгорода Белгородской области» в городскую черту города Белгорода включены населенные пункты Белгородского сельского района: Старый Город, Кашары, Покровка, Гриневка, части сел Пушкарное и Красное [28, л. 101].

12 января 1965 г. исполнительный комитет Белгородского областного Совета депутатов трудящихся принял решения об упразднении

Старогородского сельсовета Белгородского района и включении в состав Покровского сельского Совета населенных пунктов Алексеевка, Новоселовка и Успенка Волоконовского района. А в августе 1965 г. были изменены границы Курасовского и Новенского сельских Советов Ивнянского района [24, л. 20; 29, л. 393].

Решением исполкома Белгородского областного Совета депутатов трудящихся от 20 января 1965 г. № 13 включены в городскую черту города Старый Оскол: Гумны и Ямская Гуменского сельсовета, Казацкая, Ездоцкая и поселок Углы Казацкого сельсовета, п. Канатная фабрика и часть с. Каплино (бывший х. Макурьевка) Каплинского сельсовета Старооскольского района; упразднены Гуменский и Казацкий сельсоветы Старооскольского района; образован Песчанский сельсовет (центр с. Песчаное); в его состав вошли села: Песчанка, Николаевка Первая, Николаевка Вторая, Бродок, Стойло и Новоселовка бывшего Казацкого сельсовета; с. Соковое бывшего Гуменского сельсовета Старооскольского района [24, л. 25].

В 1954–1965 гг. административно-территориальное устройство Белгородской области подверглось наибольшему пересмотру за весь период существования региона, почти в 2 раза сократилось число сельских Советов: с 602 (1954 г.) до 328 (на 1 января 1972 г.). В результате преобразований в 1965 году, в основном, сложилась районная сеть Белгородчины – 18 районов (только в 1989–1991 гг. к ним добавилось еще три района).

Источники и литература

1. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956.
2. Административно-территориальное деление Белгородского края: конец XVI – начало XXI вв. Справочник. Белгород: Эллада, 2011.
3. Государственный архив Белгородской области (далее – ГАБО). Ф. Р-141. Оп. 7а. Д. 6а.
4. ГАБО. Ф. Р-141. Оп. 7а. Д. 19а.
5. ГАБО. Ф. Р-141. Оп. 7а. Д. 67а.
6. ГАБО. Ф. Р-141. Оп. 7а. Д. 91а.
7. ГАБО. Ф. Р-141. Оп. 7а. Д. 139.
8. ГАБО. Ф. Р-141. Оп. 5. Д. 407.
9. ГАБО. Ф. Р-141. Оп. 3. Д. 118.
10. ГАБО. Ф. Р-141. Оп. 7а. Д. 45а.
11. ГАБО. Ф. Р-141. Оп. 5. Д. 57.
12. ГАБО. Ф. Р-141. Оп. 5. Д. 59.
13. ГАБО. Ф. Р-141. Оп. 5. Д. 64.
14. ГАБО. Ф. Р-141. Оп. 5. Д. 157.
15. ГАБО. Ф. Р-141. Оп. 7а. Д. 117.
16. ГАБО. Ф. Р-141. Оп. 5. Д. 331.
17. ГАБО. Ф. Р-141. Оп. 5. Д. 305.
18. ГАБО. Ф. Р-141. Оп. 5. Д. 336.
19. ГАБО. Ф. Р-141. Оп. 5. Д. 446.

20. ГАБО. Ф. Р-141. Оп. 5. Д. 819.
21. ГАБО. Ф. Р-141. Оп. 7а. Д. 185.
22. ГАБО. Ф. Р-141. Оп. 5. Д. 908.
23. ГАБО. Ф. Р-141. Оп. 7а. Д. 202.
24. ГАБО. Ф. Р-141. Оп. 5. Д. 1020.
25. ГАБО. Ф. Р-141. Оп. 5. Д. 525.
26. ГАБО. Ф. Р-141. Оп. 5. Д. 534.
27. ГАБО. Ф. Р-141. Оп. 5. Д. 921.
28. ГАБО. Ф. Р-141. Оп. 7а. Д. 185.
29. ГАБО. Ф. Р-141. Оп. 5. Д. 1050.

А. А. Сойников,
доктор исторических наук,
Курский государственный университет

**РЕФОРМИРОВАНИЕ СРЕДНЕЙ СПЕЦИАЛЬНОЙ
ГУМАНИТАРНОЙ ШКОЛЫ РОССИИ
(КОНЕЦ 1950-х – 1960-е гг.)**

Аннотация. В статье анализируется процесс реформирования средней специальной гуманитарной школы России в конце 1950-х – 1960-е гг. Раскрываются особенности реформы среднего специального гуманитарного образования конца 1950-х – начала 1960-х гг., его перестройки 1964–1965 гг., рассматриваются последствия отказа от реформирования подготовки кадров средней квалификации гуманитарного профиля в 1970 г.

Ключевые слова: реформа, средняя специальная гуманитарная школа, РСФСР.

Реформы конца 1950-х – начала 1960-х гг. при всей их непоследовательности и противоречивости способствовали формированию новой социокультурной ситуации. Одной из ее характерных черт стал рост социальной активности людей, имевший следствием переориентацию ценностей и появление новых духовных потребностей. Следует отметить и рост образовательного уровня населения. В 1960 г. в народном хозяйстве РСФСР работало 5 331 тыс. человек с высшим и средним специальными образованием. По сравнению с 1941 г. их количество выросло в 3,7 раза [1, с. 29]. Эпоха научно-технической революции требовала резкого увеличения числа специалистов. Позитивные сдвиги намечались в демографической ситуации.

Указанные причины во многом обусловили пересмотр задач государственной образовательной. В декабре 1958 г. был принят Закон СССР «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», который на долгие годы определил основные тенденции развития отечественного образования.

Основной целью реформа провозгласила улучшение качества подготовки специалистов на основе тесной связи обучения с производительным трудом.

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. в РСФСР складывается напряженная ситуация с подготовкой специалистов со средним специальным гуманитарным образованием: учителей, бухгалтеров, работников культуры и искусства, юристов и т.д. Во-первых, требовались новые подходы к их обучению и воспитанию в техникумах и училищах. Во-вторых, серьезную озабоченность властных структур вызывало обеспечение данными специалистами практически все сфер жизни общества. Так, на селе 42,1 % клубных работников не имели общего среднего образования [2, л. 6, 7, 13; 3, л. 186, 187]. На 1961–1970 гг. прогнозировалась потребность в 136 тыс. учителей начальных классов и 90–95 тыс. воспитателей [4, л. 2]. В специалистах со средним специальным гуманитарным образованием нуждались профессиональные театры, детские музыкальные и художественные школы. А, например, потребность в юристах средней квалификации даже не изучалась, не существовало и перечня должностей. У 59 % председателей правлений райпотребсоюзов и сельских потребительских обществ отсутствовало специальное образование [5, л. 12, 14]. На промышленных предприятиях работало 36,4 % специалистов с высшим экономическим образованием и 31,6 % со средним специальным. Только в 249 колхозах были специалисты с экономическим образованием [6, л. 26, 27, 28]. Поэтому одной из первоочередных задач высшие органы власти и управления считали увеличение количества специалистов средней квалификации гуманитарного профиля.

В 1959–1962 гг. была осуществлена реформа средней специальной гуманитарной школы. Прежде всего совершенствовалась нормативно-правовое обеспечение деятельности техникумов и училищ. Постановления правительства СССР ввели льготы для лиц, обучающихся без отрыва от производства, установили порядок направления промышленными предприятиями, совхозами и колхозами работающей молодежи на обучение в техникумы и училища [7, с. 76–77, 115–117]. Министерством высшего и среднего специального образования СССР были утверждены положения об филиале, учебно-консультативном пункте среднего специального учебного заведения, распределении молодых специалистов, единые правила приема и другие документы. Увеличилась сеть техникумов и училищ, количество специальностей, вводились новые учебные планы и программы. Стали восстанавливать среднее педагогическое образование, началось развитие среднего юридического и театрального. При этом основное внимание уделялось развитию вечерней и заочной формам подготовки кадров.

Вместе с тем в процессе реформирования среднего специального гуманитарного образования были допущены просчеты. Прежде всего,

качество подготовки кадров, особенно на вечерних и заочных отделениях, не соответствовало по ряду параметров предъявляемым требованиям. Особенно это относилось к вечерней и заочным формам обучения. Причинами такого положения были недостаточное обеспечение финансовыми и материально-техническими ресурсами, весьма слабая учебно-материальная база многих учебных заведений, отсутствие квалифицированных педагогов по многим специальностям, системы повышения квалификации преподавателей растянутые сроки обучения. Еще одной проблемой были упущения министерств и ведомств в сфере управления подведомственными техникумами и училищами. Например, Совет Министров РСФСР неоднократно отмечал недостаточную организаторскую работу Министерства просвещения РСФСР, а также тех министерств и ведомств, которые ведали подготовкой кадров средней квалификации экономического профиля [6, л. 1–2, 40; 8, л. 34, 46]. Поэтому уже в ходе реформирования средней специальной гуманитарной школы партийно-государственные органы стали вносить коррективы.

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию высшего и среднего специального образования, улучшению подготовки и использования специалистов» (май 1963 г.) основной упор по-прежнему делало на количественные показатели подготовки кадров средней квалификации. В нем предусматривалось внесение изменений в перечень специальностей с целью обучения по узкому профилю. Также корректировке подлежала подготовка кадров в музыкальных училищах. Недельная нагрузка учащихся средних специальных учебных заведений на дневных отделениях устанавливалась в объеме не свыше 36 часов. Однако в постановлении содержалось необоснованное утверждение о том, что подготовка кадров в области культуры и искусства опережает действительные потребности [9, с. 344–351]. По причине неблагоприятной экономической ситуации начала 1960-х гг. ряд решений, обозначенных в постановлении, выполнить не удалось. Это относилось к развитию учебно-материальной базы техникумов и училищ, созданию системы повышения квалификации преподавателей, увеличению выпуска учебно-методической литературы и т.д.

Во второй половине 1963 – начале 1964 гг. министерства высшего и среднего специального образования СССР и союзных республик совместно с отраслевыми министерствами и ведомствами провели мониторинг состояния среднего специального образования. По его итогам был сделан вывод о необходимости осуществления очередной перестройки организации и содержания подготовки кадров средней квалификации. В мае 1964 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О сроках подготовки и улучшении использования специалистов с высшим и средним специальным образованием», на основании которого были сокращены сроки обучения в средних специальных учебных заведениях [10]. Сроки обучения на дневных отделениях сократились до

трех лет на базе 8–9 классов и двух лет четырех месяцев на базе средней школы. В 1965 г. Министерство высшего и среднего специального образования СССР ввело новые учебные планы по всем специальностям, а министерства и ведомства пересмотрели учебные программы. В январе 1966 г. по причине упразднения советов народного хозяйства, принадлежавшие им техникумы передали в непосредственное подчинение отраслевых министерств и ведомств [11, л. 22, 25].

В конце 1960-х гг. ситуация с кадрами со средним специальным гуманитарным образованием в РСФСР, как и в СССР, по-прежнему оставалась напряженной. С 1960 по 1970 г. средние специальные гуманитарные учебные заведения РСФСР подготовили 1271,8 тыс. человек, из них по группам специальностей «Экономика» – 663,5 тыс., «Право» – 1,9 тыс., «Просвещение» – 518,3 тыс., «Искусство» – 88,1 тыс. [12]. При этом удалось обеспечить учителями начальные школы. Оставались нерешенными задачи насыщения кадрами средней квалификации детских дошкольных учреждений, клубов, домов культуры, библиотек, особенно в сельской местности, а также отраслей народного хозяйства специалистами финансово-экономического профиля. В среднем потребности в специалистах гуманитарного профиля удовлетворялись по РСФСР на 50–55 % [13, л. 161]. Оставались во многом нерешенными проблемы организации и содержания обучения специалистов в техникумах и училищах, состояния материальной базы учебных заведений, улучшения качественного состава преподавательских кадров и т. д.

Поэтому ЦК КПСС и Совет Министров СССР в конце 1960-х гг. поручили Министерству высшего и среднего специального образования СССР подготовить концептуальные предложения по совершенствованию системы среднего специального образования. Обсуждение рабочих материалов о развитии средней специальной школы происходило на совещании в Министерстве высшего и среднего специального образования СССР в июне 1970 г. На нем обсуждались вопросы совершенствования системы управления средними специальными учебными заведениями, качества обучения, организации приема, повышения престижа техникумов и училищ, подготовки преподавателей по специальным дисциплинам. Участники совещания предлагали осуществить переход на образовательно-профессиональные программы повышения уровня сложности, что означало радикальное реформирование среднего специального образования [14, л. 5–29, 33–34]. Однако в ЦК КПСС и Совете Министров СССР признали несвоевременным и нецелесообразным осуществление подобных новаций. Упор был сделан на подготовку кадров средней квалификации по новым направлениям с учетом завершения перехода ко всеобщему среднему образованию молодежи [15, с. 235].

Материалы совещания 1970 г. нашли частичное отражение в постановлении ЦК КПСС «Об улучшении экономического образования

трудящихся» (август 1971 г.), постановлениях ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению материальных и жилищно-бытовых условий студентов высших и учащихся средних специальных заведений» (октябрь 1971 г.) и «Об улучшении правовой работы в народном хозяйстве» (декабрь 1971 г.) [16, с. 317–322, 498–505; 17, с. 157–159].

Какие последствия имел отказ высших партийно-государственных органов от кардинальной реформы средней специальной гуманитарной школы на рубеже 1960-х–1970-х гг.? Прежде всего, она не смогла выйти на новый рубеж развития и оказалась в итоге в состоянии стагнации. Высказанные тогда идеи начали осуществляться только в конце 1980-х гг., и в условиях нарастания кризиса общества и государства не могли в полной мере быть реализованы.

Источники и литература

1. Среднее специальное образование в СССР: стат. сб. М., 1962.
2. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А-501. Оп. 1. Д. 3293.
3. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 34. Д. 119.
4. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 556. Оп. 16. Д. 62.
5. ГАРФ. Ф. А-506. Оп. 2. Д. 1356.
6. ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 42. Д. 9649.
7. Александров И.В., Леон Э.Л. Среднее специальное образование (техникумы, училища, школы): сб. руков. материалов. М., 1963.
8. ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 42. Д. 7786.
9. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (далее – КПСС в резолюциях...). 9-е изд., доп. и испр. М., 1986. Т. 10.
10. КПСС. ЦК. О сроках подготовки и улучшении использования специалистов с высшим и средним специальным образованием: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 21 мая 1964 г. М., 1965.
11. РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 16. Д. 115.
12. Подсчитано автором на основании: статистические ежегодники «Народное хозяйство РСФСР» за 1961–1971 гг.
13. ГАРФ. Ф. А-605. Оп. 1. Д. 4109.
14. ГАРФ. Ф. Р-9606. Оп. 1. Д. 4272.
15. XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. 30 марта – 3 апреля 1971г.: стеногр. отчет: в 2 т. М., 1971. Т. 2.
16. КПСС в резолюциях... 8-е изд., доп. и испр. М., 1972. Т. 10.
17. КПСС в резолюциях... 9-е изд., доп. и испр. М., 1986. Т. 12.

М. В. Шкаровский,
доктор исторических наук,
Центральный государственный архив Санкт-Петербурга

ВЛИЯНИЕ ХРУЩЕВСКИХ РЕФОРМ НА РЕЛИГИОЗНУЮ ЖИЗНЬ СССР

Аннотация. В 1958–1964 гг. руководство СССР активно проводило антирелигиозную политику. В это время основными направлениями давления на Церковь были: резкое сокращение количества приходов и монастырей; подрыв их материальной базы; ликвидация духовных учебных заведений; изменение положения об управлении Церковью, жесткий контроль над кадровой политикой Московской Патриархии; давление на различные категории верующих с целью помешать им посещать храмы. Значительное внимание уделялось атеистической работе, в ней появилось стремление к научному подходу (создание специальных институтов, изданий), вводились элементы новой обрядности, к антирелигиозной агитации привлекали отрекшихся от сана священников и т. п. Однако в конечном итоге это не привело власти к успеху.

Ключевые слова: реформы, Н. С. Хрущев, антирелигиозные гонения, Русская православная церковь.

Так называемые хрущевские реформы, хотя и не сразу, негативно отразились на религиозной жизни СССР. Первоначально развернувшийся в середине 1950-х гг. процесс либерализации, развенчания сталинизма, расширения возможностей духовной жизни не мог не сказаться благотворно на положении Русской православной церкви. Стали выпускать на свободу выживших в лагерях и тюрьмах священнослужителей, вначале по амнистии, а затем и по реабилитации. В 1955 г. даже впервые после длительного перерыва была зарегистрирована 41 новая церковь [1, л. 174–175].

В конце 1950-х гг. религиозная политика руководства СССР резко ужесточилась, начался период так называемых «хрущевских гонений» на религиозные организации. В это время основными направлениями государственного давления на деятельность Русской православной церкви были: 1) резкое сокращение количества приходов и монастырей; 2) подрыв их материально-финансовой базы; 3) ликвидация духовных учебных заведений; 4) изменение положения об управлении Церковью, жесткий контроль над кадровой политикой Патриархии; 5) давление на различные категории верующих, вплоть до полного запрещения некоторым из них (подростки, военнослужащие и т. д.) посещать храмы.

В СССР уже имелся опыт массовых антирелигиозных кампаний 1920-х – 1930-х гг. Он был учтен при переходе в очередное открытое наступление на религию, но уже на новой идеологической основе и в

новых политических условиях. Сходство прежней и нынешней политики заключалось в стремлении ликвидировать Церковь как сколько-нибудь значимый общественный институт, вытеснить из общественной жизни страны. В то же время, в 1930-е гг. официально никогда не ставилась цель полностью уничтожить ее, искоренить религию в стране, как это было в начале 1960-х гг. Хотя в период «большого террора» отношение к Церкви определялось на базе видения ее в качестве «классового врага» и даже «шпионской, фашистской агентуры», в борьбе с ней власти руководствовались прежде всего практическими целями укрепления существующего тоталитарного режима, уничтожения потенциально опасной оппозиции. Ко времени оттепели образ Церкви как классового врага был в основном уже давно преодолен, но его заменило видение религиозных организаций как реакционного, «идеологически чуждого» социализму и коммунизму явления. Теперь преследовались в первую очередь идеологические цели, что повлияло и на методы борьбы.

Значительно больше внимания стало уделяться пропагандистской, атеистической работе, причем в ней гораздо ярче проявлялось стремление к научному подходу (создание специальных институтов, изданий). Кроме того, вводились элементы новой обрядности, к антирелигиозной агитации активно привлекали ренегатов – отрекшихся от сана священников (всего около 200), что почти отсутствовало в 1930-е гг., и т. п. Однако с самого начала было совершенно очевидно, что достичь отмирания религии без прямого государственного вмешательства в жизнедеятельность Церкви невозможно. По сравнению с 1930-ми гг. набор внешних, административно-репрессивных методов воздействия был гораздо более ограниченным. О массовых репрессиях духовенства уже быть не могло и речи. Конечно, от администрирования не отказались, но теперь появилась принципиально новая политика разложения Церкви «изнутри», проведение ограничительных мероприятий там, где это возможно, руками самой Патриархии. Впервые начала осуществляться целенаправленная массовая кадровая селекция духовенства, происходило вмешательство в богослужебную практику, попрание канонических принципов церковной жизни и т.д. Контроль за церковной деятельностью достиг максимальных размеров. Это обеспечивалось существованием специального государственного органа – Совета по делам Русской православной церкви, во многом управлявшего Патриархией, через который можно было действовать под маской законности. Органы госбезопасности, всемогущие в 1930-е гг., отошли «в тень», предпочитая добиваться своих целей опосредованно.

В то же время на антицерковную политику сильное влияние оказывало международное положение СССР. Советское государство возглавляло лагерь стран социализма, входило в ООН, и его руководство было вынуждено считаться с мировым общественным мнением. Поэтому большее значение придавалось идеологическому камуфляжу

антирелигиозных акций. На различных уровнях официально неустанно заявляли, что в СССР существует полная свобода вероисповедания. Завеса «хрущевской либерализации» позволяла долгое время держать в заблуждении мировую общественность. Но, в конце концов, к середине 1960-х гг. для многих «тайное начало становится явным» и голословно отрицать гонения на веру уже было невозможно. Кроме того, международная ситуация в 1950-х – 1960-х гг. складывалась так, что государство не могло обойтись без Церкви в решении ряда существенных внешнеполитических вопросов. И это также приходилось учитывать при планировании антирелигиозных кампаний.

Важным этапом был состоявшийся в октябре 1961 г. XXII съезд партии. Он значительно расширил антирелигиозное наступление, подняв его на новую ступень большей интенсивности и нетерпимости принятием Программы КПСС, провозгласившей построение коммунизма в основном за 20 лет. Во всех своих докладах и выступлениях на съезде Н. Хрущев чрезвычайно актуализировал задачи борьбы с религией. Лидер партии настаивал на организации атеистической работы среди всего населения страны, в том числе и среди верующих. Съезд внес в Устав КПСС категоричную формулировку, обязывавшую члена партии «вести решительную борьбу с религиозными предрассудками». Естественно, что в казавшееся таким близким коммунистическое общество Церковь никак не вписывалась. Печально известно обещание Н. Хрущева как музейную редкость показать по телевидению «последнего советского попа» [2, с. 135]. Здесь явно сказались свойственное Первому секретарю нежелание считаться с действительностью, хотя особенной ненависти к Церкви он, вероятно, не испытывал.

Некоторые другие руководители партии отличались большей нетерпимостью. Особенное неистовство в борьбе с религией проявлял секретарь ЦК Л. Ильичев. Н. Хрущев впоследствии отмечал, что тому был нужен «пропуск в Политбюро», поэтому он и старался со всякого рода шумными пропагандистскими кампаниями [3, с. 349]. Так, в декабре 1961 г. на Всесоюзном совещании по идеологическим вопросам Ильичев утверждал, что формирование научного мировоззрения и коммунистической морали немислимо без борьбы с религиозной идеологией.

6 июля 1962 г. появились два постановления ЦК КПСС, адресованных руководству Минского и Куйбышевского обкомов с призывом их к ответу за недостаточно активную антицерковную работу. Основной акцент был сделан на прекращении распространения религиозных идей среди детей и молодежи. На XIV съезде ВЛКСМ (апрель 1962 г.) также заявлялось, что «свобода совести не распространяется на детей, и ни один родитель не имеет права калечить свое дитя духовно». Вскоре главный печатный орган юристов СССР «Советское право» подвел законные основания: родители могут быть

лишены прав на своих детей государством, так как они государством и дарованы. Матерей начали вызывать в школу или милицию и предлагать им под угрозой принудительной передачи детей в интернат прекратить посещение храма. Практически повсеместно были предприняты попытки не пускать в церкви, в том числе с помощью дружинников, милиции, детей от 4 до 18 лет. Некоторых архиереев, например, Минского митрополита, удалось «убедить» издать соответствующие указы духовенству. Естественно, что верующие ответили массовым сопротивлением. Своеобразный аспект антирелигиозной кампании обнаружился в феврале 1962 г. на Всесоюзной конференции по научно-атеистической пропаганде. На ней господствовало мнение, что «религиозные обычаи и традиции следует вытеснять новыми праздниками и ритуалами для удовлетворения эстетических и эмоциональных потребностей верующих». 25 августа 1962 г. соответствующее решение приняло бюро ЦК КПСС по РСФСР [4, л. 21].

Фактически это означало возрождение среди советских атеистов замаскированных идей богостроительства 1920-х гг. В печати начали появляться предложения о введении псевдорелигиозных ритуалов, которые бы при помощи определенных символов устанавливали мистическую связь людей с обещанным коммунистическим обществом будущего. Заявлялось, что будут построены специальные храмы с символическими украшениями, прославляющими коммунизм как высшее достижение человеческого ума, и т. д. Еще с конца 1950-х гг. вводились торжественные ритуалы бракосочетания, регистрации рождения ребенка, вручения паспортов подросткам, «гражданские панихиды». Однако они не получили распространения по всей России; в тех же городах, где советские обряды становились относительно массовыми, их постигала участь многих других «общественных начинаний» – превращение в серые, казенные, скучные мероприятия.

После временной «передышки» в 1964 г. был развернут последний, но, вероятно, самый ожесточенный этап наступления на Церковь в СССР. Намеченный срок построения коммунизма приближался, а заметного прогресса с преодолением «религиозных пережитков» в сознании людей не наблюдалось. В июне 1963 г. состоялся пленум ЦК КПСС, целиком посвященный задачам идеологической работы партии. С докладом выступал Л. Ильичев, претендовавший на пост «главного идеолога». Располагая поддержкой Н. Хрущева, он намеревался, сместив М. Сулова, занять в Президиуме ЦК его место. Секретарь ЦК заявлял, что «религиозный опиум» – одна из крайних форм буржуазной идеологии, главный противник научного мировоззрения и необходимо нанести удар по «пережиткам прошлого». Пленум обязал все партийные и советские организации добиваться быстрейшего освобождения советских людей от них. Внутриполитическое положение в стране в тот период было сложным и, возможно, часть руководства КПСС решила переключить внимание

партии и народа на борьбу с «враждебными элементами» [5, с. 8, 9, 21–26, 46].

10 ноября 1963 г. председатель КГБ В. Семичастный представил в ЦК КПСС обширную справку о негативной деятельности церковников и сектантов, которые «оказывают серьезное реакционное, а в ряде случаев враждебное влияние на определенную часть населения, мешают делу идеологического воспитания трудящихся». Через пару недель факты из нее уже использовались как главные аргументы в докладе Л. Ильичева на расширенном заседании Идеологической комиссии при ЦК КПСС. По указанию Н. Хрущева комиссией были приняты грандиозные «Мероприятия по усилению атеистического воспитания населения». Оформленные 2 января 1964 г. как постановление ЦК, эти мероприятия стали «государственным планом преодоления религиозного сознания масс». Документ имел характер тотального наступления на Церковь. В своей программной статье в январском номере журнала «Коммунист» Л. Ильичев еще более усилил зловещий смысл постановления. Перед партийными организациями фактически ставилась утопическая задача через 12–17 лет в соответствии с Программой КПСС полностью освободить сознание людей от религиозных предрассудков. Секретарь ЦК «предал анафеме» 1943–1953 гг. относительной терпимости, считал это неправильным пониманием со стороны Сталина «ленинской законности», так что растущие преследования были представлены как возвращение к советской «законности» [6, с. 24].

Антирелигиозная истерия захлестнула страну. В вузах в качестве обязательного или факультативного курса были введены «Основы научного атеизма», значительно усилилась антицерковная направленность школьных программ, в Академии общественных наук при ЦК КПСС появился Институт научного атеизма. В Центральном доме литераторов 18 марта провели встречу писателей с учеными на тему «Наука, литература и искусство – против религии», и уже 25 августа секретарь правления Союза писателей К. Воронков докладывал в ЦК, что в ближайшие месяцы выйдет более 40 литературно-художественных атеистических произведений. Как обычно, в первых рядах безбожников шел комсомол, в июле 1964 г. ЦК ВЛКСМ предлагал партийному руководству запретить любую деятельность церковников по приобщению к религии детей и подростков, установив за нее уголовную ответственность. Во главе этой кампании стоял идеологический отдел ЦК КПСС, и у некоторых его работников появилась идея создать сектор по делам атеизма и религии, то есть специальный партийный орган, который бы добивал Церковь [7, л. 58].

Подобный ожесточенный «штурм небес» вызывал неодобрение даже в некоторых государственных организациях, несогласных с его явными «перегибами». Естественно, что новое небывалое наступление на Церковь вызвало массовое возмущение и сопротивление духовенства и мирян.

Поэтому после смещения Н. С. Хрущева с его поста Первого секретаря ЦК КПСС в октябре 1964 г. антирелигиозная кампания фактически сразу же была прекращена. В православных храмах самочинно прекращали жесткий контроль за совершением обрядов, резко выросло количество треб [8, л. 34]. Результат антирелигиозных акций советских властей и в 1930-х и в 1960-х годах был общим – в конечном итоге их провал.

Источники и литература

1. Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 16. Д. 704.
2. Антицерковные гонения в Ленинградской епархии: 1958–1964. СПб., 1995.
3. Никита Сергеевич Хрущев. Материалы к биографии. М., 1989.
4. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 10.
5. Ильичев Л. Ф. Очередные задачи идеологической работы партии. Доклад на пленуме ЦК КПСС 18 июня 1963 г. М., 1963.
6. Коммунист. 1964. № 1.
7. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 529.
8. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 9324. Оп. 2, Д. 101.

Т. А. Цыбенко,

Государственный архив новейшей истории Белгородской области

С НОВОГО ГОДА – НОВЫЙ РУБЛЬ

Аннотация. В статье на основе газетных статей и документов, хранящихся в ОГКУ «ГАНИБО» освещается процесс обмена денежных купюр в январе 1961 года на более дорогие по номиналу.

Ключевые слова: новые деньги, обмен, номинал, округление розничных цен, управление Госбанком.

60 лет назад, 1 января 1961 г. в Советском Союзе ввели новые деньги. Сталинские «портянки» заменили на новые хрущевские «фантики», меньшие по размеру, но более дорогие по номиналу.

Если в 1947 г. обмен денег был неожиданным, то о новогоднем подарке 1961 года страну предупредили заранее. Еще 4 мая 1960 г. вышло постановление Совета Министров СССР «Об изменении масштаба цен и замене ныне обращающихся денег новыми деньгами». Многие документы, касающиеся этого события, еще не рассекречены, исследования не написаны. Но наш архив располагает интересными сведениями из газетных статей, справок, постановлений Обкома и горкомов КПСС, которые мы представляем нашим читателям.

«Завтра по всей стране начнут работать обменные пункты Госбанка», – писали все газеты Советского Союза. Вышел в путь новый советский рубль. «Твердый и уверенный шаг у него. Позади остаются и

франк, и фунт стерлингов, и одряхлевший хвостун – американский доллар. Теперь он стоит 90 копеек» В центральных газетах было опубликовано описание и образцы новых денег. «Завтра тысячи и миллионы советских людей увидят, будут держать в своих руках, нести в магазин новые деньги. Готовы к обмену денег и работники Белгородского городского управления Госбанка» [1].

В ЦК КПСС и Совете Министров СССР признали целесообразным не производить обмена монеты старого образца достоинством в 1, 2, 3 копейки и сохранить в обращении эту монету по ее нарицательной стоимости. Управляющий областной конторой Госбанка рапортовал: «Второго января жители области обменяли два миллиона сто восемьдесят тысяч старых денег».

В Белгороде и Белгородском районе в первый день было принято от населения около трехсот тысяч рублей. Менялись деньги без всякого ограничения. Один гражданин, например, поменял пятьдесят, другой сто тысяч рублей.

Директор рынка: «Рыночные цены на продуктовые товары остаются без изменения. Некоторые полагали, что цены на рынке сильно поднимутся. Этого не случилось, так как все понимают, что от обмена денег ни государство, ни население ничего не теряют».

Заведующий центральной сберкассой: «В сберегательных книжках вкладчиков мы сделали перерасчет на новые деньги. К нам уже приносят вклады новыми деньгами: открыто четырнадцать лицевых счетов. Началась продажа лотерейных билетов стоимостью по тридцать копеек»

Заведующий магазином: «На чеках мы выбиваем новые цены, а деньги принимаем и старые, и новые. Нам приходится нелегко: к новым деньгам, к пересчету их на старые, пока не привыкли ни мы, ни покупатели. Нам нужно быть очень внимательными» [2].

Алексеевка, газета «Путь к коммунизму», 3 января 1961 г.: «Вчера начали работу обменные пункты Государственного банка в нашем городе. Они приняли в обмен более 90 тысяч рублей старых денег. Одновременно новые деньги появились в магазинах, на почте, и т. д. Новыми деньгами также выдавалась зарплата за вторую половину декабря».

«Сто тысяч рублей новых денег уже отправлены из сейфов банка в обращение в нашем районе. И теперь уже многие видели новенькие, небольшого размера рубли, трехрублевки, пятерки и блестящую разменную монету. Обменные пункты за эти три дня обменяли более 300 тысяч рублей старых денег. Обмениваем любые суммы и выдаем любыми купюрами. Но больше всего спрос на пятерки, трехрублевки и рубли. В наших магазинах уже в обороте новые деньги. Правда, здесь по привычке покупатели еще продолжают называть старые цены на товары и удивляются, когда им говорят, что буханка хлеба стоит 30 копеек новыми деньгами, вместо 3 рублей старыми. Новые деньги пришли и на колхозный

рынок. Здесь их подолгу рассматривают жители сел, привезшие свои продукты на рынок. Здесь и новый рубль находит своих владельцев» [3].

Населению объясняли: при пересчете цен на новый масштаб предусмотрен вполне определенный и справедливый порядок округления в тех случаях, когда образуется дробная часть копейки. Если она меньше полкопейки, ее отбрасывают. Округление розничных цен, оканчивающихся на 5 копеек, на ржаной, пшеничный хлеб и хлебобулочные изделия будет проведено в сторону снижения. Таким образом, хлебные изделия, стоившие 65 копеек, 1 руб. 35 коп., 1 руб. 55 коп., с нового года будут стоить дешевле (6, 13, 15 коп.) Масло, сахар, колбасные и кондитерские изделия и другие продукты, население покупает по 100, 200, 300 граммов. Для удобства покупателей тоже будет производиться округление.

Особая забота была проявлена о детях. На продукты детского питания и все товары детского ассортимента округление происходило в сторону снижения. Подешевели игрушки, некоторые елочные украшения. Оплата проезда на транспорте тоже изменилась. Так проезд в трамвае стал стоить 3 коп., в автобусе и метро – 5 коп. Благодаря этим мероприятиям население страны получило экономию 115 миллионов рублей в год.

Интерес вызывает документ «Докладная записка Крахмалеву М.К., секретарю Белгородского Обкома КПСС от 5 ноября 1960 года» Управление внутренних дел рапортует о проведении следующих мероприятий: «Весь оперативный состав, участковые уполномоченные и патрульно – постовой наряд милиции нацелен на обеспечение наблюдения за обменными пунктами, учреждениями госбанка и транспортными средствами, перевозящими ценности. В связи с тем, что работники милиции будут отвлечены для охраны ценностей при замене денег, к охране общественного порядка должны быть привлечены добровольные народные дружины, ведомственная и сторожевая охрана учреждений и предприятий» [4, л. 22]. При этом предписывалось обратить внимание на выявление еще не учтенного уголовно-преступного элемента. Лица, склонные к совершению преступлений, органами милиции взяты под наблюдение. Отстранены от перевозки денег лица, ранее судимые за бандитизм, воровство и заменены другими.

Пережили советские люди обмен денег в 1961 г., пережили и павловский обмен 50- и 100-рублевых купюр в январе 1991 г. и всегда надеялись на лучшее. Эта надежда всегда спасала, давала силы и вселяла веру в счастливое будущее.

Источники и литература

1. Доброго пути! // Ленинская смена. 1961. 1 янв.
2. Новый рубль пошел в оборот // Ленинская смена. 1961. 3 янв.
3. Новые деньги поступили в обращение // Путь к коммунизму. 1961. 3 янв.
4. Государственный архив новейшей истории Белгородской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 808.

В. П. Чаплыгин,
кандидат исторических наук,
Курский государственный университет

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕФОРМА 1965 г. В СССР И ПОВЫШЕНИЕ КУЛЬТУРЫ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА (НА МАТЕРИАЛАХ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ)

Аннотация. В статье анализируется проведение экономической реформы 1965 г. в сельском хозяйстве на материалах областей Центрального Черноземья. Центральное место отводится обобщению опыта привлечения интеллигенции села к повышению профессионального уровня механизаторов. В частности рассматривается эффективность таких форм, как курсы, школы, кружков мехвсеобуча и т. д.

Ключевые слова: экономическая реформа, сельская интеллигенция, механизаторы, сельскохозяйственное производство, повышение профессиональной квалификации, эффективность учебы.

В октябре 1964 г. пришло новое руководство к управлению страной, которое осознавало необходимость перемен. Вектор изменений был определен на мартовском (1965 г.) Пленуме ЦК КПСС. На нем был дан старт экономической реформе в сельском хозяйстве. Ее инициатором был председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин. На мой взгляд, это был не просто пленум по аграрным вопросам. Это была попытка формировать политику на научной, демократической основе, с участием всего общества. Кроме того, вышеуказанный пленум занимает особое место в истории реформирования отечественного сельского хозяйства. На нем впервые был разработан комплексный подход к решению накопившихся проблем в аграрном секторе. К этому времени он переживал серьезный кризис. В постановлении пленума одной из причин кризиса называлось низкая культура сельскохозяйственного производства [1, с. 6].

Проблема повышения культуры сельскохозяйственного производства приобретает особую актуальность в современных условиях. Ее значение определяется не только острой необходимостью улучшения эффективности аграрного сектора, но и тем, что решение этой проблемы одновременно является важнейшим условием повышения общей культуры тружеников села. В реализации этой задачи важная роль принадлежит интеллигенции. Само понятие «культура сельскохозяйственного производства» является сложным и многогранным. Поэтому в данной работе мы остановимся на характеристике лишь одного направления. Это участие сельской интеллигенции в подготовке механизаторских кадров для села.

Сам термин «сельская» означает не только территориальный признак размещения, но и подчеркивает целый ряд отличий. Они отражают

неодинаковый уровень развития производительных сил города и деревни, наличие существенных социально-экономических и культурно-бытовых различий между ними. В результате – численность сельской интеллигенции отстает от городской, она менее дифференцирована по профессиональным группам, более низким является ее образовательный уровень. Однако интеллигенция села играла и продолжает играть важную роль в повышении общей культуры тружеников деревни. Исследование прошлой практики позволит не только использовать накопленный опыт, но и избежать повторения ранее допущенных ошибок.

Мартовский (1965 г.) пленум ЦК КПСС впервые разработал комплексный подход к решению накопившихся проблем в аграрном секторе. Одной из них был низкий профессионально-технический уровень тружеников села. Они сами чувствовали, что у них не хватает знаний, умения работать с новой техникой и в новых условиях. Этот психологический перелом в настроении сельских жителей можно отчасти проследить на страницах областных и районных газет Центрального Черноземья. Например, 1 февраля 1965 г. «Белгородская правда» опубликовала письмо механизаторов колхоза «Рассвет». В нем они писали: «Нам механизаторам, да и выпускникам школы словно воздух, необходим профессиональный всеобуч. В соседних колхозах уже давно учат трактористов новому, прогрессивному, а наш главный инженер Евсюков лишь собирается организовать занятия».

Насыщение колхозов и совхозов техникой, которое резко ускорило после 1965 г., потребовало усиления подготовки механизаторов. Механизатор в годы VIII–IX пятилеток стал главной фигурой на селе. Их численность постоянно росла и составила в 1965 г. 168,2 тыс. чел., в 1970 г. – 183,8 тыс. чел., в 1976 г. – 189,5 тыс. чел. В то время как, численность сельского населения уменьшалась и составила соответственно 5 220 тыс. чел., 4 784 тыс. чел., 3761 тыс. чел. [2, с. 57]. В стране тогда родилось новое патриотическое движение «Живешь на селе – умей управлять техникой».

Сельская интеллигенция приняла самое активное участие в обучении взрослого населения деревни профессии механизатора. Естественно, что наиболее квалифицированная подготовка их проводилась в профтехучилищах. Однако в исследуемый период здесь готовили только около 60 % кадров механизаторов, а 40 % подготовки и вся курсовая переподготовка проводилась непосредственно в хозяйствах [3, с. 70].

В рассматриваемое время партийные комитеты руководили не только общественными, но и государственными органами. Таким образом, они концентрировали практически всю власть, как в центре, так и на местах. Такая монополизация позволяла быстро сосредоточить усилия всех необходимых структур для решения определенной задачи. Решения, выносимые на заседаниях партийных комитетов всех уровней, были обязательны для выполнения всеми исполнительными и общественными

организациями. Действовавшая в СССР командно-административная система давала возможность быстро довести решения центра до колхозов и совхозов. Причем областные и районные комитеты партии, жестко контролировали выполнение решения центральных органов на местах.

Так, после решения мартовского (1965 г.) пленума ЦК Белгородский, Воронежский, Курский обкомы КПСС практически ежегодно в течение восьмой и девятой пятилеток вносили в повестку дня своих бюро вопрос «О подготовке механизаторских кадров для колхозов и совхозов области». Это давало возможность постоянно держать в центре внимания этот важный участок работы. Тамбовский обком партии после подведения итогов трехлетнего плана подготовки, переподготовки руководителей, специалистов сельского хозяйства и кадров массовых профессий, в 1967 г. утвердил теперь уже четырехлетний план на 1967–1970 гг. [4, л. 10]. Такое планирование давало возможность действовать на перспективу. Липецкий обком КПСС периодически рассматривал на заседаниях бюро вопросы механизаторского всеобуча в отдельных сельских районах. Например, «О работе с механизаторскими кадрами в Краснинском районе» (1971 г.), «О работе Долгоруковского райкома КПСС по обеспечению выполнения перспективного плана подготовки и переподготовки кадров колхозов и совхозов» (1973 г.) и т. д. Такой подход давал возможность обкому выявлять не только единичные, но и общие недостатки в работе парторганизаций по проведению мехвсеобуча, намечать программу по их устранению. Обобщать и распространять положительный опыт лучших хозяйств.

Однако непосредственная работа по привлечению интеллигенции к повышению профессионально-технического уровня механизаторов ложилась на городские, районные и особенно на колхозные и совхозные парторганизации. Для этого они использовали такие формы партийной работы, как обсуждение вопросов на пленумах и бюро РК (ГК) КПСС, на партийных собраниях, заседаниях парткомов, правлениях колхозов, в советах интеллигенции, на общих собраниях представителей всех профессиональных отрядов интеллигенции хозяйств, индивидуальные беседы, представителям интеллигенции из числа членов КПСС и ВЛКСМ давались партийные и комсомольские поручения. Преподаватели курсов, школ, кружков мехвсеобуча утверждались на совместных заседаниях правлений и парткомов, дирекции совхозов, на заседаниях бюро райкомов партии. Партийные комитеты периодически рассматривали на своих заседаниях качество обучения, обеспечения курсов и школ необходимыми учебными пособиями, явку слушателей на занятия. Они периодически выходили с конкретными предложениями в правления колхозов и дирекции совхозов о создании оптимальных условий для учебного процесса, поощрении наиболее успевающих слушателей, создании материальной заинтересованности у работников в своем профессиональном росте. В конце учебного года подводили итоги

обучения, намечали планы по дальнейшему повышению профессионально-техническому уровню механизаторов. В результате такой работы численность механизаторов в хозяйствах Курской и Липецкой областей, соответственно увеличилась с 22,01 тыс. чел. и 17,5 тыс. чел. в 1966 г. до 28,0 тыс. чел. [5, с. 30] и 17,5 тыс. чел. к 1971 году [6, с. 65].

Причем партийно-государственные органы указанных областей самое пристальное внимание уделяли качеству подготовки трактористов-машинистов. Такая направленность был характерна, например, для совхоза «Елецкий» Липецкой области. Для проведения занятий на курсах были утверждены опытные специалисты – гл. инженер А. Л. Зеленцов, механики И. А. Мелихов и Н. А. Никитина, агроном В. В. Бобров. Умело, увязывая теоретический семинар с практикой, они квалифицированно готовили механизаторов для своего хозяйства. В итоге одна треть механизаторов совхоза получили I и II квалифицированные разряды. Возросший профессиональный уровень работников положительно сказался на результатах года [7, л. 229].

Значительный рост профессионального мастерства механизаторов среди других факторов, несомненно, сказался и на общем увеличении сельскохозяйственной продукции Курской и Липецкой областей. Если в 1965 г. здесь собирали в среднем, соответственно, 13,9 ц и 11,5 ц зерна с 1 га, то только за четыре года VIII пятилетки урожайность зерновых выросла на 40 % [5, л. 36], тогда как в Белгородской области на 18 %, [9, л. 164] в Воронежской – на 10 %, [10, л. 19] в Тамбовской – на 25 %.

К сожалению, деятельность партийно-государственных органов областей Центрального Черноземья по привлечению интеллигенции к подготовке механизаторских кадров не сопровождалась улучшением социальных условий проживания на селе. Это привело к сохранению высокой миграции сельского населения. Например, проведенный нами сравнительный анализ изменения рабочих кадров в совхозах региона показал, что в 1974 г. сохранилась десятипроцентная текучесть указанного контингента, по сравнению с 1973 г. [2, с. 81].

Замедление строительства жилья, школ, детских садов, клубов привело не только к срыву выполнения задания об обеспеченности двухсменной работы механизаторов к концу восьмой пятилетки, но и к снижению коэффициента сменности машинно-тракторного парка (МТП). В результате к началу 1976 г. каждый четвертый совхоз и пятый колхоз РФ имели механизаторов меньше наличия тракторов. В ЦЧО на каждые сто тракторов в колхозах приходилось 150 механизаторов, в совхозах – 126. Такое уменьшение численности трактористов-машинистов проходило при одновременном росте их выпуска из ПТУ, курсов и школ мехвсеобуча. В итоге, эта система работало как бы на холостом ходу. Однако, интересно, что согласно обследованию, проведенному ЦСУ РСФСР, закрепляемость механизаторов, обучавшихся через различные формы мехвсеобуча, была выше, чем среди выпускников профтехучилищ. Так, в 1975 г. на курсах их

было подготовлено 166 тыс. чел., из них 96 тыс. – зачислены в качестве штатных трактористов, а 69 тыс. как резервные механизаторы. В то время как значительная часть лиц, прошедших подготовку в системе профтехобразования, не прибыли по распределению.

Главной причиной этого явления мы считаем то, что в хозяйствах обучались, как правило, люди в более зрелом возрасте. Они уже твердо и обдуманно решили получить специальность механизатора, в отличие от контингента ПТУ. Тем более что для их выпускников привлекательной была работа в городе. Не только в силу лучших условий жизни, но и более дифференцированной оплаты труда в промышленности и в строительстве, чем в сельском хозяйстве.

Особенно процесс миграции усилился в IX пятилетке. Село покидали в основном молодые люди, успевшие получить определенную квалификацию, в том числе и специальность тракториста-машиниста. Меры, намечаемые в целом ряде постановлений центральных партийно-государственных органов, не были выполнены и поэтому не смогли стабилизировать кадры механизаторов. В это время усилилось отчуждение непосредственных производителей от продуктов своего труда. Не чувствуя себя настоящими хозяевами, отдельные из них не очень-то дорожили своей работой. В подтверждение этой мысли можно привести следующие факты. Только с апреля 1975 г. по апрель 1976 г. уволился по собственному желанию в колхозах каждый третий механизатор и почти каждый второй в совхозах. В областях Центрального Черноземья за этот промежуток времени за различные нарушения трудовой дисциплины были также исключены в колхозах 319 чел. и уволены из совхозов 376 чел.

Падение трудовой дисциплины, уравниловка в оплате труда отрицательно сказывалась на экономических показателях. В Воронежской области, например, за 1971–1974 гг. энергонасыщенность колхозов увеличилась на 21 %, а темпы роста объемов тракторных работ только на 14 % [10, л. 219]. Рассматривая вопрос «Об укреплении технической базы и подготовке механизаторских кадров в колхозах и совхозах области», бюро Белгородского обкома партии также констатировало снижение в области дневной выработки машин, затягивание сроков выполнения полевых работ, наличие массовых случаев преждевременного износа и списания техники, перераспределения средств на ее содержание и т. п. [9, л. 26]

Все эти негативные явления проходили на фоне увеличения оплаты труда механизаторов. Так, в Курской области среднемесячная оплата труда за годы девятой пятилетки возросла с 82 до 106 рублей. Тогда как сезонная выработка на эталонный трактор не росла и составляла 1 355 га условной пахоты [5, л. 22, 23]. Таким образом, мы видим, что началась выплата незаработанных денег с целью удержания людей в аграрном секторе. Это еще более усугубило положение дел в сельском хозяйстве и способствовало появлению кризисных явлений в экономике.

Материалы проведенного исследования позволяют сделать ряд выводов и обобщений. Решения мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС о развитии сельского хозяйства страны не были выполнены. В результате, как отмечалось на Пленуме ЦК КПСС в марте 1989 г. «неотрегулированность экономических отношений в аграрном секторе, сохранение старых методов хозяйствования, большие промахи в организации и оплате труда серьезно ослабили воздействие материальных стимулов на сельского труженика». Все это, по нашему мнению, деформировало функции сельской интеллигенции по повышению культуры сельскохозяйственного производства. Принимаемые в 1960-е – 1970-е гг. партийные решения по активизации ее роли в повышении профессионально-технического уровня механизаторов несли на себе печать времени, имели компромиссный, половинчатый характер. Они отражали идеологические установки, свойственные для этого периода. Часто декларируемые положения о том, что социализм является живым творчеством масс, не подкреплялись конкретной организационно-политической работой. В итоге это привело к снижению общественной активности сельских интеллигентов, особенно к концу девятой пятилетки.

Эти и другие недостатки появились как по объективным, так и по субъективным причинам. В-первую очередь из-за допущенных ошибок, формализма, отсутствия концепции использования интеллигенции села в развитии агропромышленного производства, в их числе необходимо особо выделить такие, как отрыв системы повышения профессиональной квалификации от потребностей практики, отсутствие тесной связи оплаты труда сельских специалистов от его количества и качества, неудовлетворительные социально-бытовые условия труда и отдыха всего сельского населения и целый ряд других. Появление этих недостатков мы связываем прежде всего с низким профессиональным уровнем как части партийных работников, курировавших сферы народного образования, сельского хозяйства, здравоохранения, культуры, так и значительной части сельской интеллигенции, которая тогда по образовательному уровню все еще уступала городской.

Эти и другие причины привели к снижению эффективности использования интеллектуального потенциала села в деле развития сельского хозяйства. Одновременно мы считаем необходимым отметить определенную работу партийно-государственных органов по привлечению интеллигенции к подготовке механизаторских кадров в 1965–1975 гг. Но анализ архивных документов, беседы с государственными, партийными, советскими, профсоюзными работниками того времени убеждают нас, что эта деятельность могла иметь значительно больший социально-экономический эффект, если своевременно было бы учтено изменение экономической ситуации в сельском хозяйстве. Обстановка требовала внедрения интенсивных методов развития сельскохозяйственного производства областей Центрального Черноземья. Постановлений и

решений на этот счет было принято не мало, но дела практически стояли на месте. В результате экономика не только изучаемого региона, но и страны в целом по инерции продолжала развиваться в значительной мере на экстенсивной основе. В конечном счете, это привело общество в кризисное состояние в 80-е гг. XX столетия.

Источники и литература

1. Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. 24–26 марта 1965 года. Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1965. 245 с.
2. Чаплыгин В.П. Деятельность парторганизаций Центрального Черноземья по активизации роли интеллигенции в повышении культуры сельского населения (1965–1975): дисс ... канд. ист. наук. Курск, 1990. 244 с.
3. Деятельность КПСС по повышению культурно-технического уровня тружеников села / под. ред. проф. В. Б. Островского. Саратов: Саратовский госуниверситет, 1979. 175 с.
4. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (далее – ГАСПИТО). Ф. 1045. Оп. 2. Д. 613.
5. Государственный архив Курской области. Ф. Р-3168. Оп. 2. Д. 4235.
6. Народное хозяйство Липецкой области за годы девятой пятилетки. Стат. сб. Воронеж, 1977. 234 с.
7. Государственный архив новейшей истории Липецкой области. Ф. 3. Оп. 54. Д. 229.
8. Государственный архив Белгородской области. Ф. Р-1. Оп. 17. Д. 27.
9. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области. Ф. П-34. Оп. 44. Д. 19.
10. ГАСПИТО. Ф. 1045. Оп. 3. Д. 66.
11. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-616. Оп. 3. Д. 10317.
12. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 15–16 марта 1989 г. М.: Политиздат, 1989. 247 с.

В. Г. Кокоулин,

доктор исторически наук,

Научно-исторический журнал «Сибирский Архив»;
Сибирский университет потребительской кооперации

ОТМЕНА КРЕПОСТНОГО ПРАВА В ПОЛИТИКЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ XX – НАЧАЛА XXI вв.

Аннотация. В статье анализируется освещение темы отмены крепостного права на страницах учебной литературы, а также на публичных мероприятиях к 50-, 100- и 150-летней годовщине этого события. Показаны изменения в освещении причин, движущих сил и результатов крестьянской реформы в дореволюционной Российской империи, в 1920-е – 1930-е гг., в 1940-е – 1980-е гг. и в постсоветской России. Отмечается, что первоначальная либерально-монархическая трактовка этого события заменяется на «марксистско-ленинскую», а в 1990-

е гг. происходит возврат к прежним либерально-монархическим установкам. Автор приходит к выводу, что изменения в освещении этого события были связаны с официальной политикой исторической памяти в различные эпохи.

Ключевые слова: отмена крепостного права, «Великие реформы», Александр II, политика исторической памяти, учебник истории.

Отмена крепостного права в 1861 г. хотя и не относится к числу значимых дат российского календаря, однако она оказалась в числе тех событий, историческая память о которых подвергалась переформатированию дважды на протяжении XX – начала XXI в.

Годовщины этого события отмечали в 1911 г., в 1961 г. и 2011 г. Только каждый раз это событие наполнялось разными смыслами, отражавшими отношение политики исторической памяти к той реформе, которая, с одной стороны, дала мощный толчок развитию России, а, с другой, – не устранила внутренних противоречий в стране и в конечном итоге привела к революции 1917 г.

Если мы обратимся к учебникам истории дореволюционного периода, то, безусловно, самым популярным из них является «Учебник русской истории» академика С. Ф. Платонова, который был написан прекрасным литературным языком, оказался простым для понимания и использовался для обучения гимназистов вплоть до 1917 г.

Глава в этом учебнике, посвященная отмене крепостного права, называется «Эпоха великих реформ» и начинается с параграфа «Время императора Александра II Освободителя (1855–1881)». Кратко охарактеризовав личность и воспитание императора, С. Ф. Платонов переходит к характеристике самой реформы. Он отмечает, что проблему крепостного права пытался решить еще Николай I, поскольку «крепостной строй явно устарел», крестьян нельзя было оставлять «в бесправном состоянии рабства», а также нельзя было ожидать «роста и развития государственных сил при господстве в России отживших форм крепостного помещичьего хозяйства» [1, с. 364]. Глухо упоминаются крестьянские волнения. Что вполне понятно, учитывая время написания учебника. Так, автор пишет: «Император Александр II, беседуя с дворянскими депутатами в Москве, сказал знаменитые слова о том, что “лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнет отменяться снизу”. Эти слова имели в виду беспокойное состояние крепостных, которые ждали освобождения и волновались год от году заметнее и сильнее» [1, с. 364]. Движущей силой реформы, как и ее инициатором, автор называет самого императора Александра II. Что касается результатов отмены крепостного права, то С. Ф. Платонов отмечает, что она повлекла за собой остальные реформы, последствием которых были, во-первых, «упадок дворянства и демократизация общества», а, во-вторых, – «умственное брожение

радикального политического характера». Подчеркивает автор и экономические последствия отмены крепостного права – оживление торгово-промышленной деятельности, расцвет городов и купечества, формирование форм хозяйства с наемным трудом [1, с. 379].

Именно как «Эпоха великих реформ» вошла реформаторская деятельность Александра II в массовое сознание подданных Российской империи. 50-летняя годовщина отмены крепостного права отмечалась в Российской империи, поскольку особую симпатию к царю-освободителю питали российские либералы, хотя и монархисты не обошли его вниманием. В церковно-приходских школах были организованы молебны, учащимся читали брошюру «К 50-летию освобождения крестьян», изданную Священным синодом. В Казанском соборе прошло торжественное богослужение в присутствии Николая II. А в Думе монархист В. М. Пуришкевич выступил с речью об освобождении крестьян и пользе реформ. Одновременно царское правительство приняло все возможные меры, чтобы не допустить широкого обсуждения этого события, а тем более – незапланированных выступлений либеральных ораторов.

Оценка причин, движущих сил и результатов отмены крепостного права резко меняется после установления власти большевиков.

В первом большевистском учебнике истории, написанном академиком М. Н. Покровским, отмена крепостного права излагается в контексте борьбы торгового и промышленного капитала, причем от этой реформы, по мнению М. Н. Покровского, выиграл барин-крепостник и его союзник – торговый капитал. Промышленная буржуазия получила лишь «столько, сколько ей было совершенно необходимо и даже немножко меньше и этого» [2, с. 82]. Читателю сообщается, что в итоге реформы промышленность все же начала постепенно развиваться, что и привело к тому, что «в XX в. Россия вступила уже вполне определенно и бесспорно как страна развитого промышленного капитализма» [2, с. 84].

Учебник «Русская история в самом сжатом очерке» после того, как была разгромлена школа М. Н. Покровского в середине 1930-х гг., перестал издаваться, все экземпляры учебника были изъяты из библиотек или переведены в спецхраны. Однако концептуальные положения этого учебника в отношении некоторых страниц нашей истории сохранились и благополучно перешли в учебную литературу, издававшуюся позднее.

Так, в учебнике «История СССР» под редакцией А. М. Панкратовой, изданном в 1941 г. [3], отмена крепостного права излагается в главе «Буржуазные реформы 60-х гг.». Если в дореволюционном учебнике С. Ф. Платонова инициатором и движущей силой реформы был сам император Александр II, который характеризовался как либерал, то в советском учебнике он показан таким же консерватором, как и его отец – Николай I. Прочитаем соответствующий отрывок: «Во время Крымской войны начал царствовать новый император Александр II (1855–1881).

Будучи наследником, он заявлял себя сторонником сохранения крепостного права и защитником интересов дворянства. Однако уже в первые годы царствования Александру II пришлось стать на путь буржуазных реформ и, в первую очередь, на путь отмены крепостного права» [3, с. 183].

К числу причин отмены крепостного права составители учебника относят «экономическую невыгодность подневольного крепостного труда как в промышленности, так и в сельском хозяйстве», крестьянское движение, которое «в связи с Крымской войной стало принимать грозные размеры». В итоге в стране сложилась революционная ситуация (обстановка). Но крестьянское движение не переросло в революцию, подчёркивают авторы учебника, поскольку «рабочий класс только еще зарождался и не мог повести крестьянство на штурм самодержавия и крепостничества» [3, с. 184].

Основной вывод авторов следующий: «Отмена крепостного права была проведена в 1861 г. в обстановке обостренной классовой борьбы крестьян против помещиков. Но крестьянское движение было разрозненно и стихийно. Вот почему крепостникам удалось провести отмены крепостного права в своих интересах <...> “Положение 19 февраля” отразило буржуазный характер реформы, проведённый руками крепостников» [3, с. 190].

Значение этой реформы авторы видят в том, что «экономика России становилась капиталистической», ускорилось развитие промышленного капитализма, государственный строй «дворянско-крепостнической царской России» вступал на «путь постепенного, медленного буржуазного преобразования» [3, с. 192, 193].

Столетие отмены крепостного права в Советском Союзе в 1961 г. постарались не заметить. Слишком сильны были ассоциации с коллективизацией, которая массовым сознанием воспринималась как «второе издание крепостного права». Были и другие причины, связанные с провалом Целины и общим состоянием сельского хозяйства в стране, внешнеполитическими проблемами.

Что касается учебников сталинской эпохи, то их, разумеется, переписали, но формулы из учебника под редакцией А. М. Панкратовой относительно реформ второй половины XIX в. перемещались в новые учебники. Усиливалась лишь резкость формулировок. Так, вторая часть учебника для студентов исторических факультетов педагогических университетов, изданная в 1978 г. [4], открывается главой под названием «Кризис феодально-крепостнической системы в России. Возникновение революционной ситуации 1859–1961 гг.».

Показательно в этом плане и своеобразное «сгущение красок» – количество крестьянских восстаний, характеризующих третий признак революционной ситуации. Так, авторы указывают, что в 1858 г. было 86 крестьянских волнений, в 1859 г. – 90, а в 1860 г. – 126 [4, с. 8]. Отметим,

что в учебнике под редакцией А. М. Панкратовой первые две цифры совпадают с данными этого учебника, а вот третья – немного меньше – всего 108 [3, с. 183]. Но и эти цифры авторам учебника показались недостаточными. Они сослались на данные, приводимые академиком Н. М. Дружининым «по архивным материалам»: «крестьянских выступлений в действительности было в 1857 г. – 192, в 1858 г. – 528, в 1859 г. – 938» [4, с. 8].

Одной из причин того, что крестьянские выступления не переросли в революцию, в учебнике А. М. Панкратовой, как показано выше, было чрезвычайно слабое развитие рабочего класса. Буржуазии в ту эпоху полностью отказывали в какой бы то ни было прогрессивности. В последующих учебниках в соответствии с оценками В. И. Ленина и прямо ссылаясь на него, буржуазии не отказывают в революционности, но отмечают ее слабость: «Буржуазия в России, зародившись в недрах феодально-крепостнического строя, была недостаточно мощной силой в экономическом и особенно в политическом отношении, к тому же далекой от того, чтобы возглавить революционную борьбу и отстаивать интересы крестьян. Боясь революции, буржуазия устами либералов заявляла о необходимости освободить крестьян “сверху” и побуждала царизм к “уступкам духу времени”, надеясь путём реформ добиться разделения власти в стране между помещиками и буржуазией» [4, с. 14].

В годы Перестройки основной интерес в политике исторической памяти придавался новой экономической политике. Горбачевская политика исторической памяти в силу разных причин (критики Сталина и разоблачения злодеяний сталинизма, призывам возвратиться к «чистым ленинским истокам социализма», попыток ввести лишь элементы рыночных отношений при сохранении социалистического способа производства, отрицательного в целом отношения к капитализму) не изменила оценок причин, движущих сил и значения отмены крепостного права. Поэтому изложение этой темы в учебниках эпохи Перестройки (по крайней мере, на концептуальном уровне) практически совпадает с изложением этой темы в прежних учебниках [5].

Хотя в годы Перестройки и произошло переформатирование основного мифа, который лежал в основе политики исторической памяти в советский период («процветающий советский народ» превратился в «страдающий советский народ»), к дореволюционной России это отношения не имело. В 1990-е гг. происходит очередное переформатирование основного мифа. Если в годы Перестройки источником «страданий советского народа» объявлялся Сталин и сталинский режим в целом, то теперь этим источником стал социалистический строй и Советская власть в целом. Начал формироваться миф «Россия, которую мы потеряли» – о якобы процветающей царской России, бурное развитие которой прервали «немецкие агенты» – большевики. В этих условиях стала востребована та концепция отмены

крепостного права, которая излагалась в дореволюционном учебнике под редакцией С. Ф. Платонова. Не удивительно, что этот учебник переиздавался в середине 1990-х гг. огромными тиражами, рекомендовался для использования в учебном процессе и пользовался огромной популярностью.

В учебниках, издаваемых в 2000-е гг., эта тенденция видна еще более отчетливо. Так, в учебнике, изданном в Московском государственном университете в 2004 г. [6], отмена крепостного права начинается с рассказа о «царе-освободителе» Александре II, который из крепостника-консерватора советских учебников вновь превращается в прогрессивного либерала. Так, автор пишет: «Вступив на престол, Александр нашел в себе мужество признать крах николаевской системы и необходимость перемен» [6, с. 14]. «Крепостничество – пишет далее автор – стало серьезным тормозом развития промышленности и торговли, крестьянского предпринимательства» [6, с. 14]. Напомним, что в советских учебниках крестьяне превращались после отмены крепостного права не в «предпринимателей», а разорялись и пополняли рабочий класс.

На страницы учебника проникают и наработки новых исторических направлений, в частности, исторической антропологии. Это, безусловно, положительный момент. Так, наряду с экономическими причинами, ставшими предпосылками отмены крепостного права, автор называет слухи, распространявшиеся среди крестьян об освобождении от крепостной зависимости тех, кто отправится добровольцем на войну; боязнь новой «пугачевщины» со стороны помещиков.

А далее следует пассаж, который оказывался вполне созвучным с теми настроениями, которые господствовали в начале 2000-х гг. в связи с приходом к власти нового президента РФ В. В. Путина: «Перед российским самодержавием со всей неотвратимостью встали экономические и политические задачи: необходимо было выйти из тяжелого финансового кризиса, разрешить острые социальные проблемы и при этом сохранить положение России в ранге великих держав» [6, с. 17].

Когда уже Манифест об отмене крепостного права был составлен, автор учебника сообщает о том, что «по повелению царя он был переделан московским митрополитом Филаретом, который придал ему форму, призванную воздействовать на религиозные чувства крестьян». Автор учебника далее разъясняет: «Манифест проводил идею “добровольности” и “жертвенности” дворянства, от которого якобы исходила инициатива освобождения крестьян и навстречу пожеланиям которого пошёл государь. Манифест призывал крестьян к “спокойствию и благоразумию”, к неукоснительному выполнению установленных законом повинностей» [6, с. 25].

Появление подобного пассажа в изложение событий отмены крепостного права, которого не было даже в учебнике С. Ф. Платонова, свидетельствует о том, что автор учел ту ситуацию, которая сложилась в

постсоветской России, когда одним из активных агентов политики исторической памяти стала православная церковь.

Таким образом, насущные внешнеполитические и социально-экономические проблемы начала 2000-х гг. оказались «вписаны» в изображение иной исторической эпохи, отстоявшей на полтора века.

Если в советских учебниках прогрессивность отмены крепостного права была все же относительной – отмечалось, что сохранялись феодально-крепостнические пережитки, приводились рассуждения о прусском и американском пути развития капитализма в сельском хозяйстве, то теперь эти рассуждения исчезают и реформа однозначно оценивается как прогрессивная. Так, В. А. Фёдоров сообщает: «Хотя выкуп и дорого обошелся крестьянству, он несомненно способствовал развитию в стране капиталистических отношений. Из-под власти помещика крестьянин попадал под власть денег, в условия товарного производства. Перевод крестьян на выкуп означал окончательное отделение крестьянского хозяйства от помещичьего. Выкуп не только способствовал более интенсивному проникновению товарно-денежных отношений в крестьянское хозяйство, но и давал помещику денежные средства для перевода своего хозяйства на капиталистические основы. В целом реформа 1861 г. создала благоприятные условия для постепенного перехода от феодального помещичьего хозяйства к капиталистическому» [6, с. 36].

Переиначивается и смысл крестьянских восстаний. Так, автор заявляет: «Крестьянское движение 1861–1862 гг., несмотря на его размах и массовость, выливалось в стихийные разрозненные бунты, легко подавляемые правительством <...> Изменился и их характер. Если сразу после обнародования “Положений” 19 февраля 1861 г. крестьяне с немалым единодушием заявили протест против освобождения “подворянски”, то теперь они больше сосредоточили внимание на частных интересах своей общины, на использовании возможностей легальных и мирных форм борьбы, чтобы добиться наилучших условий для организации хозяйства» [6, с. 38].

Следует отметить еще одно обстоятельство. В 2000-е гг. изложение этой темы варьирует от учебника к учебнику. Сказываются методологические подходы авторов. Так, в учебнике А. С. Орлова и др. эта тема вписана в контекст теории модернизации. Авторы, рассказывая о том, что реформа способствовала развитию капитализма, разъясняют: «Несмотря на быстрый темп развития капитализма во второй половине XIX в., модернизация России растянулась на довольно длительный срок и сохраняла догоняющий характер по отношению к передовым капиталистическим странам того времени» [7, с. 268]

В учебниках под редакцией А. Н. Сахарова, симпатизирующих монархическому направлению, эта тема преподносится как «благоденствие» императора Александра II. Вот что сообщается учащимся: «После завершения войны перед царем и его правительством встали проблемы

внутреннего порядка. Император убедился, что управлять по-старому нельзя, что требуется основательная перестройка всего громоздкого государственного здания, что нужны реформы почти повсеместно. Особое место в этом ряду занимала проблема крепостных отношений. Путь этот оказался непростым и долгим. Лишь через пять лет крепостное право отошло в область истории. За это время была проведена огромная подготовительная работа» [8, с. 402].

А далее рассказывается о постепенном, но неуклонном экономическом развитии деревни. Автор комментирует: «Крестьянское хозяйство все больше и больше ориентировалось не только на удовлетворение продовольственных потребностей семьи, но и втягивалось в товарно-денежные отношения. Сельские общества и отдельные крепкие крестьянские хозяйства становились полноправными субъектами рыночной экономики» [8, с. 405].

Проблемы автор также отмечает. Правда, связывает он их не с сохранением помещичьего землевладения и пережитками феодальных отношений в деревне, а с малоземельем и общинной организацией, которые «препятствовали крестьянину-общиннику перерасти в самостоятельного производителя, работавшего по законам рынка» [8, с. 406].

150-летие отмены крепостного права все-таки стало значимым событием в истории постсоветской России. 16 февраля 2011 г. в Санкт-Петербурге на заседании оргкомитета по подготовке научно-практической конференции «Великие реформы и модернизация России», выступила губернатор В. И. Матвиенко. Она заявила, что «освобождение крестьян открыло простор для модернизации страны и развития экономики», то есть воспроизвела одну из оценок данного события, бытовавших в 2000-е гг. В работе конференции принял участие президент РФ Д. А. Медведев. В своей оценке он вполне солидаризовался с В. И. Матвиенко, заявив, что «подписание манифеста стало поворотным событием в отечественной истории XIX в., отправной точкой эпохи великих реформ 1860–1870 гг.: земской, городской, судебной, военной, финансовой и других; отмена крепостного права положила начало переходу России от аграрного к индустриальному развитию, дала импульс развитию частной инициативы и предпринимательства» [9].

Таким образом, первоначальная оценка отмены крепостного права как «благоденствие» либерального императора, полностью отвергнутая и переформатированная в советскую эпоху, вновь вернулась в историческую память в первоначальном виде. Однако за прошедшие 10 лет отмена крепостного права и «великие реформы» так и не стали значимой датой для большинства россиян. С одной стороны, они дали толчок развитию капитализма и были реформами, проведенными сверху под мудрым руководством государственной власти. Но, с другой стороны, – они вызвали подъем революционного движения в стране и в конечном итоге

привели к революции 1917 г., «забыть» которую официальная политика исторической памяти в современной России не может, но старается так переформатировать память о ней, чтобы она, как и любые другие революции, «окончательно ушла в историю».

Источники и литература

1. Платонов С.Ф. Учебник русской истории. СПб.: Наука, 1994. 430 с.
2. Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. Ч. I и II. От древнейших времен до конца XIX столетия. Пятое посмертное издание. М.: Учпедгиз, 1934. 282 с.
3. История СССР [Ч. 2]: учебник для IX класса средней школы / под ред. А. М. Панкратовой. М.: Учпедгиз., 1941. 272 с.
4. История СССР. Учебник для студентов ист. фак. пед. ин-тов. Ч. 2. 1861–1917 / под ред. П. И. Кабанова и Н. Д. Кузнецова. М.: Просвещение, 1978. 527 с.
5. См., напр.: История СССР. 1861–1917 / под ред. В. Г. Тюкавкина. М.: Просвещение, 1989. 463 с.
6. Фёдоров В.А. История России. 1861–1917: Учеб. для вузов. М.: Высш. шк., 2004. 384 с.
7. Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. История России с древнейших времен до наших дней. Учебник. М., 2001. 520 с.
8. Сахаров А.Н. История России с древнейших времен до наших дней. М.: Проспект, 2011. 597 с.
9. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.rbc.ru/society/03/03/2011/5703e4319a79473c0df1b0e4> (дата обращения: 22.02.2021).

**«РЕФОРМЫ В ИСТОРИИ РОССИИ»
(К 160-ЛЕТИЮ ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО
ПРАВА В РОССИИ)**

*Материалы
Всероссийской заочной научной конференции,
Курск, 12 марта 2021 г.*

Подписано в печать 23.08.2021 г.
Формат 60x84. Печать офсетная 80 г/м². Гарнитура Таймс. Тираж 70 экз.
Отпечатано ООО «Центр рекламы «Лощман»
г. Курск, ул. Семеновская, 78